

Лица Боспора

Литературный альманах

ВЫПУСК XII

Аира Боспора

литературный альманах
выпуск XII

Симферополь
2011

ББК 84.2 (Крым рус.)
Л 62

«Ли́ра Боспора». Альманах выпуск XII. ТПО «Вариант»,
 Л 62 СГТ, 2012 г. 376 с

ISBN 978-966-174-172-7

Редактор Вдовенко А. Н.
 Составитель Левченко Т. В.
 Компьютерный набор Левченко Т. В.
 сайт: http://www.litprichal.ru/users/LIRA_BOSPORA/
 Email: lira_bospora@mail.ru

Вот и выходит в свет очередной, уже двенадцатый по счёту, выпуск керченского альманаха «Ли́ра Боспора». В издании сохраняются постоянные рубрики: «Поэзия», «Проза», «Многогранники», «Краеведение», «Мемориал», «Ли́ра Боспора детям» и «Юмор и пародии» и другие. По-прежнему широка география гостей альманаха: Санкт-Петербург и Сосновый Бор, Москва и Киев, Краснодарский край и Сибирь... Благодаря Интернету, «Ли́ра Боспора» стала очень известна.

Большинство авторов следуют традициям классической литературы. В двенадцатом выпуске много молодых литраторов, что и питает надежду на новую встречу с читателями на страницах грядущих выпусков альманаха.

Альманах издаётся на средства авторов.

Ось і виходить у світ черговий, вже дванадцятий за ліченням, випуск керченського альманаху «Лі́ра Боспору». У виданні зберігаються постійні рубрики: «По́езія», «Проза», «Многогранні́ки», «Краєзнавство», «Меморі́ал», «Лі́ра Боспору ді́тям» й «Гумор та пароді́ї» та інші. Все також широка географія гостей альманаху: Санкт-Петербург і Сосновий Бор, Москва і Київ, Краснодарський край і Сибі́р... Дякуючі Інтернетові, «Лі́ра Боспору» стала дуже відома.

Більшість авторів наслідують традиціям класичної літератури. У дванадцятому випуску багато молодих літраторів, що й дає надію на нову зустріч з читачами на сторінках грядущі́х випусків альманаху.

Альманах видається на кошти авторів.

ЛИРА БОСПОРА

литературный альманах

выпуск XII

© Алексеева Л. П. 2012 г. © Артёмин К. А. 2012 г. © Беланова Н. И. 2012 г. © Беляева О. М. 2012 г. © Бойченко-Керненьский А. И. 2012 г. © Бондаренко Е. В. 2012 г. © Бурова С. А. 2012 г. © Бухарбаева А. И. 2012 г. © Васильев-Пальм Б. А. 2012 г. © Вдовенко А. Н. 2012 г. © Володин В. С. 2012 г. © Голубинский Л. К. 2012 г. © Дадай З. С. 2012 г. © Дерий Ф. П. 2012 г. © Десятова Л. С. 2012 г. © Дмитриюкова Г. Н. 2012 г. © Дудяков В. А. 2012 г. © Запорожец В. А. 2012 г. © Ицук Т. В. 2012 г. © Коваль В. Ф. 2012 г. © Конощенко С. А. 2012 г. © Кръжановская О. С. 2012 г. © Кувишиновская Т. А. 2012 г. © Кучмина И. Л. 2012 г. © Левченко Т. В. 2012 г. © Лось В. М. 2012 г. © Мазилев К. В. 2012 г. © Молодцов С. В. 2012 г. © Молодцова М. В. 2012 г. © Москатов А. Ю. 2012 г.	© Нестеренко В. М. 2012 г. © Пак Е. В. 2012 г. © Панин Л. Т. 2012 г. © Полянова Р. П. 2012 г. © Поникаровский Ф. Н. 2012 г. © Рабочая-Маринич Е. Ю. 2012 г. © Ромазанова Е. В. 2012 г. © Руденко В. Е. 2012 г. © Сахно Е. С. 2012 г. © Свириденко К. И. 2012 г. © Севрикова С. В. 2012 г. © Седова И. 2012 г. © Синеглазов А. В. 2012 г. © Синеглазова А. А. 2012 г. © Сичкаренко О. Л. 2012 г. © Славин В. Н. 2012 г. © Славин Н. А. 2012 г. © Смагина В. П. 2012 г. © Тарасенко А. Ф. 2012 г. © Тимчук С. В. 2012 г. © Тищенко Л. Д. 2012 г. © Токарева А. П. 2012 г. © Трушкова Н. С. 2012 г. © Храмова Л. В. 2012 г. © Цигельман Б. А. 2012 г. © Чаплин А. Ю. 2012 г. © Чудновская А. М. 2012 г. © Чудновский М. Е. 2012 г. © Шапран О. Д. 2012 г. © Шаталова Е. А. 2012 г. © Шербина Е. В. 2012 г.

Поэзия

Виктор

Запорожец

* * *

Фрагменты Вечности из витража
 Вселенной созданного Храма
 одушевила голограмма
 иллюзией Миража
 прошедших и грядущих лет,
 легенд и призрачных историй,
 от мировых фантазмагорий –
 до эволюции планет.
 Причинно-следственная связь
 духовных и мирских явлений
 вписала в ритмы озарений
 сакральных слов живую вязь.
 Генеалогии побег
 плодов Любви на Древе Жизни
 моей Космической Отчизны
 взрастил Божественный Стратег –
 и, в благодарность за талант,
 мне предоставленный для роста,
 писать пытаюсь дерзко, просто,
 свободно, словно... дилетант.

ЧУДО

О! Чудо из чудес – Рождение Дитя!
 в неумолкающей Симфонии Вселенной;
 под Пологом Небес шутя и не шутя
 Жизнь созидающей Божественно-нетленной.
 Благословенный Миг! Апофеоз Любви!
 Крик Бесконечности! Земная Радость Боли!
 Святой Экстаз двоих ликуй! звучи! живи!
 в Просторах Вечности в объятьях доброй Доли.
 Кем?! в Мире станешь ты – Учителем? Творцом?
 в расцвете добрых сил, вознёсшимся над веком,
 Хранителем Мечты? увенчанный венцом...
 Хочу, чтоб вырос ты... Разумным... Человеком.

СОЗВЕЗДИЕ ЛЮБВИ

– Вглядиись! Вон в вышине Созвездие Любви
 в Галактике Сердец снежинками летает.
 – Так поспешим туда! Ты только позови!
 Уж близится зима. Собрались птицы в стаи.
 Пройдёт бредовый день по нашим головам,
 затопчет наши сны и млечные мечтанья.
 Жизнь окрыли! Летим! Мы вечны будем там.
 Там не состарят нас невзгоды и страданья.
 – Уймись. Не искушай! Парить в межзвёздной мгле
 хотелось бы и мне вдали от мёртвой Леты.
 А здесь!.. Здесь без стихов, что?! будет на Земле,
 когда покинут Мир мечтатели-поэты.
 Прощай. Я помогу осилить смелый старт,
 на острие лучей прорваться в Бесконечность!
 Забудь о седине. Нет! я ещё не стар.
 Не забывай! Храни! мою любовь и нежность.

* * *

Поэзия звучит в тебе... во мне... покуда
 способность есть у нас как в детстве верить в чудо.

* * *

Не ведомо...орешек... как?! попал сюда.
 В расщелину меж скал он врос могучим Кедром.
 А по ночам над ним цветком цвела Звезда.
 И он тянулся к ней, взлететь, стараясь с ветром.
 Его тиранил зной, сёк ураганный град,
 зимой кусал мороз, льдом покрывая хвою,
 корёжа, ранил ствол жестокий камнепад...
 Кедр выжил – устоял, овеянный мечтою.
 Мечтою, что в его судьбу слетит Звезда
 и щедро озарит любовью неземною –
 и в ауре лучей сольются навсегда
 два чуда бытия в стремлении к покою.
 Но беспощадный Рок мечтания пресёк
 ударом молнии – Кедр запылал от боли.
 Души искристый рой вознёсся над горой,
 пытаясь одолеть гром неизбежной доли.
 И гасли на лету, теряя высоту,
 любви заоблачной янтарные искринки.
 И траурной золой играл смерч над Землёй...
 И падали с Небес седой Звезды слезинки...

* * *

Весна ушла. Увяло лето. Об осени так много спето,
 что в шляпу нищего поэта упало солнце, как монета.

* * *

Сверкая плавниками в разбрызганных лучах,
 морскими ритмами стремя тугие спины,
 то, появляясь – то теряясь на волнах,
 на помощь мчались черноморские дельфины...
 Там, у скалы, на огненном песке
 агонизировал ребёнок афалины.
 И тусклый взгляд туманился в тоске.
 И влага слёз смывала сгустки тины.

А рядом – мальчик, из последних детских сил,
 пытался дотащить его к прибою,
 не умирать детёныша просил
 и из ладошек поливал водою.
 Но дельфинёнок, вдруг, затих на берегу.
 Зеваки пляжные о смерти сожалели.
 А мальчик всхлипывал: «Я помогу! Я помогу!», –
 стгоня мух, пирующих на теле.

СОЛО В БЛЕСКЕ ЗЛАТА

Застывает стон струны – лунное пиано.
 Из полночной стороны а капелла пьяно
 отряхнула в раны соль, распиная болью,
 разыграла злую роль, обескровив долю.
 Ах ты, душечка – душа! Погоди немного!
 До чего же хороша зимняя дорога!
 Снег сокрыл ухабы, грязь, слёз осенних лужи...
 «Тпррру! Кабак! А ну-ка слазь! Полечись от стужи!»
 Распахнулись ворота. Человек встречает...
 Дымный гомон. Суета... «Что вам? Мёда? Чаю?..»
 С пылу – с жару, к бесу пост, снедь несут красотки.
 «Эй! потри замёрзший нос!» «Чарку! Живо! Водки!..»
 «Повторить!!! Ещё! Ещё!.. Хороша водица...
 Отпустило... Горячо...» Как тут не напиться.
 Без забот гуляй – пляши да горлань частушки!
 Не скупись! Гони гроши под угар пирушки!..
 Глядь! Цыганка – взгляд в упор. Соло в блеске злата.
 Закружился пёстрый хор удало – крылато.
 В песне – воля и простор, дым костров и дали,
 перевалы гордых гор, радость и печали.
 «Дай ладонь! Позолоти! Князь мой ясноокий.
 Вижу встречу на пути. Мир твой одинокий
 потревожит та – одна колдовскою тайной,
 распрекрасной, как весна. Встречей той, случайной
 будешь ты страдать всю жизнь. Не найдёшь покоя.
 Обо всём забудь. Держись! Верь! Душа такое

ощутит лишь только раз! Я... тебя... пленила
 красотой, гипнозом глаз! Поцелуй мой, милый,
 подарю, любовь пьяня! Что молчишь?! устало...»
 И она, обняв меня, в губы целовала
 на помин души моей и на горе счастью...
 Я прильнул теснее к ней, обжигаясь страстью.
 Но она... исчезла, вдруг, обронив колечко...
 Завертелось всё вокруг. Ёкнуло сердечко...
 Я очнулся – отчий дом, ни цыган – ни шума...
 Чёрной кошкой за окном бродит Ночь угрюмо.
 Горница – пустым пуста. Чутко спит гитара.
 Где же? Где?! моя мечта, поцелуй-подарок.
 Неужель приснилось мне?! буйное веселье.
 Заболел. Горю в огне, будто бы с похмелья.
 Кулачок разжал: кольцо – золотом цыганским
 озарило мне лицо, таинством шаманским
 потускнело на лету, жалости не стоя,
 покатилося в пустоту Вечного Покоя.

* * *

Накат волны шептал стихи – стихи заката.
 Но были рифмы их сухи. Тень Митридата
 тащила сумрак за собой, дыша устало,
 затмила берег и прибой – и душно стало.
 В открытых окнах тлела страсть земного ада.
 И, вдруг, на город пролилась Луны прохлады.

* * *

Грустить не стоит Жизни Сон
 ещё сулит Любви мгновенья
 и Откровенья Вдохновенья
 не превратились в мёртвый стон.
 Пускай горят твои глаза
 неугасимой звёздной страстью,
 ведь ты, как прежде, веришь Счастьем,
 торя дорогу в Небеса.

* * *

ПлазмOIDный шар растекался по дали морской.
 Прибойная пена шуршала янтарной тоской,
 капризами бриза сдувая солёные блики.
 Песочные замки накатной волной поглотив,
 улёгся дремать в казантипском заливе прилив,
 где чаек уставших тонули печальные клики.
 Закат остывал, обречённо бескровно тускнел.
 Закат уплывал за таинственный лунный предел
 с собой унося приключений курортных улики.
 Надеждами жил нежный бархатный пёстрый сезон,
 пытаясь продлить золотой эротический сон
 в котором навеки остались любимые лики.

* * *

Душно! Душно! Душат душу спазмы адских дум,
 унижая, оскорбляя, изживая ум.
 Озирая призрак Рая, мечется Мечта,
 тает, таинством страдая, шепчет: «Я не та...
 Та была наивной, чистой. Та была честна,
 непорочной и лучистой, нежной, как Весна».
 Ах! Восторги и страданья. Обаянья власть.
 Нетерпенья ожиданья. Сладостная страсть.
 Но... давно в зените Лето. Душно на душе.
 Что весною было спето не вернёшь уже.

ЭТА НОЧЬ ДЛЯ МЕНЯ

Эта ночь для меня у астрала огня,
 где года догорают, как хворост с Древа Жизни
 надломленных прихотью Рока минут.
 Кто же в силе помочь вспять течению Стикса
 крутнуть Судеб Ворот – ведь мои откровения
 вещи всё ещё ждут.
 Я хочу, чтоб на миг обо мне позабыла
 седая, смертельная Жница,

что неожиданно является к нам
 с нержавеющей, острой косой.
 С теми, кто на Земле
 в Дар мой скромный поверил,
 не смог я проститься.
 Жизнь моя, погоди!
 у Парома Харона постой.
 Я ещё не озвучил свои сокровенные песни,
 сохранившие в сердце восторги крылатой Любви.
 О! Распятая вера, прости за сомненья – воскресни!
 О! Мгновенье земное! Надеждой на Вечность живи.

* * *

Каблучков настоженных соло:
 Цок-цок-цок, – по капризной судьбе.
 А повсюду безлюдно и голо,
 и, до ужаса не по себе.
 Светофоры, крестя скудной скукой,
 перекрёстки житейских тревог,
 распинают мигающей мукой
 столкновение адских дорог.
 В лужах, веря рекламным островам,
 ухмыляется лунная ртуть.
 Провода, вторя ветреным нотам,
 не дают сонным окнам уснуть.
 А за ними, вращая орбиты
 то ли звёзд – то ли радужных глаз,
 графоманы полночной элиты
 Слов Славянских смакуют экстаз.

* * *

Хвала вам, графомании друзья,
 штурмующие выси совершенства!
 Вы в творчестве нашли своё блаженство!
 И в неразрывной связке с вами я.

* * *

Не всё ль равно, когда в окно
из ока бури хлещет ливень.
А ты – трагически наивен,
и с буйной бездной заодно,
пытаясь на листе сыром
запечатлеть свои невзгоды
гротескной гаммой непогоды,
в зигзагах молний вспенив гром.
Как будто бы, обрушив смерч,
Природа смоем щедрым плачем
Судьбы шальные неудачи,
чтоб о тебе забыла Смерть.

* * *

Причаль печаль очей в поэзии ночей,
манящей в тишине созвездием свечей,
чтоб в радужности глаз земной любви экстаз
в безбрежном вечном сне случайно не погас.

* * *

В небесном задоре резвятся стрижи.
Мне кажется: пищут слова виражи
крылатой, небесной лазурью стихов –
но я их мотив уловить не готов.

* * *

– Улитка! Откуда ползёшь ты – куда?
– Из Вечности – в звёздную Вечность.
– Зачем же оттуда ползёшь ты туда?
– Я... Вечность несу... в Бесконечность.
– Не надо шутить! Ты слаба и мала.
– Но... в малом – силёнок – немало.
– А может быть ты... Бесконечность прошла?!
– Наверно... Ах! Я так устала!

Светлана

Бурова

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕТСТВУ

Байтан, Серкан, Сашок и Айбулат
 Любашка и Гордеева Наташка!
 Уж сколько лет, уж сколько зим назад
 Порхали мы, весёлые, как пташки.
 Дарила степь нам тонкий аромат:
 То мятно-сладкий, то полынно-пряный.
 Влекла прохладой вод река Аят
 И обаяньем берегов песчаных.
 Блаженна праздность! В зарослях речных
 Цвели кувшинки красотой дикой.
 Кто видел их, тому являлся стих,
 Сошедший с Книги Жизни разноликой.
 Рука не поднималась ни сорвать,
 Ни повредить ту прелесть ненароком.
 Как будто созерцанья благодать
 Давала здесь и мудрости уроки
 Нам, сорванцам просёлочных дорог,
 Воспитанникам улицы проворным,
 Когда ремень не очень-то был строг,
 А тяга к приключениям так упорна.
 И так милы проказы: шум и гам,
 Молодожёнам постучать в окошко
 Да нанести визиты сторожам,
 Когда прилягут подремать в сторожке.
 Вторженья совершая иногда

В колхозный сад за ягодой-малиной,
 Интуитивно знали мы тогда:
 Запретный плод всех слаще витаминов.
 Стремилась сунуть мы везде свой нос:
 На стройку и на ферму к поросяткам.
 Нас заносило ночью на погост
 И уносило прочь с душою в пятках.
 Мне почему-то нравилось ещё,
 Друзья мои и милые подружки:
 В овраге притаилось озеро.
 Какой концерт давали там лягушки!
 Вдыхали мы осенним хмурым днём
 О промелькнувшем лете, как о рае.
 Но чуть снежок закружит за окном,
 Грусть забывали, лыжи наостряя.
 Байтан, Серкан, Сашок и Айбулат!
 Сестрёнку вашу, помню, звали Танечкой.
 Уж сколько лет, уж сколько зим назад
 Её катали вместе мы на саночках.
 А ваш забор! В содружестве лихом
 Был и конём, и местом обозренья.
 Моя мечта – форсить на нём верхом –
 Сбылась в одно прекрасное мгновенье.
 Мы дрались редко. Чаще что есть сил
 Гоняли мяч и расходились с миром.
 Нас призрак коммунизма не страшил
 И не учил друг другу быть вампиром.
 Сейчас я в Казахстане гость чужой.
 Трудом даются с родиной свиданья.
 Границ, таможен столько – бог ты мой!
 Осталась дружба лишь в воспоминаньях.
 Байтан, Серкан, Сашок и Айбулат,
 Любашка и Наташка! По соседству
 Мы жили много зим и лет назад.
 В стране заветной под названьем Детство.

КОЗЁЛ И КЛЯЧА басня

На гору Кляча поднималась. Чуть не плача,
 Тащила за собой тяжёлый воз.
 А вниз Козёл спускался, словно Мачо,
 Молодцевато задирая нос.
 «Привет, Клячонка, как ты постарела.
 Всё пашешь, закусивши удила.
 Глянь на меня: красивый, гордый, смелый,
 На свете нет мне равного Козла...»
 От этих слов опешила лошадка,
 И воз раз в десять увеличил вес.
 Затрепетало сердце куропаткой,
 А голос так и вовсе вдруг исчез.
 А ведь она предостеречь желала
 При встрече путника от вероятной драмы.
 Сказать, что и сама едва не стала
 Заложницей одной глубокой ямы,
 Известной всем скандальным поведением;
 Что быстрый спуск чреват, увы, паденьем...
 Но, к сожаленью, вышло всё иначе:
 Когда пришла в себя трудяга-Кляча,
 Давай искать Козла во все глаза.
 Да где там сыщешь! Баловню удачи
 Давно уж отказали тормоза.
 Он прямо в яму бухнулся. А вскорости
 В газете местной вышло сообщение:
 «Козёл стал жертвой превышенья скорости
 И превышенья самовосхищения».

От автора добавлю два-три слова:
 «Хваля себя, не унижай другого.
 И нос не задирай, смотри под ноги,
 Когда Козлом несёшься по дороге».

НОВЫЙ ГОД

Узнай же нас, грядущий Новый год,
 Кого в золотой, кого в картонной маске.
 Уж мы не те, и ты уже не тот
 Волшебник удалой из доброй сказки.
 Однако всем отречься от забот
 Пора, жилища приведя в порядок.
 Не обессудь, сладёна Новый год,
 Тех, для кого приход твой горько-сладок.
 Не говори, что будет, наперёд,
 А просто загадаем мы желанья:
 Пускай всегда приходит Новый год
 Как праздник сердца, даже без названья.
 Уж скоро и земля, и небосвод
 Тебя, встречая, заключат в объятия,
 А ты пообещаешь, Новый год,
 Что станешь лучше своих старших братьев.

СОБАЧИЙ ХОЛОД

Какой собачий холод на дворе!
 А род людской хронически простужен:
 Тепла дождётся разве в январе,
 Когда и в мае нас пугает стужа?
 Не на волков охота – на дворняг –
 Давно идёт, пронизанная лаем.
 Но кто же настоящий Божий враг,
 Кто в шок повергнул город Николаев?
 Жестокость человечья – страшный яд.
 Ей волю дай – замучит всё живое.
 Уже пошла охота на котят,
 На беззащитных маленьких изгоев.
 Не дай господь дожить до чёрных дней,
 Когда убийство станет данью моды,
 В азарт войдёт охота на людей,
 И всё терпенье лопнет у Природы.

ФАНТАСМАГОРИЯ ЧУВСТВ

*Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред.
А. Пушкин «Евгений Онегин»*

То ль прошлой жизни яркий след
На наши чувства так влияет,
То ли горячка юных лет
У нас рассудок отнимает,
Кто знает правильный ответ,
Кто в этом что-то понимает?
Мне сердце говорит нелепость,
Ему я верить не могу,
Ведь ты, как сказочная крепость,
На том сияешь берегу.
А между нами океаны,
Их на челне не переплыть.
Есть разные на свете страны.
В одной не довелось нам жить.
И всё ж мне чуточку понятен
Твой мир, и я люблю его:
Разнообразен он и знатен,
В нём бурной жизни торжество.
И ты, кто, к счастью, предназначен
Лелеять звонкую струну,
Не знаешь той слезы горячей,
Тех чувств, в которых я тону.
Ни в чём тебя не упрекаю,
Надеяться не смею я.
А к расстоянью привыкаю,
Коль так велит судьба моя.
Поверь же, многого не надо
Твоей поклоннице. С лихвой
За ожидание награда
Услышать голос страстный твой.

И видеть вновь тебя на сцене
 В аплодисментах и цветах,
 Блеск глаз, порывистость движений
 И с семиструнной в руках.
 Когда ж погаснет свет экрана
 И лень навеют фонари,
 Одной пластинке неустанно
 Внимать до утренней зари.

1975 г.

**ЗАПОЗДАЛЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
 ПОСЛЕ УРОКА ЛИТЕРАТУРЫ**

Посвящается любимой подруге Д. Г. Конотоп

В школе образ Луки разбирая,
 Говорили: «Безумный старик,
 Обещает он радости рая
 И несёт, что пришло на язык.
 Будто смерть исцеляет невзгоды,
 Будто ждёт нас за гробом восход.
 И от истинной правды уводит
 Наш доверчивый бедный народ.
 Кто покинет сей мир – не воскреснет.
 Будет солнце сменяться луной,
 Будет сложена новая песня.
 Будут петь её новой весной.
 Будут звёзды сиять неустанно,
 Ожидая предутренний час.
 Будет свет – очень горько и странно,
 Но на свете не будет уж нас».
 Где же истина в море вопросов:
 Кто мы есть и уйдём мы куда?
 Нам внушали, что это так просто:
 Жизнь и смерть, как стакан и вода.
 Эту тайну умом не измерить
 И постичь никому не дано.

Только сердце бунтует и верит,
 Ведь уму неподвластно оно.
 Верит, что во Вселенной безбрежной
 Мы с любимыми встретимся где-то.
 Да поможет в том Бог и надежда
 И любви неземная планета.
 Заменить невозможно и некем
 Тех, кто дороги нам и близки.
 Не приемлю прощаний навеки
 И, всем дерзким словам вопреки,
 Верю в душу, что есть в человеке,
 И приветствую правду Луки. *

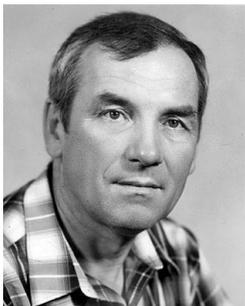
* Лука – персонаж пьесы М. Горького «На дне»

ОДИНОЧЕСТВО

Как-то тихо в мой дом постучало
 Одиночество сумрачным днём.
 Я его не признала сначала.
 Очевидно, ошиблось окном.
 «Одиночество как одиночество», –
 Пошутила ночная звезда.
 Ошибаетесь, Ваше Высочество,
 В предсказаньях. Ему не сюда.
 Здесь, конечно, недоразумение.
 А оно уж сидит за столом.
 Что за диво? Не глядя на трения,
 Нынче модно идти напролом.
 Уходи, говорю непутёвому.
 Не уходит. Открою вино.
 Раз нельзя начинать жизнь по-новому.
 Оставайся. Теперь всё равно.
 Раз душа не горит, только плавится,
 Смысла нет уже спорить с судьбой.
 Одиночество стало мне нравиться.
 Выпьем, милое! Тост за тобой!

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Не раз в воронку пагубного быта,
 Где отчуждением дышит всё вокруг,
 Бросала Муза верную защиту –
 Спасательный, выдавший штормы круг.
 Она меня, спасая, утешала,
 Дарила вдохновенье и мечты,
 Я с ней в края иные улетала
 От мелочной тщеславной суеты.
 Она была неглупой компаньонкой,
 С которою не в тягость tet-a-tet,
 И нянькой стих крестила, как ребёнка,
 Когда созревший выходил он в свет.
 Она меня будила среди ночи,
 Заядлому кочевнику под стать,
 Чтоб обуздать строптивых пару строчек,
 Мол, убегут, потом не отыскать.
 Но, право, я нисколько не роптала
 На странности наставницы своей.
 До дел житейских Музе дела мало,
 Перо, бумага – всё, что нужно ей.
 А лишь уйдёт, и вмиг проблемы быта
 Разрушат настроенья тонкий мир.
 И вдохновенье и мечты забыты.
 Ох, суета – завистливый вампир!
 Но я держусь, ведь Муза возвратится
 И бросит вновь спасательный свой круг.
 Мятежный ангел, вещая жар-птица,
 Предательства не ведающий друг,
 Она в мой дом влетит после разлуки,
 Коснётся поцелуем сонных век.
 Свиданья с нею – вызов хмурой скуке.
 Их стоит ждать и год, и два, и век...

Владимир

Володин

НОЧНОЕ СВИДАНИЕ

Целый день я нёс пустую околесницу
 Все влюблённые, наверно, дураки.
 Нет бы – просто рассказать, как сердце бешется
 От несмелого пожатия руки...

Уж в который раз село откукарекало...
 Посмыкали избы жёлтые глаза.
 И собакам лаем тешить больше некого.
 И моргает сонно дальняя гроза.

С нами полночь на мосту уже прощается...
 На плечах твоих пригрелся мой пиджак
 А Луна в твоём венке в реке купается,
 Не посмотрится на нас с тобой никак.

На твоей щеке слеза ещё не высохла.
 Эти слёзы – счастья сладкие следы.
 И для нас Господь, наверно, звёзды высыпал
 В тёмно-синий бархат неба и воды.

Уж в который раз село откукарекало...
 Посмыкали избы жёлтые глаза.
 И собакам лаем тешить больше некого.
 И моргает сонно дальняя гроза.

А когда поманит небыль
 В мир фантазий и мечты,
 Прихожу на берег неба –
 Берег вольной высоты.

Золотясь, в тройном просторе,
 Ждет песчаная коса.
 Слева – степи, справа – море,
 Остальное – небеса.

Л Е Т Н Е Й   Н О Ч Ь Ю

Когда вселенский наш диспетчер
 Укатит с неба Солнце прочь,
 Короткий южный летний вечер
 Сменяет бархатная ночь...

Покинув душный кров палатки,
 Лежу на пляже, на спине.
 Подобострастно море мне,
 Как раб смиренный, лижет пятки.

Похоже, мирозданье радо
 Исполнить каждый мой каприз:
 Так долго жданную прохладу
 Принёс на лёгких крыльях бриз;

Полдневный зной таится в скалах
 И дарит ласковым теплом.
 А россыпь звёзд, больших и малых,
 Чарует блеском и числом.

Степной душистый, терпкий воздух
 Дрожит от оперы сверчков.
 И, в такт, бесчисленные звёзды
 Мигают множеством зрачков.

Песка ракушечного шорох,
Или, точнее, перезвон,
Подвластен вздохам волн, в которых
Рождается и тает он...

Во всём я чувствую участие,
Души связующую нить...
Ну, о каком, скажите, счастье
Ещё возможно говорить?!

* * *

Обещанья, уговоры...
Ах, какие надоеды
Кандидаты в живодёры,
Кандидаты в людоеды...

* * *

Мы с детства слышали стократ
Слова: «В семье не без урода».
Возможно, есть и депутат –
Правдивый. И не враг народа.

* * *

Люблю я Родину любовью безответной...

сторону. Компания весело, будто в кино или в цирке, рассмеялась.

Антон Ильич непонятно от чего покраснел и быстро отошел от них подальше.

Такого с ним еще никогда не случилось, и он не знал, что лучше: возвратиться к зеркалу или всё-таки прибыть на службу вовремя.

Из-за поворота показался троллейбус.

Майор решительно шагнул в его сторону.

– Стой, Антон! Стой!!! – раздался сзади истошный крик.

Антон Ильич обернулся.

Пожилая соседка, с которой они иногда оставляли внучку, спешила к нему, делая руками какие-то странные знаки.

– Анна Прокофьевна... – открыл он было рот, но та испуганно остановила его:

– Молчи, Антон, молчи!.. Не двигайся! Замри!!!

Переставая понимать происходящее, майор застыл по стойке «смирно».

Запыхавшаяся соседка забежала ему вперед и сказала шпионским шепотом:

– У тебя попугай на фуражке!

– Ка...кой попугай? – вылупил он глаза.

– Твой. Гошка... А может и не твой. На нём не написано...

Значит так. Говори тихо, руками не размахивай, головой не крути!..

Разворачивайся и осторожненько-осторожненько пошли домой...

Если слетит, ни за что потом не поймаешь!

– Анна Прокофьевна, снимите его с меня! – взмолился Антон Ильич, – люди же кругом!

– А что тебе люди! – прошипела та, – если это ваш и улетит, Машка неделю рыдать будет!..

Представив, как может расстроиться любимая внучка, Антон Ильич покорился обстоятельствам и двинулся под соседкиным присмотром, поминутно её спрашивая:

– Сидит?

– Сидит-сидит. Я смотрю!

Когда он, стараясь произвести как можно меньше шума, открыл дверь квартиры, из кухни вышла встревоженная жена.

– Антон, почему ты вернулся? Анна Прокофьевна, что случилось?

«Пассажира» у мужа на фуражке она в полутьме прихожей не заметила.

– Марина, а Гошка наш где? – громким шепотом спросил Антон Ильич.

– Да здесь где-то, летает, – посмотрела жена на него удивлённо, – с тобой-то всё в порядке?

– А кого же я тогда принёс?

Майор осторожно снял головной убор. Небольшая птичка перелетела на вешалку и уставилась на людей круглым глазом.

– Ты наш, или не наш? – спросил он её.

– Здр-р-равия желаю! – выдал попугай.

– Наш, наш!.. – облегчённо улыбнулся Антон Ильич.

А крылатый гуляка, очутившись в центре внимания, склонил голову на бок и важно проорал:

– Алё, Михалыч... баню готовь!

Услышав собственные интонации, майор аж задохнулся от умиления.

– И девочек!.. и девочек!.. – добавила птица.

Антон Ильич втянул голову в плечи.

– Да, вроде, и не наш... – сказал он деревянным голосом, испуганно покосившись на жену.

Марина стояла с непроницаемым лицом. В её глазах плясали молнии.

Меж тем попугай перелетел на открытую кухонную дверь.

– Алё, Ир... – проверещал он оттуда, – платье я беру!..

Потом встопорщил хохолок и продолжил:

– Долдону скажу... деньги в троллейбусе спёрли!..

– Кажется, действительно не наш... – быстро сказала Марина, покраснев до корней волос. – Антон, ты отнеси его обратно. А то он у нас тут сидит, а хозяйева, небось, с ног сбились... ищут...

В глубине квартиры скрипнула дверь, и в сторону собравшихся направились детские шаги.

– Анна Прокофьевна, здравствуйте! – вежливо просипела Машка, придерживая повязку на горле. – Дедуль, а ты чего дома? Тоже заболел?

– Ой, Гошка, – обрадовалась она, увидев попугая, – ты здесь? А я тебя ищу-ищу...

Птица тут же слетела на протянутую детскую ручонку и зачастила:

– Маша, привет!.. Маша, привет!..

Супруги сконфуженно молчали, а довольная Машка спросила:

– Бабуль, он что, с тобой на кухне был?

Антон Ильич крякнул.

– Да нет, Машенька. Мы его с Анной Прокофьевной около остановки поймали.

Девчушка испуганно уставилась на деда.

– Он что, из дома улетел?

– Улетел, понимаешь... Улетел как-то... Но мы, видишь, его обратно принесли. – успокоил внучку дед.

Потом ещё раз крякнул и пояснил:

– Наслушался там, понимаешь, всякого!.. На улице... Теперь повторяет. Мы уже думали, что не наш.

Часы на стене заиграли что-то мелодичное, и майор спохватился:

– Ох, времени-то сколько!.. Ну... до свидания всем!

Когда за Антоном Ильичем захлопнулась дверь, Машка с попугаем ушлёпала в детскую, а Марина с Анной Прокофьевной ещё немного постояли в прихожей.

– Ах, Мариночка! – благостно вздохнула соседка, – вот гляжу я, так вы с Антоном живёте хорошо! Дружно. Будто голубки!..

– Это точно, – задумчиво проговорила Марина. – Для Тошеньки семья – главное! Вот, поверите, Анна Прокофьевна, – почти тридцать лет!.. душа в душу!..

Шрина

Кучмина

ЗИМНИЙ СОН

На небольшой каменной плите высечены строки из фронтового письма: «Дорогая, любимая Машенька! Часто вижу во сне тебя и детей. Война скоро кончится, и мы все вместе поедem в Крым на море. Ты только жди и верь... Николай, 43-й год».

– Мой дед не вернулся с войны. Его убили через месяц.

От неожиданности Рита вздрогнула. Она быстро смахнула слёзы и надела тёмные очки. Только после этого обернулась. Высокий мужчина с седым ёжиком волос, в чёрном вязаном свитере и джинсах, стоял сзади и смотрел на неё.

– Разрешите представиться, Сергей Смолин, автор.

Он был красив неброской, зрелой мужской красотой и его облик органично вписывался в северный летний пейзаж с ненавязчивым полуденным солнцем и в старую усадьбу, где в уютном тенистом дворике разместилась небольшая выставка скульптур под названием «Письма из прошлого»

– Замечательная выставка. Спасибо.

Рита взяла дочь за руку, и они направились к калитке.

– Вы – приезжие? – он спросил так, как будто хотел остановить.

– Нет. Да, – Рита смутилась и ускорила шаг.

– До свидания, – услышала вдогонку.

– Мама, ты что, ему ничего не скажешь? – прошептала обескураженная Лера. – Разве не для этого мы сюда приехали за тысячу километров?

– Тише, тише.

...Они возвращались домой на следующий день. Северный город провожал их дождем и раскатами грома, как будто за что-то злился, как будто они не оправдали его надежд. Рита села у окна и смотрела на удаляющиеся высотки, мосты, дороги, и мысленно перебирала подробности вчерашней неожиданной встречи со скульптором.

Они познакомились с Сергеем много лет назад, когда он приезжал с театром в её родной южный город.

...Кажется, это было только вчера. Гастроли одного из столичных театров проходили на сцене местного Дворца культуры. После работы Рита с подругой отправились на спектакль, поставленный по роману Юрия Бондарева «Берег», о любви советского офицера и немецкой девушки. Главных героев играли известные по кинофильмам актеры, а брата героини – незнакомый худенький юноша с лучистыми глазами.

На следующий день Рита столкнулась с ним в городской библиотеке. Он стоял в фойе и читал объявления.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Да, спасибо. – На нее смотрели все те же лучистые глаза.

– Я хотел бы взять рассказы Томаса Манна? Мы собираемся ставить новый спектакль. Надо перечитать.

– Да, конечно, думаю, вам не откажут.

С этого неожиданного для обоих знакомства начались их короткие встречи. Он приносил ей на свидание цветы, а она ему – первую клубнику. Он встречал её после работы и провожал домой. Приглашал в гостиницу, где их ждал заранее приготовленный стол. Главным блюдом был летний салат – свежие огурцы, помидоры, политые сметаной. Овощи были нарезаны ювелирно, мелко-мелко, аккуратными кубиками.

– До театра я учился в ПТУ на повара.

Они ели, пили сок, разговаривали, смеялись. И только. Сегодня в это трудно поверить, но им и так было хорошо.

Мы всё оцениваем после. После счастья, которое нам выпадает. Мы думаем, что таких мгновений ещё будет и будет. И ошибаемся. Потому что невостребованные, они уходят безвозвратно. Как и человек, твой, единственный, встречу с которым судьба дарит однажды.

Никто и никогда потом не относился к ней с таким трепетом и нежностью. Никто и никогда не смотрел с таким обожанием. И этого чувства легкости, спокойствия и благодарности, как и целомудренности чувств, больше не повторилось тоже.

...Гастрольное турне продолжалось, театр уехал в другой город. И Сергей преодолевал сто километров в тесном, душном автобусе, чтобы повидаться с ней. Привозил букеты белых садовых ромашек. Через час-другой возвращался, чтобы успеть на вечерний спектакль. А в Риту словно вселился бес. Чем больше Сергей звонил, тянулся к ней, тем больше ей хотелось освободиться от его ухаживаний. Незнакомый и недоступный на сцене, он был для неё желаннее. Она ненавидела себя за это, но поделаться ничего не могла. Оставались считанные дни до её отъезда в Большой город на вступительные экзамены в институт. Она тяжело переживала предстоящее расставание с мамой, братом, домом. Но мысленно была уже там. В Большом городе, думала она, для неё начнётся по-настоящему интересная, насыщенная, взрослая жизнь. А Сергей... Он хороший, добрый, но какой-то мечтательный, хрупкий, весь в искусстве. Кто знал, что в этой хрупкости окажется столько силы...

Рита поступила в институт. Уходя каждый раз на экзамен, суеверно собирала чемодан на случай провала, и, возвращаясь, разбирала заново. Занятия еще не начались, когда в деканате ей вручили раскрытый конверт с письмом. Оно было от Сергея. Он не знал ее нового адреса и написал прямо на институт. Это было еще одно объяснение в любви. Его прочли посторонние люди. Рита испытала чувство досады. Зачем он написал? Зачем?!

Сейчас, по прошествии многих лет, умудренная опытом, усвоившая библейскую истину – относиться к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе, она не понимала, как могла такое вложить в конверт? Как не подумала о боли, которую может причинить? «Я выхожу замуж, не пиши мне больше». Она как бы подвела черту под прошлой жизнью. Это был ее грех, и она расплатилась за него сполна.

... Поезд мерно постукивал, успокаивая душу. В вагоне погасили свет. Рита с Лерой постелили постель и прилегли. Два

места в купе оставались свободными. Рита снова погрузилась в воспоминания. Полгода назад она обнаружила следы Сергея в Интернете. Тогда ей неожиданно приснился сон. Заснеженная улица, черные лимузины, шеренга мужчин. Кого-то ждут. И вот этот опоздавший бежит по снегу в черном, длинном пальто, полы развеваются. Молодой, стройный, очень милый. Рита узнала в нем Сергея. Она понимала, что теперь, спустя годы, он не может быть таким же юным, но встреча в закоулках памяти вызвала у нее приятное чувство.

Утром она включила компьютер. После долгих поисков в Интернете узнала, что он стал скульптором, что живет теперь в Северном городе. Член Союза художников, участник и дипломант выставок. Она даже зашла на его сайт, а потом полгода в глубине души ждала, надеялась, что он откликнется. Ведь на его странице должны были отпечататься ее координаты.

Как-то Рита слушала по телевидению чьи-то рассуждения о настоящей любви. Она спросила себя, а была ли у нее такая? И вот тогда впервые с благодарностью подумала о Сергее. Их чувство было чистым, искренним, красивым. Романтические истории, которые случились в ее жизни потом, были сложнее, запутаннее, с горьким привкусом.

... Месяц назад на работе Рите предложили горящую путевку в Северный город. Они с дочкой собрались в один день. По приезде, в туристическом бюро узнали, что за городом есть старинная усадьба, где расположен филиал художественного фонда. Выставки можно посмотреть, но художники уехали на фестиваль. Сергей Смолин с ними.

Его не должно было быть в усадьбе. Иначе бы Рита не поехала. И случайная встреча не состоялась бы никогда. Но судьба распорядилась иначе.

... Проводница протерла поручни. Пассажир из соседнего купе помог спустить чемодан. Десять дней Рита с Лерой не были в родном городе, а казалось, будто уезжали на год. Они взяли такси и поехали домой. В тот же день по электронной почте пришло сообщение:

«Рита, три дня я мучился, но я тебя вспомнил. На выставке была ты. С дочерью, очень похожей на тебя в юности. Это ведь не случайная встреча?..»

НА КАМЕННОМ ВЕТРУ

*«Что в мой жестокий век прославил я свободу
и милость к падшим призывал». А.С.Пушкин.*

Бомж – слово советское. Но люди без определенного места жительства были всегда. Они кочуют из эпохи в эпоху, из столетия в столетие, из страны в страну. Они неизбывны, как беда человеческая. Никто из нас не знает, где она поджидает, и хватит ли душевных сил ее преодолеть. Потому и говорят, что от тюрьмы, как от сумы, не зарекайся.

Причин, по которым становятся бомжами, много. Алкоголь, развал семьи, сиротство, возвращение из мест лишения свободы, ликвидация общежитий, неудачный бизнес, потеря жилья из-за коммунальных долгов. Половина жителей улиц потеряли жилье из-за конфликтов в семье и махинаций родственников. Как в истории, приключившейся недавно в одном из районов города.

... Вначале текла обычная жизнь. Отец и мать трудились на фабрике. В будни уходили рано, возвращались поздно. В праздники созывали гостей и, как водится на рабочей окраине, пили, пели и плясали. Потом дети выросли. Старший сын ушел в армию, младший – заканчивал восемь классов. Родители вышли на пенсию. Жить бы да радоваться. Но как будто что-то сломалось в их семейном механизме. Матери не стало. Потом отца. Сыновья продали квартиру и купили по комнате. Оба не работали. Младший свою пропил и переселился к старшему. А после одной из пьяных ссор оказался на улице. С той поры бродит, как неприкаянный. Его можно увидеть спящим на земле под каким-нибудь забором, или разводящим костер в глухом закутке, перебирающим отходы в мусорном контейнере, или стреляющим сигаретку у случайных прохожих. Его лучшие друзья – собаки. Самые добрые дни – теплые. Жизнь его продолжается, но он и сам понимает, что жизнью это назвать трудно.

Даже подумать страшно, что на месте таких, как он, может оказаться любой из нас. Тот, у кого есть сегодня дом, семья, работа, в одночасье может лишиться всего.

...По вечерам сейчас быстро темнеет. Нередко моросит холодный дождь или падает мокрый снег. Так приятно вернуться домой, сесть в кресло, согреться горячим чаем у телевизора. А там, за темным окном, на каменном ветру плохо одетый и давно не мытый, голодный и холодный человек спускается на ночлег в подвал, держа в руках картонную коробку вместо постели.

До революции в России для людей, оставшихся без крова и средств к существованию, строили ночлежки. В 1902 году Максим Горький написал пьесу «На дне» об их обитателях. Другие писали про любовь-морковь, про духовные искания. А он вывернул жизнь наизнанку и впервые на театральных подмостках показал мир отверженных. Вначале пьеса была запрещена цензурой, потом разрешена в надежде на провал. Но спектакль, поставленный на сцене Московского Художественного театра, имел огромный успех. В пьесе звучал открытый протест против бездушных порядков капиталистического общества и призыв к справедливой, достойной жизни. Бывший телеграфист Сатин восклицает: «Человек! Это – великолепно! Это звучит... гордо!»

Прошло более ста лет. Много воды утекло с тех пор. Но проблема людей, не приспособленных к жизни, есть и сегодня. И потребность в открытии современной ночлежки тоже есть. Крупные города, такие как Симферополь, могут это себе позволить. В Керчи пока финансовой возможности нет. Но администрация города ищет альтернативные пути, чтобы протянуть руку помощи людям, оказавшимся на дне жизни.

Четвертый год работает Центр учета бездомных граждан Керченского горсовета. В нем зарегистрировано и поставлено на учет около тысячи человек. Это те, у кого нет своего угла. Больше половины из них и сегодня находятся на территории Керчи. Остальные – получили социальное жилье, уехали на заработки в другие страны, переехали, ушли к родственникам или создали семью. Нуждаются в жилье и более семидесяти матерей-одиночек с детьми. Сто человек ночуют на улице, так

называемые, бомжи. Если они сами хотят изменить свою жизнь, им помогают. С 2008 года, когда организовался центр, ни один бездомный не погиб зимой от холода. А до этого случаи были. Чтобы бомжи могли пережить зиму, открыли палатки.

Они в трех районах. Доступны – с 9 до 16 часов. Здесь выдают стакан сладкого чая и бутерброды, а также – направление на флюорограмму и в Центр учета бездомных граждан.

Возле евангелистской церкви большая, защитного цвета палатка на бетонном полу. Внизу щели, сквозь которые задувает ноябрьский ветер, в крыше отверстие. В тот день было минус два градуса мороза. Две женщины кутаются в шарфы и притопывают ногами от холода. Это социальные рабочие. Они здесь дежурят по графику.

Стол с коробками, в которых хлеб, рыбный паштет, вареная колбаса, чай, сахар. Стол побольше и две лавки. С одной встает человек. Он только что перекусил и собирается уходить. На вид ему лет 60. Легкая, не по сезону куртка, вязаная шапка, в руках пакет. Улыбается, то ли оттого, что согрелся, то ли от неловкости.

– Вам действительно негде жить?

– Да.

– А что случилось?

– Жена врезала новый замок, не могу попасть домой. Она меня «застукала» с другой, вот и прогнала. У меня инвалидное удостоверение, с ним катаюсь по поездом, там и ночую.

– А у той, другой, жить нельзя?

– Нет, она замужем.

Мужчина говорит об этом легко, продолжая улыбаться, но насколько хватит его оптимизма – неизвестно.

– В день к нам приходят человек тринадцать-четырнадцать, – рассказывают хозяйки палатки. – В основном, с 10 до 2-х часов. Среди них разные люди. Есть бомжи, а есть и просто опустившиеся, спившиеся, неработающие люди. Женщина пришла, нестарая совсем, но возраст определить трудно – пьет горькую. Мы ей даем направление на рентген легких, а она – дайте чистую одежду. Направили ее в «Красный крест». Но пойдет она туда или нет, не знаем. Одни скромные люди, видно,

что переживают за то, что с ними случилось. Другие – ведут себя нагло, как будто вместе с жильем потеряли и совесть, и человеческое достоинство.

В палатке, что расположена в Аршинцево, на территории пожарной части, было поуютнее. Под ногами зеленый ковер травы, никаких щелей и сквозняков, на столе – скатерть. Но все равно сыро, холодно. Социальные рабочие уже ушли – дежурство подошло к концу, да и продукты все вышли. По рассказам служащих пожарной части, ежедневно сюда приходят подкормиться 11-13 человек.

Да, благотворительная акция, рожденная в нашем городе, – дело нужное и хорошее. Что проку в морализаторстве на тему, как нищие и бездомные докатились до жизни такой. Сейчас им важнее кусок хлеба и стакан горячего чая. И палатки эту задачу выполняют.

В Москве и Киеве практикуют такой способ поддержки обездоленных. По городу ходит автобус. Он объезжает определенные места, где его уже ждут. Волонтеры прямо из салона раздают бутерброды и чай. Этим, в основном, занимаются благотворительные фонды. У нас подобного пока нет, а найти в бюджете деньги и на транспорт, и на бензин – сегодня нереально. На данном этапе – палатки это выход. Как и бесплатные столовые для социально незащищенных граждан. Сегодня в Керчи их три. И всем, кто занимается этим благим делом, хочется сказать большое спасибо.

«...Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет, и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!» (А.Чехов «Крыжовник»).

том встану и бодрой походкой победителя двинусь на море, восстанавливать бодрое настроение, но переворачивался на другой бок, чтоб снова отключиться минут эдак на шестьдесят.

– Вставай, ночной герой, пора ратные подвиги в светлое время суток совершать.

– Борька, тебя с утра ещё никто не посылал? – тоскливо процитировал я своего давнишнего приятеля.

– Нет, а что? – участливо спросил он. – Совсем тяжело?

– Вроде того. Можно, я буду первым?

– Валяй. Только что это изменит?

– Совсем ничего?

– Абсолютно.

– Б...дь. Ну и нудный же ты мужик, и поругаться не с кем, – пробубнил я под нос, потягиваясь, отчаянно пытаюсь проснуться и хоть кого-то пытаюсь сделать крайним в своих проблемах. Не вышло. На Борьку где сядешь, там и слезешь. Это на его физиономии было написано, как в букваре – азбука.

– Может, тебя в море кунуть? – участливо спросил он с тонким намёком.

– Воздержусь, чай не маленький, сам дойду...

Дошёл. Долго смотрел на искрящуюся гладь, ажурно переливающуюся предо мной. После палатки лезть в ледяную воду не хотелось, но, так продолжаться долго не могло... Когда ветерок прохладой пошел по коже, разбросав на ней мурашки, я рванул с места, как конь – аллюром, с разбегу плюхнулся в воду. Жуть! Эх, хорошо! Жуть, как хорошо. В голове сразу взорвался бум – сонливость как рукой сняло, а сердце дало жар, бросило в голову бодрящую волну жизни... Плескался как пацан, кричал от радости, несколькими широким взмахами рук, бросками, рванул прочь от берега, нырнул, проплыл, сколько мог, пока сердце не начало рваться прочь из груди и в голове на пошёл kaleidoscope красок... За десять минут жизнь от пробуждения-рождения до старости-усталости прожил, в ледяном Аду побывал, как только воды коснулся и в прохладный Рай пропал, едва кровь разогрела тело и оно привыкло к воде. Не жизнь – малина. Так и проплескался бы здесь всю жизнь, если б можно было... Утопия... Как еще назвать?

Нет, Рай и Утопия наступили, когда Борька, едва я, замотавшись в полотенце, вошёл в лагерь и примостился за стол, чтоб унять приятную дрожь в ногах, поставил предо мной кружку дымящегося кофе и знатную тарелку бутербродов. Точно, теперь Рай.

– Девчонки с утра постарались... – ответил на немой вопрос.

– Моооогуг, когда захотят, – уважительно протянул я.

– А то.

– Борь, а, Борь, – мой голос стал просяще-заискивающим. –

Просьбу можно?

– Валяй. Только выполню ли, – это вопрос.

– Кофе люблю, только давление скачет. А погружение – сам понимаешь...

– Понимаю, – кивнул тот, – чайку?

– Крепенького...

– Чефирок?

– Не настолько.

Борька кивнул. И вот тогда наступил, точно, Рай. Я блаженно развалился на лёгком пластмассовом стуле, засунул бутерброд в рот и, смачно его пережёвывая, втянул запах свежезаваренного чая. Лепота...

Протянулась она, правда не долго. Минут пятнадцать. Только хотел пробурчать под нос: «Жизнь удалась!», как равновесие жизни нарушилось. И нарушил его, как обычно, олигархов всех начальник и приезжих командир – генерал нашей непонятной экспедиции – Сергей Юрьевич. В его присутствии я не вытянулся по стойке смирно, конечно, но внутренне напрягся. Всё-таки, хоть и мало-мальски, но работодатель, или, как там модному, босс...

– Приятного аппетита, – сказал он доброжелательно и протянул руку. Сел напротив, терпеливо выждал, пока прожую. Приятно, конечно, что не сразу – с места в карьер, но, всё одно, не люблю так. Люблю в одиночестве завтрак провести, на море смотреть и думу пустую думать. Отдыхать мозгами, в общем.

– Ты как сегодня к погружению?

Я удивленно поднял взор.

– В смысле?

Юрьевич сдержанно, но по-мужски красноречиво улыбнулся.

– Дело, конечно, не моё, но после такой ночи тяжеловато будет. К обеду пойдём?

– Смотря куда собрались? Если девочкам акваланги показать – то здесь, прям на пляже, вон у тех скал можно, – я неопределённо махнул в сторону Опуцкой гряды, туда, где она брала начало. – Ну, а вы, судя по всему, народ бывалый?

– Кой-чего можем, – уклонился от прямого ответа босс.

«Нет, тут уж ты от меня не уйдёшь», – подумал я, а вслух добавил.

– Сергей, это ж не шутки – под воду ходить. Необходимо уровень подготовки знать.

– Ну, прыжков с парашютом у меня – около двух сотен, погружений, конечно, поменьше, – я мысленно присвистнул. Ну, и загнул, приврал, так приврал... пошутил так пошутил. Слишком ты холёно выглядишь для таких дел и машина у тебя – не БТР, а произведение искусства, которое у нас, на Руси ещё долго делать не смогут. – Это Саша у нас – морской пехотинец в отставке, ныряет что твой Ихтиандр, а у нас с Борькой стихия другая – «десантура», полжизни в погонах. Борька – майором был, когда я его на гражданку переманил, я в чине полковника дела сдал, – а вот этим меня мигом с небес на землю опустило. Только решил подшутить, так слова в глотке и застряли. Такими вещами не врут. Раз сказал – значит, правда.

– Уважаю, – сказал я чистейшую правду, – сам в юности хотел в военную элиту податься, да дисциплину и приказы не шибко жалую, с военкомом поругался, и карьера на данном поприще закончилась. Потом успокоил себя – на Украине элита не нужна, своей хватает, – мрачно пошутил я.

– Не расстраивайся. В России тоже. Покидают по горячим точкам, а потом – волчий билет по ранению и пенсию инвалида, чтоб с голоду несколько лет подыхал. Вон, Борька как на день ВДВ форму одевает, так медали вешать некуда. А места, где бывал, по сей день секретные. Думаешь, стране сильно нужен был? Куда там, только когда уволиться собрался и нашли возможность квартиру дать, и по службе продвинуть, и

внеочередное звание предложили, лишь бы остался. Ай... – Сергей Юрьевич махнул рукой, и столько в этом жесте было боли, обиды, что стало мне не по себе. – Ладно, что это мы о грустном? Начали за здоровье, окончили за упокой?.. Говаривали мне, здесь у вас подводные пещеры, оооогроооомные такие гроты водятся, красоты неописуемой. Кто увидит, считай, полжизни не зря прожил.

– Ну, – улыбнулся я, – с этим ты перегнул, полжизни – время бесценное, – философское отношение к впустую потраченному времени у меня смешивалось с презрительным к извечным прожигателям жизни, – а вот чтоб туда добраться, кое-чего уметь надобно. Там и глубина приличная, и течение в нескольких местах. На камни бросить может. И само место жутковатое, проходы я имею ввиду.

– Глубина?

– В общем – метров шесть у берега, но именно там – что-то вроде расщелины. С земли не видно. Скала расколота. Уходит на пятнадцать – семнадцать от плоскости грунта и через широкий проход – под землю, в тело горы. Если ветер с севера или северо-запада, а это основное направление, то будет хитрое, сложно предсказуемое течение. Может затащить под скалу. Там таких мест много...

– Если б ты не был заинтересован в нашем погружении, я б подумал, что ты меня отговариваешь...

Отчасти так и было. Мне платили не только за время, проведённое здесь, и, надо сказать, неплохо, но и за погружения – отдельно. Плюс – за водные экскурсии, которые тоже заказали. В обмен – моя возможность договориться за все эти выкрутасы в заповедной зоне и пограничного контроля. Причём – на оплату должностных лиц – отдельная сумма. Хорошие клиенты, только вот всё одно было не по себе. Пока я ещё не мог дать отчёт, почему на душе тяжело, только смутная тревога, но... Опасное место, гиблое. Там народу много сгнуло. Туда только Макс в одиночку не боялся ходить да ещё пара отморозков, но, Макс пропал уж давно, неизвестно где, а отморозков я тоже не видал уж года полтора как. Связано – нет, не знаю, но холодок по спине... Сергей почувствовал мое напряжение.

– Думаешь, не справимся? – Он пожал плечами, – Хочешь, напишем тебе расписки, что силой поволокли туда? Перед законом чист будешь? – то ли смеялся, то ли всерьёз говорил.

Я покачал головой.

– Не в этом дело. Грех на душу брать не хочу...

– Ну, Вадим, мы ж, по-моему, вчера всё обсудили, договорились. Ты аванс получил... – Опа! Вот и шантаж начался. Не хотел же брать. – Или, ты идейный? – вдруг весело рассмеялся босс. Присмотрелся ко мне. Внимательно заглянул в лицо, пытаясь что-то прочитать. – ... Взаправду, идейный. Хочешь, чтоб всё было хорошо, и деньги ты отработал полностью?

Я упрямо кивнул.

– Да-а-а... Не ошиблась Вика, упрямый мужик. – Он рассмеялся, глядя, как я сжал губы и упрямо насупился, – молодец, с тобой бы в разведку пошёл... Взял зону ответственности, сдавать не собираешься. Хорошо. Давай так: поплескаешься с Сашей полчаса, посмотришь уровень. А там решишь, пойдёшь с нами в гроты или за два погружения не получишь. Не беспокойся сильно, туда-то только я, Сашка да Борька сходить хотели. Остальные, – он тяжело, грустно вздохнул, – кишка тонка. На песке валяться будут, пиво потягивать. Не умеют и учиться не хотят... Мне бы их возможности в юные годы... – с досадой проронил он.

Это, конечно, другое дело. Я, признаться, за остальных переживал. Эти – мужики бывалые...

...Сине-зеленый мир захватил меня. Сжал со всех сторон, оглушил, сдавил. Показывал, что слабакам здесь не место. Я шёл вперёд невесомой тенью, не быстро, но и не медленно, стараясь показать своему второму, кто здесь хозяин. Водоросли мягко колыхались, направляемые едва заметным течением волны, туда-сюда. Бестелесным, мягким маятником.

На песке, в десяти сантиметрах ниже мелькнула широкая полоса – след рапана, морской огромной улитки, медленно ползущей по своим делам. По этому следу, который на глубине, где вода почти не двигалась, и он мог сохраняться довольно долго, за крупными экземплярами можно было гнаться метров тридцать, прежде чем увидишь ползущую по дну ракушку. Или,

если выбрал не то направление, уходил в никуда, пока он не превращался в размытую полосу, ровнялся с песком дна.

Эх, кукан бы сейчас, да накидать в него десятка два таких приличных экземпляров, а к вечеру приготовить их на костре... Красота, дары моря. Живи, живое, не добралась пока рука кровожадная. Выловлю попозже тебя или твоего собрата. Я частенько любил выехать в одиночку, погоняться за этими морскими хищниками, которые мощным ртом могли захватить мидию, оторвать её от камня, к которому она прирастала долгие годы, раздавить ракушку и съесть её.

Здесь, где для жителей моря света было мало, всё камни да камни, рапан не был таким огромным, как он плодился на песчаном дне. Ракушка его, даже у самых крупных экземпляров, была небольшая, но очень толстая, каждый новый год покрывавшаяся новым слоем хитина. И цвет. Фиолетовый, с разводами чёрного и серого. Такого, чтоб делать его незаметным на тёмном, покрытом илом дне, без растительности.

Я оглянулся через плечо. Сзади, едва различимым силуэтом двигался Сашка. Не догонял, не отставал. Шёл размеренно, уверенно. Я остановился. В смысле, замер, завис в невесомости. Осмотрелся. За моим напарником медленно, легко, подымался шлейф пузырей. Уходил вверх, и иссякал. Потом проходило время, и подымался второй. Даже реже, чем у меня. И струи короче. Пожалуй, зря я беспокоился. Скорее, морской пехотинец подводное дело знал чётко, грамотно. Если Сергей Юрьевич и Борька владеют снаряжением вдвое хуже, то рискнуть уже можно, и пойти в подводные скальные гроты. Что ещё проверять? Сходить, где вчера был? А что, идея. Посмотрим, как в «лабиринте» ориентируется...

Сашка ориентировался лучше меня. Самолюбие почувствовало существенный укол. На возврате я попробовал оторваться от него на скорости, так легко проверяется выносливость, и расход воздуха резко возрастает. Это был мой один из козырных номеров. Умел его показать. Не догнал он меня, шёл на одном и том же отрыве, но, мне показалось, что делал это только ради того, чтоб не нанести удар по моему собственному мнению. Ишь, тактичный какой!

Когда выбрались из воды, скинули снаряжение, Сашка подошёл ко мне и похлопал по плечу:

– Хорошо шёл. Мне понравилось. Будем работать!

Я скривился.

– Не расстраивайся, я армейские нормативы мастера сдавал. Со мной тягаться тяжело.

Когда весь народ разбежался, даже Сашка, я не сдержался и воровато оглядываясь, подошел к его аппарату, открутил баллон и посмотрел на манометр. Ничего себе!!! Ощущение, что он совсем под водой не дышит. Пятьдесят килограмм остатка против моих двадцати!!! Умеет, мужик. Силён! Может, потому, что я ночь бурную провёл и зелёным змием баловался? Это, конечно, была причина, но в глубине души я понимал, что неправдивая, для новичков зелёных. Они ещё, может, и поверят. Просто, кто-то, как специалист, оказался лучше меня. Редко я встречал таких. Ай, да ладно, это извечное стремление к совершенству, которое, как известно, всегда хуже, чем стремление к прогрессу.

У моей палатки ждала Вика.

– Ну, как? Показал Саша класс?

Я глянул на неё тяжело. Она по красноречивому взгляду всё поняла.

– Ну, солнышко, я не просто так спрашиваю. Интересно ведь. Ты мой герой, лучше всех.

Не знаю почему, но с детства не люблю комплименты. Слышится мне в них фальшь какая-то. Будто говорят мне неправду и смотрят, поверю или нет. Чтоб дальше лапшу вешать. Конечно, неправильно это, бывает, человек от чистого сердца скажет, как думает, а ты не готов услышать, не готов принять сердцем слова его. Так и живёшь в страхе, что вокруг – одна неправда.

– Через час-другой пойдём. Пообедаем, желудки утрясем, и на глубину рванём.

– Ой, а я когда? Я тоже хочу.

Признаться, я Вике часто обещал научить её подводному плаванию, но, как это часто бывает, обещание осталось невыполненным. Время наших редких встреч проходило в более

прозаических утех и на море мы выбирались так редко, не говоря уже про акваланги.

– Пичугин, не расстраивайся, я в Севастополе уже научилась. Даже диплом имею. Не надо меня учить. Просто удели мне время. Поныряем вдвоём.

Я кивнул.

Пошли на погружение как и сказал босс – через два часа. Вчетвером. Солнце только подобралось к зениту и хорошенечко припекло. Но, мы собирались уйти от него, туда, где власть светила не заканчивалась, но становилась слабой, прозрачной и призрачной. Не знаю, сколько у них баллонов было, но они их не считали. Доставали из багажника как посуду одноразовую. Я отказался от снаряжения капиталистического – хорошее, комфортное, надёжней нашего, ещё советской разработки, да вот в обслуживании дороговато и душевно не такое. Я свой древний, допотопный АСВ-1 холил и лелеял с первого погружения, с первого дня, как привёз его домой, ещё не работающий, не зная, оживлю ли я старый акваланг, купленный мной у старого доброго дедка, всю жизнь отдавшего водолазному делу, позвонившего по объявлению, который мы с приятелем дали в газету. Купил за мешок сухарей, отдал шестнадцать долларов по курсу, хотя ящик в котором он хранился, стоил больше. Так и запомнил его взгляд сожалеющий. Но не по тому, что дешёво отдал, не от алчности, а потому, как добрый, надёжный аппарат, столько лет верой и правдой служивший, покидает дом, находит нового хозяина. Сожаление по прошедшей молодости, зрелости и наступлению неотвратимой старости.

Я добро, ласково, как на живое существо, глянул на свой старый, выкрашенный в грязно-серый цвет аппарат, и все сомнения ушли прочь. Предстоящие погружение наполнило меня радостью. Радостью новых впечатлений, риска и трудностей, которые только следовало преодолеть и предвкушение чувства победы, когда всё остается позади, только пьянящее чувство удачи и завершения распирает изнутри. Такая палитра непередаваемых чувств, калейдоскопом переходящих одно в другое... Нет слов... Эх, была – не была, проташу этих столичных штучек к Черту в пасть, а потом обратно... И не в деньгах дело.

Г а л и н а

Д м и т р ю к о в а

ДУМАЮЩИЙ ЦВЕТОК

В те далёкие времена Египтом правил Птолемей. Это был человек с довольно сомнительными правами на престол, который считал себя земным воплощением бога Диониса. Птолемей оправдывал прозвище «Новый Дионис», так как остаться на празднике Диониса трезвым значило нажать себе смертельного врага. Больше всего на свете любил он музыку и сам играл на различных инструментах, причём на всех одинаково плохо. Народ прозвал Птолея Флейтистом.

Его жена, царица Трифона и его старшая дочь Береника просто отравляли ему жизнь. В сравнении с ними он был невероятно добродетельным человеком. В детстве у Птолея был хороший учитель, и кое-что из наставлений запало ему в душу. Своих любимых младших дочерей, Клеопатру и Арсиною он решил избавить от пагубного влияния матери.

Клеопатре, не отличавшейся крепким здоровьем, придворный врач Олимп рекомендовал проводить зиму в Верхнем Египте, где небо всегда было ясно, на острове Филы. Там находился знаменитый храм богини Изиды, которую Клеопатра почитала более всех. Лето же – на морском берегу, в тенистом саду летнего дворца недалеко от Канопы.

Братья воспитывались вдали от дома на полуострове Лохиасе, под руководством Феодота, у египетских жрецов. Греки могли обучать только наукам царских детей, но об их религиозном образовании заботились египетские жрецы.

Ни один царский род на земле не мог похвалиться более изысканным жилищем. Флаги и вымпелы развевались над воро

тами храмов и дворцов, над триумфальными арками. Тёмно-лазурное море сияло в лучах полуденного солнца.

Архибию, сыну философа, было пятнадцать лет, когда его семью переселили в заброшенный канопский дворец. Его отцу было доверено обучение Клеопатры и Арсиной. У Архибия были сестра Хармиона и брат Стратон, отличавшийся геркулесовой силой.

К приезду царских дочерей пустой и заброшенный царский дворец был перестроен сверху донизу. Прибыли рабы и рабыни, два толстых евнуха, лошади, повозки, морем – лодки и великолепный корабль.

Уже был конец февраля, лужайки и кустарники пестрели цветами, белые и розовые олеандры цвели вдоль аллей, а густая зелень деревьев придавала особое очарование старому саду.

Архибий взобрался на большой, благоухающий цветом сикомор перед воротами дворца, чтобы наблюдать за приездом царевен. Когда показались носилки без свиты, из них вышли разом обе царевны, и у Архибия разбежались глаза. Из передних носилок не вышла, а выпорхнула как мотылёк девочка с вьющимися светлыми волосами. Это нежное прекрасное существо казалось просто эфирным. Девочка уставилась большими голубыми глазами на родителей Архибия, вышедшим навстречу царевнам. Её звали Клеопатра.

Вторая была словно выкована из металла. Она обеими ногами выпрыгнула из вторых носилок и надменно вздёнула головку с густыми чёрными кудрями. На её белом личике играл румянец. Девочка слегка скривила губки. Она была хороша собой. Это была Арсиноя. Архибий даже подумал, что она старшая – судя по её повелительным манерам, но вскоре понял, кому свойственно истинное величие.

Клеопатра была воплощением простоты и нежности. Ведь тот, кому суждено повелевать, должен сам научиться повиноваться. Видимо, это было врождённым качеством. Её чарующий голос и взгляд одерживали над всеми победу.

Царевны скоро подружились с Архибием, его сестрой Хармионой и братом Стратоном. Прежние учителя много говорили о дарованиях Клеопатры, этого необыкновенного

ребёнка. Архибий был всегда в числе первых учеников, но даже врач царевен Олимп заметил, что ему нужно держать ухо востро, не то царевна Клеопатра обгонит в учении сына философа, так как она талантливая девочка. Он говорил о ней, как о маленькой богине. Конечно, она не была ею, потому что боги свободны от слабостей и недостатков. Но, однако, предостережение Олимпа имело основание. За что бы она ни принималась, результат получался одинаковый: Клеопатра перегоняла во всех областях знаний. Любимым её поэтом был римлянин Лукреций, который излагал учение Эпикура в стихах. Отец Архибия взялся учить Клеопатру, и уже на следующий год она читала поэму Лукреция так же легко, как и греческую книгу. Ведь Клеопатра была гречанкой чистейшей крови. Египетский она знала кое-как, но быстро освоилась и с ним. Позже, в Александрии, где было много евреев, она обучилась их языку, а затем изучила арабский. «С каждым языком, который ты изучаешь, ты обретаешь народ», – учил её философ Тимаген. Когда много лет спустя она посетила Марка Антония в Тарсе, его воины подумали, что это египетское колдовство, так как Клеопатра разговаривала с каждым военачальником на его языке.

Отец Архибия принадлежал к школе Эпикура, и ему удалось увлечь Клеопатру его учением. Эпикур проводил последние годы жизни в медитациях и оживлённых беседах с друзьями и учениками в своём афинском саду, на воротах которого была надпись «Странник, здесь тебе будет хорошо. Здесь высшее благо: веселье». Клеопатра тоже сделала такую надпись на доске и велела рабу потихоньку прикрепить её к воротам. По учению Эпикура истинное счастье в душевном спокойствии и отсутствии огорчений. Благородный и справедливый человек спокоен духом. Это учение очень подходило к чистой душе Клеопатры, с трудом переносившей любое грубое прикосновение. Ей от рождения было присуще стремление ко всему таинственному и сверхъестественному. Птолемей, отец Клеопатры, надеялся, что она полюбит египетский народ и его тайную науку. Он редко виделся с дочерьми, но иногда неожиданно являлся в простой одежде. Это был высокий, сильный человек с красным одутловатым лицом. Он играл с детьми под сенью старых вязов.

Однажды его посещение было совсем непродолжительным. Птолемей попрощался с девочками, по его лицу текли слёзы. Из летнего дворца он в закрытых носилках отправлялся на корабль, который должен был отвезти его на Кипр, а затем в Рим. Александрийцы с царицей Трифоной принудили его оставить город и страну. Он проклинал царицу и старшую дочь Беренику, приказывая младшим дочерям ненавидеть их и помнить его, отца. Когда он ушёл, маленькая Арсиноя сказала Клеопатре: «Мы будем их ненавидеть. Пусть погубят их боги». На что Клеопатра ответила: «Лучше постараемся быть добрее, чтобы боги любили нас и возвратили нам отца». – «Чтобы он сделал тебя царицей?» – насмешливо спросила Арсиноя. Клеопатра, которой было десять лет, выпрямилась и с достоинством ответила: «Да, я хочу быть царицей!». Архибий, слышавший этот разговор, был очень удивлён.

Вскоре царица Трифона умерла, и её преемница царевна Береника стала править страной. После изгнания отца она дважды выходила замуж. Своего первого мужа она приказала удавить, второго ей выбрали александрийцы.

Изгнание отца, смерть матери, отчуждение сестры Береники – всё это Клеопатра переносила без малейшей жалобы. Однажды отец Архибия назвал Клеопатру думающим цветком. В то время ей исполнилось четырнадцать лет, она была уже в полном расцвете своей красоты. Клеопатра действительно была как распутившийся цветок. Её глаза ясно и спокойно смотрели на мир. У неё был матовый оттенок кожи, которым Афродита наделяет своих любимцев. Когда она веселилась, на щеках появлялись ямочки, а пунцовые губы принимали чарующе-лукавое выражение. Лёгкая горбинка на носу была едва заметна. Клеопатра была среднего роста и удивительно пропорционально сложена, очень изящна и грациозна. Когда она распускала свои светлые волосы, они пышными волнами закрывали лицо и фигуру. Она умела привлекать к себе сердца.

Птолемей, желая вернуть свой трон, привлёк на свою сторону Помпея, Цезаря и Красса. Это стоило ему миллионы. Помпей сам хотел отвезти его в Египет, но это было возложено на заместника Сирии Габиния. Царица Египта Береника, старшая

дочь Птолемея, не намеревалась отдавать власть. Габиний вернул Птолемея в Александрию и восстановил его власть. Во время похода с римским войском и вспомогательным отрядом иудейского этнарха, общее внимание привлёк начальник всадников Марк Антоний. Он успешно провёл войско через пустыню между Сирией и египетской Дельтой, не потеряв ни одного человека. И в битве за Александрию, за трон Птолемея, именно он победил в сражении. Его имя сделалось известным, и обе царевны не устали о нём расспрашивать. Говорили, что он знатнейший из знатных, храбрейший из храбрых, беспутнейший из беспутных и красивейший из красивых римлян. Его образ жизни служил темой бесконечных разговоров в римском обществе. Род Марка Антония шёл по прямой линии от Геркулеса. Да и его наружность напоминала предка.

Царь предупредил через скорохода дочерей о своём прибытии. Были наскоро собраны букеты для встречи царя. Птолемей вышел из походной колесницы, запряжённой восьмёркой белых мидийских коней. Его лицо сияло при виде дочерей. Они были хороши. Он не сводил глаз со своей любимицы Клеопатры.

Антоний подъехал к колеснице и с небрежной учтивостью поклонился царевнам. На его вопрос, заслужил ли он благодарность царевен тем, что так скоро вернул их отцу престол, Клеопатра ответила на латыни, что как дочь, рада и признательна полководцу, а как египтянка она не знает, что ему ответить. И тогда Антоний взглянул на неё пристальнее. Он соскочил с коня, бросив поводья придворному, и вступил в разговор с Клеопатрой. Она остротами отражала замечания Антония, оставаясь спокойной. Арсиноя подошла к сестре ближе, но видя, что римлянин упорно не обращает на неё внимания, вспыхнув, закусила губку. Когда царь, державший в руках оба букета, подал знак к отъезду, Антоний взял у него букет, сказав громким голосом: «Зачем столько цветов тому, кто называет дочерью такой цветок?» Он протянул букет Клеопатре, приложив руку к сердцу и сказал, что надеется увидеть её в Александрии. Вскочил на лошадь, обернулся и поклонился ей. Арсиноя с этого дня возненавидела Клеопатру.

Царь был в восторге от своей дочери и сообщил, что через день возьмёт девочек в Александрию, а летний дворец немедленно подарит отцу Архибия в знак благодарности. Он исполнил своё обещание.

День, когда царевны покинули летний дворец, был последним днём их детства. В Клеопатре произошла большая перемена: стремление к душевному спокойствию исчезло. Когда ей надоедали шумные празднества, никогда не прекращавшиеся во дворце, она являлась вновь в летний дворец и проводила там по нескольку дней. Арсиноя никогда не сопровождала её, постоянно увлекаясь каким-нибудь офицером. Сёстры жили отдельно, и Арсиноя не единожды открыто выражала свою нелюбовь к сестре, распространяя сплетни о её любовных приключениях. Подобных историй у Клеопатры не было. Иногда Клеопатра занималась таинственной наукой египтян. Её светлый ум позволял ей вступать в философские диспуты с представителями различных школ, но, тем не менее, она усердно занималась и государственными делами. Всё, что происходило в Риме, было ей известно. Клеопатра следила за успехами Антония, ведь ему первому она подарила свою страсть. Клеопатра ожидала от него великих подвигов, но его дальнейшее поведение не оправдало надежд. В её отзывах о нём чувствовалось презрение, но всё-таки Клеопатра не могла оставаться к нему равнодушной. Она часто прибегала к магии, чтобы узнать его будущее. Ей было известно, что Юлий Цезарь не прочь сделать Египет римской провинцией. Она с величайшим воодушевлением отзывалась о нём и надеялась, что он станет властителем мира, хотя ей приятнее было бы видеть на его месте Антония.

Опекун и воспитатель братьев, ещё не вышедших из детского возраста, Феодот, умный, но бессовестный человек, вместе с начальником войск Ахиллом надеялись возвести на престо Диониса, старшего сына царя, но Птолемей назначил своей преемницей Клеопатру, правда, с тем условием, чтобы Дионис разделял с ней власть в качестве супруга. Это вызвало недовольство в Риме, хотя вполне согласовывалось со старинными обычаями египтян.

Птолемей умер. Цезарь признал завещание царя Птолемея, и Клеопатра стала царицей и супругой десятилетнего Диониса, к которому даже не питала родственной привязанности. Сестра Арсиноя и младший брат получили Кипр, но остались под опекой Рима. Они теряли власть и решили сопротивляться. Клеопатре пришлось бежать. Цезарь явился в Александрию с незначительными силами и никогда не был так близок к гибели, как в этот раз. Но никогда ещё его военный гений не проявлялся столь блестяще.

Клеопатре необходимо было проникнуть в город и увидеться с Цезарем. Брат Архибия Стратон, участвовавший в олимпийских играх, принёс Клеопатру во дворец в сирийском ковре. Она встретила с цезарем. Ему было пятьдесят четыре года, Клеопатре семнадцать лет. Высшее мужество встретилось с совершенством женственности, как сказал бы поэт. Два окрылённых духа устремились друг к другу. Дух одного узнавал себя в другом. Но цезарь требовал большего. Её ум доставлял ему наслаждение. Он пробыл в Александрии девять месяцев, из которых три месяца подарил своей возлюбленной. Архибий никогда не видел её такой счастливой, хотя опасности окружали со всех сторон. Молодой царь, узнав, что Клеопатра проникла во дворец, в ярости выбежал на улицу, сорвал с головы диадему и разбил её, крича, что его предали. Начались сражения и на суше, и на море. Тогда-то и сгорела часть Александрийской библиотеки.

Клеопатра родила сына. Правильное, но бледное лицо Цезариона как две капли воды напоминало черты его отца, великого цезаря.

Арсиноя распустила слух, что Клеопатра хочет передать Египет Помпею. Клеопатра считала его скорее счастливым, чем великим. Только счастье, как известно, так обманчиво, оно делает людей доверчивыми. Помпею было пятьдесят восемь лет. Его заколол кинжалом начальник войска Ахилл, его друг, по приказу Цезаря. Но отмщение не заставило себя ждать. Спустя некоторое время такая же участь ждала и самого Цезаря. В Риме его заколол кинжалом Туриллий.

Для Клеопатры началось тяжёлое время. Её жизнь превратилась в борьбу со злыми интригами, исходившими от её

сестры Арсиной во главе с евнухом Ганимедом, опытным и умным полководцем. Но за Клеопатру стояли александрийцы и большинство знатных македонян: юношей, которые пошли бы за неё на смерть. Несмотря на юный возраст, она не хуже мужчины умела разрушать козни врагов. Хармиона, сестра Архибия, поступила к ней в услужение и стала верной помощницей. Она была молода и хороша собой, но отказалась от благородного человека, не желая покидать царицу. Клеопатра действительно умела привлекать сердца: раз увидев её, никто не хотел с ней расставаться.

Цезарион ежедневно отправлялся в храм Цезаря, окружённый мимозами и сикоморами, и проводил там долгие часы.

Клеопатра и Марк Антоний снова встретились. Они словно были созданы друг для друга. Даже даты их рождений отличались всего в несколько дней: вначале у Клеопатры, затем у Антония, хотя годами он был старше её. Она любила его со всем пылом страсти, и он принёс к ногам своей «Царицы Востока» себя самого, свою любовь и могущество Рима. Мир с удивлением взирал на смертную женщину, сумевшую превратить их любовь в праздник богов. Да и сам Марк Антоний, потомок Геркулеса, и лицом, и станом похож был скорее на бога, чем на человека.

Антоний вспоминал о трёх женщинах: Фульвия была его первой женой – пылкая, как ураган, она научила его ценить могущество женщины. Октавия – вторая жена могла вывести на правильный путь, где он мог быть приятен как богам, так и смертным. Он не остался с ней – ему трудно было научиться умеренности, она была чужда его натуре! Октавия воспитывала и лелеяла детей неверного мужа от первого брака его с Фульвией: это почти нечеловеческое великодушие. Она была очень хороша собой, её прекрасное благородное лицо являло зеркало женской непорочности. Антоний согласился предложить руку Октавии, только что потерявшей мужа, для заключения союза с её братом Октавианом. Это была борьба за владычество над миром, нужно было избавить государство от кровопролития. Он предложил руку, но не сердце, потому что сердце его уже принадлежало царице Египта. Римские матроны, курящие фимиам перед

Октавией, отворачивались, когда речь заходила о Клеопатре. Они считали Октавию законной женой, а Клеопатру – разлучницей, похитившей у неё сердце мужа.

Антоний и Клеопатра страстно любили друг друга. Он называл Клеопатру роскошным пиром и видел в ней царицу веселья.

Клеопатра родила Марку Антонию троих детей: близнецов Гелиоса с чёрными кудрями как у отца и белокурую. Селену. Младший, Александр, был самым любимым ребёнком.

Любовь для Клеопатры была светом её жизни. Её любили так много потому, что она сама явилась на свет, исполненная любви, расточая её, как солнце. Пылкая страсть Антония, охватившая его в зрелые годы, принадлежала всецело Клеопатре. Его, чьё впечатлительное сердце и страстная натура принадлежали сегодня одной, завтра другой женщине, царица сумела привязать к себе какими-то сверхъестественными узами. Волшебная сила красоты – тоже дар богов, и ею Клеопатра покорила сердце Марка Антония. Но она была земной женщиной...

Верховный жрец Анубис и глава всей духовной иерархии в стране, восьмидесятилетний старец, в трудные минуты давал Клеопатре полезные советы, но однажды она явилась к нему за волшебным кубком. Царь Нектанеб выковал этот кубок для египтян на острове Филы. Кубок из храма Изиды считался драгоценным сокровищем и обладал чудодейственной силой. На этот удивительный сосуд Клеопатре указали в числе сокровищ храма и объяснили, что каждый, кто заставит другого поглядеться в его гладкое как зеркало дно, подчинит его своей воле. Однако жрец не хотел выдать ей сосуд, уверяя, что кубок принесёт ей несчастье, но Клеопатре показалось, что беззаветная преданность и пылкая любовь Антония начали ослабевать.

Сила кубка оказалась действительно чудодейственной, ведь когда флот Клеопатры потерпел поражение и она, спасаясь, покинула его, Марк Антоний, бросив всё на произвол судьбы, пустился вслед за ней. Он не мог жить без неё, его любовь была безграничной.

Александрийцы ожидали возвращения Антония и Клеопатры. Все были уверены в победе над Октавианом. Город ликовал. У входа во дворец были воздвигнуты триумфальные арки, наскоро украшенные гипсовыми статуями и гирляндами цветов. В Царскую гавань никого не впускали. Этот красивый залив в форме полумесяца был ярко освещён факелами и фонарями. Торжественные приготовления начались ночью.

Архибий вышел на набережную. Ветер усиливался. Полная луна озаряла море. Ему принесла табличку его племянница Ира, которая прислуживала Клеопатре.

Письмо было от Клеопатры. Она сообщала о поражении: египетский флот был разбит у Аксиума, а Антоний и Клеопатра бежали к Тенару. Это известие было как гром среди ясного неба. Этот широкоплечий человек мощного сложения излучал всегда спокойствие. Его серые глаза внимательно наблюдали, как другие возвышаются и падают в погоне за успехом. Клеопатра всегда отличала его за это достоинство, он вырос с Клеопатрой, любил её, – простой смертный может любить царицу только как божество. Но теперь он был взволнован.

Все ожидали прибытие первого корабля: ведь считали победу Антония над Октавианом несомненной. Служанка Ира сообщила о ласточках на «Антонии», адмиралтейском корабле Клеопатры, которые заклевали своих птенцов. Это было дурное предзнаменование. Все затихли. На вершине маяка светился яркий огонь. Длинные языки пламени колебались на ветру и отражались в волнах, то вспыхивая, то погасая. Слышался только вой ветра. Тут же пришла весть о ещё одном зловещем знамении. Цветущий город Пизаура погрузился в море. Этот город принадлежал Антонию, который его основал. В Афинах из огромного барельефа, изображающего битву гигантов, ураган вырвал одну из фигур. Это была фигура Диониса, образ которого олицетворял собой Антоний. Видимо, природа хотела показать недалеким людям своё могущество.

Красный сигнал на башне Фароса возвестил о прибытии царского корабля. Он прошёл мимо маяка в гавань. Громадный остов корабля неслышно, точно призрак, приближался к берегу. Несколько фонарей слабо освещали палубу. Корабль стал на

якорь и на мостике появились жрецы из храма Изиды, несшие кубки из сокровищницы. Затем появилась царица. Её лицо было закрыто вуалью. Она шла, высоко подняв голову.

Архибий узнал, что Октавиан считает сына Цезаря опасным из-за поразительного сходства с отцом, поэтому решил предать его смерти. Антилл, старший сын Антония от первой жены Фульвии отправился в Азию, чтобы умиловить Октавиана: ведь он был обручен с его дочерью Юлией.

Клеопатра потеряла всякую надежду на примирение с Октавианом. Она поняла смысл его намёков: ей нужно было устранить

Марка Антония. Конечно, для женщины труднее всего пожертвовать своей любовью. Престол и счастье Египта были достойны больших жертв...

Клеопатра считала, что волшебная сила кубка заставила Марка Антония оставить битву и последовать за ней. Но его любовь заключалась в словах завещания: «Где бы он ни умер, — он просит похоронить его рядом с Клеопатрой».

Царица приказала воздвигнуть гробницу для неё и Антония. Она сама с архитектором Горгием обсуждала каждый рисунок на саркофаге. Строились кельи для её сокровищ: золота, серебра, жемчуга, драгоценных камней, слоновой кости и пряностей.

Не желая быть узанной, она закуталась в покрывало и отправилась в храм.

Храм Изиды находился в одном из красивейших уголков квартала, застроенного дворцами и великолепными храмами. Здесь же находился форум, где македоняне собирались на совет. С восточной стороны храма располагался дом с большим садом, перед воротами которого стояли мраморные статуи. Этот дом принадлежал престарелому почтенному учёному и скульптору Дидиму. Он работал над статуей Клеопатры и Антония. Это место называлось уголком муз. Его внучка, Барина, белокурая молодая женщина, пела на празднике Диониса и была очень хороша собой. Её отец Леонакс был известным живописцем. В этом доме собирались все сколько-нибудь значительные мужчины Александрии: художники, скульпторы, поэты. Живопись Леонакса и пение Барины привлекали в этот дом многих.

Высокие платаны, сикоморы и мимозы окружали приют старого учёного.

Клеопатра знала, что её сын Цезарион влюблён в Барину, но не это её тревожило. Однажды, когда Клеопатра с Марком Антонием на празднике Диониса подошли к Барине поблагодарить за пение, Клеопатра увидела на руке Барины браслет. Этот браслет был дубликатом того, что Антоний подарил Клеопатре. Антонию льстила репутация самого щедрого. Его подарок, гладкий браслет с геммой, на которой был вырезан Аполлон, играющий на лире и окружённый музами, хотя и выглядел очень скромно, но был баснословно дорогим. Это было произведение знаменитого резчика эпохи Филадельфа: каждая фигурка на ониксе шириной не более пяти сантиметров, была вырезана с изумительным мастерством. Оценить подобную вещь мог только знаток. Но то, что Антоний уравнивал одинаковым подарком Клеопатру и дочь живописца, оскорбляло царицу. У Барины было только одно преимущество – молодость. Она была заморожена Клеопатрой, ей хотелось прикоснуться губами к краю платья царицы, но глаза Клеопатры уже смотрели на Барину, как две змеи. Барина поняла, что в Клеопатре говорит ревность. Необдуманый поступок, этот подарок Антония, всё испортил.

«Ты думаешь, что моя душа свободна от ревности и слабостей? Ты ошибаешься. Я женщина и желаю быть и оставаться женщиной. И мне ничто женское не чуждо. Я была женщиной, прежде чем стать царицей. Я дорожу своей женственностью не меньше, чем короной! – в сердцах говорила она Ире. – Ты думаешь, что счастьем можно распоряжаться так же, как и богатством?» – взволнованно продолжала Клеопатра. Служанка с удивлением смотрела на неё: в Клеопатре действительно говорила оскорблённая женщина. Ира была младше Клеопатры на двенадцать лет. Она обожествляла царицу, но, замечая на лице Клеопатры появляющиеся морщинки, испытывала всё же некоторое удовлетворение. Она была умна и предана Клеопатре. Ира всячески оберегала покой царицы.

День был жаркий. Роскошная лестница вела внутрь храма. Клеопатра вошла в храм и потребовала, чтобы священный кубок, этот роковой сосуд, был уничтожен на её глазах. Верховный жрец

и сам тревожился от гибельных последствиях, которые могли повлечь за собой переход этого волшебного кубка в руки Октавиана, если он захватит город и страну. Жрец велел разжечь огонь и расплавить кубок на глазах у Клеопатры. Он старался убедить царицу, что она не нуждается в помощи волшебного кубка Изиды. Ревность, омрачавшая её счастливую любовь, казалось, исчезла навсегда.

Марк Антоний возвращался в Александрию.

Вся Александрия собралась приветствовать императора. Процессия подходила к высоким воротам по Царской улице к дворцу. Марк Антоний, этот седой великан, стоял трёх юношей. Он возвышался, сидя на золотых носилках, которые несли на плечах двенадцать нубийцев, и величественно приветствовал ликующую толпу. За ним следовали два слона, между которыми простиралось пурпурное покрывало, музыканты, телохранители, слуги и прочая свита.

Клеопатра вышла его приветствовать. Антоний поднялся с трона, сделал знак погонщикам слонов, покрывало упало, и взорам изумлённых александрийцев предстал огромный букет. Этот исполинский букет был составлен из красных роз, окаймлённых белыми и листьями папоротника. Его подарок был точной копией небольшого букета, поднесённого когда-то им Клеопатре у ворот эпикурейского сада.

Антоний подошёл к крыльцу, возвышаясь над толпой своим гигантским ростом. Шафрановая мантия, расшитая золотом, развевалась от лёгкого ветерка, а бронзовые от загара руки он протягивал к своей возлюбленной. Печать благородства и величия лежала на его прекрасном лице. Трогательная нежность светилась в его больших глазах. Прижав руку к сердцу, с низким поклоном он подошёл к царице. Антоний преклонил одно колено, указав на букет, который трое рабов подносили к царице.

В один миг помолодевшая, Клеопатра забыла своё царское достоинство, забыла о тысячах глаз, устремлённых на неё. Она прильнула к его могучей груди. А он, с лучезарной улыбкой, поднял её своими мощными руками, целовал её глаза и губы, словно желая показать своё счастье всему миру. Антоний поднял

Клеопатру на руках, а потом бережно опустил, как хрупкую драгоценность.

Старые станы дворца ещё не слышали такого оглушительного торжественного клика ликующей толпы.

В Александрии наступила пора безудержного веселья. На роскошных судах, украшенных позолоченной резьбой, молодые рабыни с распущенными волосами, в лёгких одеждах, изображали nereid. На палубе, обвитой гирляндами, пировали именитые граждане. В празднике участвовала вся Александрия. Это был последний пир, ведь Антоний по-прежнему видел в Клеопатре царицу веселья. Он желал одного: осушить с ней последний кубок наслаждения, пока ещё было время.

Боги подарили этим необыкновенным смертным божественную любовь. Счастливейшая из женщин! Никто ещё не был любим так пламенно! Если о Трое рассказывают, что она претерпела великие бедствия из-за женщины, то ещё более будут прославлять ту, чьё имя заставило величайшего из героев оттолкнуть как ничтожный сор славу и надежду владычествовать над миром!..

Айгуль

Бухарбаева

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ БОЛЬ

Это обычный день. Такой же, как и все другие до него. Только одно небольшое отличие, он записан в паспорте как день рождения.

Кто может знать, когда именно я родилась. В какой момент существования Вселенной возникла душа, как появилось сознание? Какой момент встречи и слияния мужской и женской энергий считать зарождением?

Одно неоспоримо. Сколько-то лет назад в этот день ранним утром в 4.00 из тела женщины появилось маленькое беззащитное тельце ребенка. И не было тогда знания что: я девочка, человек, дочь или кто-то еще.

Что чувствовало то тельце? О чем знала душа? Она и теперь знает...

Текло время, шли годы, девочка росла, девушка цвела, женщина зрела. Несла опыт прожитых лет, жизнью, ошибок, радостей, побед, сует, страстей, любви, страдания и счастья. Много пережито, прожито. Что-то ясно в памяти, что-то стёрто или запрятано глубоко. Так глубоко, что сразу и не вытащить, не достать. Сколько событий, чувств, эмоций, желаний, мечт и всего, что может хранить память. Только душа ведает, зачем всё это нужно, чем ценно, для чего даровано именно этому существу.

Пробуждение было долгим. В 5.40 прозвенел будильник. Вернее, звучала песня о любви. Я слышала её. Подумала, надо подняться, провести медитацию. Тело подниматься не хотело, ему хотелось ласки. Я немного

поводила руками по телу, немного поворочалась, представила, как бы села в медитацию и заснула. Проснулась в 8 с минутами. Вспомнила, что нужно сделать сегодня, и еще какие-то мысли проносились в голове. Я ворочалась в постели, слегка поглаживая себя. В какой-то момент подумала, что вообще никогда не хочу вставать. А когда представила это, подумала что всё равно когда-нибудь встану. Просто потому, что надоест лежать и, возможно, захочется чего-то другого.

В какой-то момент это и случилось. Я медленно поднялась, потянулась. Сняла сорочку и как обычно посмотрела на себя в зеркало. Красивое грациозное тело отразилось в зеркале изящными линиями, женственными формами и нежной кожей. Все тело излучало любовь и желание. Я остановилась, замерла, подошла ближе к зеркалу, глядя на низ живота. Как замороженная. Будто там, внизу живота отраженной в зеркале женщины, была скрыта вся история женской боли, разочарований, страданий, страстей. То, что происходило в зеркале, касается многих женщин и мужчин (моей жизни).

В какой-то момент треснуло, то ли зеркало, то ли кожа на животе. Трещины множились и увеличивались, пока не покрыли весь живот-зеркало. Кожа начала истекать кровью. Зеркало распадалось на кусочки. В каждом маленьком осколке я видела отражения лиц. Мужских, женских. Все лица – из моей жизни. Лица, в которых я видела боль, разочарование, неверие, недоверие, страдание.

Боль отпечатками сохраняется на наших лицах. Годы проходят, она становится привычной и, возможно, меньше чувствуется, при этом остаётся болью. Она как специя, добавленная в блюдо, изменяет аромат, вкус. Так же все мои чувства, эмоции, все мои восприятия, проявления окрашены оттенками болей, сохранённых в памяти. Память встреч окрашенных болью осыпалась осколками зеркала. А живот уже не истекал кровью. Он наливался бальзамом, эликсиром любви и сострадания к себе и каждому кто отразился в осколках зеркала. Каждая встреча, каждое соприкосновение с

болью другого существа, со своей собственной болью, сейчас, в этот самый момент становилась капелькой исцеляющего нектара любви и сострадания. Бальзама, который наполняет меня покоем, радостью, любовью. Эликсира, который в это мгновение расслабляет тело, успокаивает ум, радуется и открывает сердце для новых встреч, новых переживаний, чувств, эмоций. Он наполняет меня вдохновением жизни и творчества. Приятно ощущать радость счастье и покой каждой частицей тела. Приятно ощущать благодарность.

Благодарю, благодарю, благодарю каждого человека, каждое существо, каждое событие и каждую боль, встреченные и пережитые мною. Пусть каждый, кого я встречала, с кем соприкасалась, с кем переживала боль, почувствует и осознает ценность каждого своего переживания, исцеляющую силу боли.

Боль и страдание это разное. Пусть все мы освободимся от страдания и причин страдания. Пусть все мы обретем счастье и причины счастья. Пусть все мы никогда не будем отделены от высшего счастья без страдания. Да пребудем мы в безмерной равности за пределами привязанности и отвержения.

Я бесконечно благодарна Вселенной и жизни, что появилась в этом теле, в этом месте и в это время.

Пусть у каждого будет столько и больше счастья, радости и покоя, сколько у меня сейчас.

Благодарю, благодарю, бесконечно благодарю.

ОТКРЫТИЕ СЕРДЦА

Чтобы грудь раскрылась.

И небо в ней вместились.

Поддержи меня в том, чтобы я могла удержать сердце открытым, когда ты проникаешь в него. Позволь удержаться, не отойти, не спрятаться, не убежать.

Позволь быть в мудрости и принятии твоего великолетия.

Господи, удержи моё сердце открытым!

И пусть ты войдёшь, и 1000 миров найдут своё отражение в нём.
 Сумасшедший поток вошёл и нашёл пристанище во мне.
 Пусть изливается в меня любовь.
 Фонтанируешь любовью и тонешь в любви, растворяясь.
 Будь поводырём и пастырем моим,
 Веди меня сквозь вечность.
 Хочу напиться тобой,
 Испить и исцелить раны.
 Возлюбленный мой, скучаю по тебе.
 Лишь ты тот, кто может утешить.
 Я готова отказаться от всего ради того чтобы, познать тебя,
 быть тобой,
 Чтобы ты правил в моей судьбе, воспевая великолепие мира.
 Дай мне пережить тебя тобой.
 Протяни руку, держи меня.
 Почувствуй, что мы вместе.
 Почувствуй тепло моих рук.
 Почувствуй тепло сердца.
 Почувствуй и узнай во мне себя.
 Позволь боли раствориться и познать вкус любви.
 Не отпускай руку мою.
 Позволь вере быть в твоём сердце.
 Пусть правит вера сердцем твоим,
 Изю дня в день, становясь больше и твёрже,
 Становясь стержнем в тебе.
 Не засыпай.
 Позволь мне переживать твоё величие.
 Позволь лицезреть твою многогранность.
 Каждая частичка существа переживает сумасшедший поток.
 Смотри на тебя, я узнаю себя.
 Я чувствую твою боль, твою печаль.
 Я вижу твоё величие и твоё отчаяние.
 Если бы я могла растворить эту боль, взяв в руки сердце твоё,
 И через меня господь бы согрел твоё сердце,
 Чтобы оно раскрывалось с каждым стуком, с каждым мгновением.

И если бы моего сердца хватило, чтобы вдыхать в него
 любовь,
 И с каждым мгновением твоё сердце становилось всё больше.
 Если бы я могла сделать, чтоб ты не засыпал,
 Чтоб ты проснулся и воспроял в красоте своей и великолепии
 своём
 Чтоб ты стал путём к нему, а я для тебя.
 Когда ты плачешь, моё сердце плачет.
 Твоя божественна игра, в которой ты узник и освободитель,
 И не понятно кто есть кто
 И кто кого освобождает,
 И узник есть освободитель,
 И это удивительна игра,
 Ты есть везде и ты во всём
 И всё здесь всепроникновенно.
 Хочу, чтоб вечно восхищало твоё великолепие.
 Всё есть одно и многолико.
 Всё здесь просто и удивительно одновременно.
 И нереально всё, и нет готовых схем.
 У каждого тропа своя.
 Когда расколется реальность,
 Возможно ли познать себя,
 Входя и выходя.
 Позволишь ли войти в себя,
 Когда душа кричит.
 Верни меня к себе.
 Запутался в игре.
 Великая простейшая игра,
 И где я есть, и где конец игры,
 Где всепроникновенно.
 Бесконечность перевоплощений в лабиринте иллюзий.
 Чтобы время остановилось, тело, пространство, дух.
 Чтобы время прекратилось,
 Исчезло время.
 Дух.
 Как выйти из лабиринта иллюзий?

Вечер проходит быстро, когда начинается он поздно. Так что домой она не спешила. В дождливую погоду за любимым столиком в кафе наблюдала, как капли стекают по стеклу. Если позволяла погода, прогуливалась в парке, вдоль набережной. Последнее время по соседней дорожке в парке прогуливался он. Шел параллельной тропинкой, но не переходил на её. А она надеялась, что всё-таки он решится и сделает первый шаг. Каждый раз, выходя на прогулку, Ирина мечтала, что сегодня он подойдёт, и в этот вечер она будет прогуливаться по дорожкам уже не одна, что рядом будет любимое плечо.

Любимое. Да-да. Любимое. Незаметно для себя она влюбилась, позволила незнакомцу поселиться в своих мыслях и мечтах. Она мечтала, что сегодня, именно сегодня, он подойдёт и подарит букет кленовых листьев. После работы она спешила в парк, но дорожка заканчивалась, а он не подходил. Она стала собирать листья сама и составлять из них букеты, каждый раз представляя, что это они делают вместе. С каждым днём букеты получались всё ярче и красочнее, она уже научилась выбирать листья, так, чтобы каждый раз получался необычный букет.

В этот вечер она так увлеклась выбором, что не заметила, как перешла на его дорожку и, наклонившись за понравившимся листком, столкнулась с ним. Оказывается, он тоже собирался поднять этот лист.

Покраснев, Ирина отошла в сторону. Незнакомец протянул ей листок: «Возьмите, он ваш». Ей показалось, что всё вокруг засветилось как в сказке. В ответ она смогла только улыбнуться, слова застревали в горле, а потом вообще вылетели из головы. Весь мир завертелся, стал пёстрым, замелькал перед глазами. Еле поборов головокружение, Ирина стояла и прижимала листок к груди, как самую большую драгоценность в своей жизни.

Жестом незнакомец предложил идти дальше. Как в тумане, ничего не замечая от счастья, Ирина дошла до своего дома. Он ласково коснулся её руки и исчез. Вернее, ушёл, но ей показалось, что это произошло мгновенно. В этот вечер её

одиночеству было скучно, она его не замечала, сидела у окна, смотрела в небо звёздное и витала в своих мечтах.

На работе соседка сразу заметила произошедшую перемену. «Иринка, что случилось? Он познакомился с тобой?». Сбиваясь и прерываясь от счастья, все рассказала Светлане.

– Ой, вот ты фантазерка. Проводил домой, подумаешь. Ты хоть, дурёха, спросила, как его зовут?! Нет?! Я так и думала. Встретила мужчину. Нет, чтобы уцепиться в него, она даже не узнала его имени. И чего ты ждешь? Когда он встретит другую, которая вцепится в него и не отпустит? Я бы на твоём месте брала быка за рога, и он был давно уже мой. Учитывая, что – очень видный мужчина.

Ирина смотрела и улыбалась, не отвечая на монолог Светланы. Но как объяснить подружке, что уже на седьмом небе от счастья, ведь о прогулке вдвоём она только мечтала. А завоевывать? Нет, она так не может.

Теперь дни пролетали быстро, Ирина не могла дожждаться вечера, их молчаливые прогулки заполнили её жизнь. За осенью незаметно наступила зима, теперь во время прогулок они ловили падавшие лопухами снежинки, вокруг была снежная сказка. Приближался новый год.

– Ирина, ты что делаешь завтра? Приходи ко мне на вечеринку. Не забудь своего кавалера. Я видела вас вместе. Очень видный мужчина, я бы перед таким давно не устояла бы. А ты всё гуляешь за ручку, как будто у тебя вся жизнь впереди. – Светлана не изменяла себе и, как обычно, пыталась учить «дурёху» (с её точки зрения) жизни.

В этот вечер, ежесекундно запинаясь, Ирина передала приглашение Светланы на вечеринку. Сказала и замолчала, ожидая и боясь услышать отказ. Но он неожиданно огласился провести следующую встречу в гостях. Это был прорыв, гигантский шаг в их отношениях.

На вечеринке он блистал, девушки не отходили от него, чаще всего на танец его приглашала Светлана. Ирина скромно сидела в кресле, только иногда её герою удавалось пробиться и присесть рядышком на пару минут. Неожиданно

у Иры закружилась голова, откуда-то появилась слабость. Её отвели на второй этаж, уложили в постель. Её кавалер посидел немного рядом, но Ирина настояла, чтобы он спустился и продолжил свой отдых. Ей было неудобно находиться с ним наедине и не хотелось мешать отдыху.

Через время Иришка услышала, как тихонько открывается дверь в комнату. Сердце замерло: он всё-таки вернулся. Шаги затихли около кровати, он присел на краешек, взял её руку, прикоснулся губами. Затем наклонился и поцеловал. Об этом Ирина даже не могла и мечтать.

Неожиданно включился свет.

На пороге стояли гости и впереди всех Светлана. Ирина подскочила на кровати и увидела, что её ночной гость – это не Он. Боже! Что же произошло?! Как так могло получиться?! Светлана и её подружки что-то кричали, но Ирина ничего не слышала и не замечала. Все вокруг потухло, отошло на задний план. Она смотрела только на Него, но ничего не могла сказать в своё оправдание, слова застряли в горле и только глаза кричали: «Верь мне! Я думала, что это ты!!!»... Ирина понимала, что необходимо подняться, подойти, объяснить что все происходящее – недоразумение. Но сидела на диване, укутавшись в простынь, и смотрела в его глаза, надеясь, что услышит её: «Верь мне! Я думала, что это ты!».

Мир рушился, и сказка превращалась в жестокую реальность. Милое, родное одиночество окутало её плечи и помогло жить дальше.

P.S. Спустя год, сидя в своём кафе за чашечкой кофе, Ирина увидела, как по дорожке парка прошла парочка счастливых влюбленных: Светлана и Он.

ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

Ольга блистала всегда и везде: в детском саду и школе – она была первой и лучшей. Когда в пять лет родители записали её в школу бального танца, она и здесь стала

звездой. На паркете она парила, скользила и жила в танце, а не танцевала как все. Единственная дочь, она не знала ни в чем отказа, её баловали, покупали самые лучшие наряды. Мальчишки были готовы на всё ради белокурой обаятельной красавицы. Но она дружила со всеми, не выделяя никого, держа всех на расстоянии. Нет, она не была Снежной королевой. Поклонникам просто отвечала: «Хрустальное сердце в сундучке на замочке, а ключик потеряла!» Ребята не обижались, прощали ей за весёлый, звонкий смех и обаятельную улыбку.

Ничего, кроме лифтов, Ольга не боялась. Да и чего бояться всеобщей любимице. У кого же поднимется рука и повернется язык, чтобы обидеть её. Над единственным её страхом подсмеивались, всячески пытались помочь преодолеть его, но ничего не помогало. Пару раз даже уговорили зайти в лифт, но подняться или спуститься она так и не смогла. Поэтому, независимо от этажа, Оля всегда поднималась пешком. Тем, кто был не в курсе, отвечала: «Это для лучшей физической формы!». И как только она не уставала, как выдерживала на каблуках несколько раз за день подняться и спуститься по ступенькам?! Удивлялись, завидовали: даже к концу дня походка её оставалась лёгкой, воздушной и непринуждённой.

Какую только карьеру ей не пророчили. Неожиданно для всех поступила в университет на биологический факультет и занялась цветоводством. С её легкой руки приживались все черенки и прорастали семена. Ольга цвела, как и её цветы. Но всё так же не мог никто покорить её сердце. Пока...

В этот день был сильный ливень, затопило дороги. Они превратились в бурные реки. Оля стояла на ступеньках и не представляла, как ей перебраться на другую сторону дороги и дойти до машины. Тут земля ушла из-под ног. Даже не успев ойкнуть, Оля оказалась на руках у юноши. Не сказав ни слова и не спросив ничего, он молча перенёс её через бурлящий поток, поставил на дорожку.

– Вячеслав. Можно просто – Славик.

- Ольга, можно Оля
- Значит – Олюшка.

Никто до этого так не называл Ольгу, новое имя звучало как музыка, что было так приятно и тепло.

Слава прочно вошёл в жизнь Ольги. Дни пролетали за днями, днём занятия, а вечером прогулки, в выходные они выезжали за город – порыбачить, побродить по лесу, посидеть у костра. Время пролетало незаметно. С любимыми оно

всегда пролетает незаметно, и его никогда не успеваешь замечать. В один из таких вечеров, когда они, сидя у костра, наблюдали за звездопадом, Оля подарила Славику маленький ажурный ключик: «Это от моего сердца!».

Славик научил Ольгу ездить на лифте, впервые это произошло в стеклянном лифте. А подниматься, держа за руку любимого и целуя его – так это вообще сказочно. Ольга стала обожать стеклянные лифты – неповторимое ощущение, когда видишь, как земля уплывает у тебя из-под ног, а ты ощущаешь себя защищённым и знаешь, что с тобой ничего не случится.

В этот день в теплице распустилась драцена душистая. Оля сидела на коленях у Славика, они любовались красивейшим цветком.

– А знаешь: драцена – очень необычный цветок! Драцену душистую хорошо иметь молчунам, от молчания которых все вокруг страдают. – Ольга подтрунивала над Славиком. – Драцена пробуждает желание говорить, причем говорить красиво, так, чтобы всем вокруг нравилось.

Славик обнял Олю покрепче, прижал к себе и протянул маленькую вещицу. Ой! Сердце затрепетало при виде желанной коробочки: «Неужели он всё-таки решился! Ура-ура-ура! Боже, как я счастлива! Я – невеста! Стоп! Держи себя в руках, нельзя сразу открыто показывать, как ты рада. Надо сделать вид, что думаю соглашаться мне или нет. Пусть чуть-чуть поволнуется». Все эти мысли моментально пронеслись в голове Ольги.

– Оля, Олюшка, я должен уехать далеко и надолго. Когда вернусь – не знаю. Я не имею права привязывать тебя к себе. Ты – свободная девушка и должна строить свою жизнь дальше. Ты найдёшь ещё человека, который будет тебя ценить и всегда будет рядом.

Оля открыла коробочку: в ней был её ключик. Славик говорил ещё что-то, но она уже его не слышала. «Он вернул ключ. Ему я больше не нужна. Но почему? За что?» Ольга не заметила, когда Слава вышел, стояла как замороженная, оглушённая хрустальным звоном, прижав к себе долгожданную коробочку, но с неожиданным содержимым.

Жизнь продолжается и берёт своё. Наша героиня не умерла от горя, продолжала оставаться прекрасной и недоступной. Её улыбка оставалась всё такой же обворожительной, походка лёгкой, только вот в глазах поселились льдинки.

Спустя пять лет на одной из выставок Ольга была представлена Вячеславу Александровичу Кретову. Поражённый красотой, талантом, умом девушки, он предложил ей место в своей фирме. Она снисходительно принимала его ухаживания, он был ей симпатичен, но того, трепетного чувства, увы, не было. Ещё через год она стала госпожой Кретовой, преуспевающей бизнес-леди. Муж обожал Ольгу, хотя понимал, что она его не любит и только ночью называет Славик, а днём Вячеслав или Вячеслав Александрович. Оля старалась разбудить своё сердце, но было такое ощущение, что там, внутри – пусто и холодно.

Сегодня она заезжала в свой институт, надо было решить какие-то вопросы. Выйдя на ступеньки, Ольга увидела Славика в окружении стайки студенток, которые что-то щебетали. Мир опять ушёл из-под ног. Она бросилась к нему, обняла, стала целовать и спрашивать, не слушая ответов. «Вернулся, живой, родной, мой милый, любимый. Мир без тебя был такой пустой, однотонно серый и холодный, теперь вернулись все краски».

Но на самом деле Ольга не сдвинулась со ступенек, даже не шелохнулась в сторону Славика. В ушах стоял хрустальный звон...

Василий

Нестеренко

КЕРГЕЛЕН

(«Африканский рейс». Отрывок. В сокращении)

Находясь дома в Керчи после африканского рейса, я в городской маршрутке встретил Игоря Сидя. Это научный сотрудник, ихтиолог по образованию. Мы с ним когда-то познакомились на литературной стезе. Он был рад встрече и через пару дней позвонил из ресторанчика «На Дворянской»:

– Василий, я рекомендовал тебя как барда и бывалого моряка двум журналистам из авторадия города Париж.

Поблагодарив, я с радостью назначил встречу у себя дома.

Французы, хоть и любят выпить, – народ интеллигентный. наших уважают. Впервые с ними я столкнулся более четверти века тому назад – в 1980 году на острове Кергелен. Во время нашего перехода из Керчи в район промысла, произошло событие: ввод советских войск в Афганистан.

Пока международные бюрократы судили-рядили пущать или не пущать рыбаков провинившегося государства в территориальные воды Франции для отлова нототении, люди решили пообщаться. И к нам нагрянула группа французов, состоявшая из двадцати молодых небритых геологов. Они принесли с собой самоцветные камни: халцедоны и агаты. Цель визита проста – обменять эту красоту на наши рыбацкие роботы.

Дело в том, что на Кергелене, расположенном в ревущих сороковых южного полушария, погода ветренная.

Вокруг Индийский океан. Воздух влажный и прохладный. А французы – народ нежный и любят тёплую одежду, особенно сделанную наподобие нашей – из натурального сырья.

Я пригласил к себе в каюту бородатого булонца Ирви (он так представился на плохом английском). Принёс ему испечённый приятелем-поваром хлеб и миску корабельного борща с жирным куском хорошо проваренной говядины. На второе – отбивную с гречкой. Остальных гостей наше командование угощало яичницей и чаем в салоне кают-компанияи.

Для бартера я предложил свои запасные ватные брюки.

Общение происходило без напрягов, обмен – дружелюбно. В итоге, из моей армейской ушанки сияли, переливаясь всеми оттенками, несколько сине-красчатых с прожилками самоцветов, словно сказочная перепёлка отложила волшебные яйца.

Через неделю рейдовой скукотищи и нашему брату разрешили посещать островитян с ответным визитом. Вот и мы – группа из десяти человек – заняли свои места в миникатере, закреплённом на шлюпочной палубе. Старпом сам, вместо отсутствующего боцмана, командует спуском на воду. Сложная манипуляция. Принимать обратно болтающуюся внизу посудину – ещё сложнее.

Ветер с берега. До цели около полумили. Ход самый полный. Движемся еле-еле.

Через полчаса, ступив на дощатый причал, я замечаю, что боцман, уезжающий отсюда в нашем ботике, уже без плаща и на хорошем подпитии. Оглядываюсь. Малообитаемый остров вулканического происхождения напоминает лунный ландшафт. Кое-где – ложбинки с низким кустарником и тёмно-зелёной травой – излюбленной пищей когда-то завезённых сюда кроликов. Они здесь расплодились и одичали. В обширной долине открытой бухты, слабо защищённой невысокими скалами от постоянно дующего западного ветра, дремлют бараки геологов, похожие на выброшенные штормом корабли.

... Наши разбрелись вдоль берега. На пути попадаются целые семьи морских слонов. Они нежатся в дельте обмелевшей реки, которая впадает прямо в океан. Мы фотографируем

руемся на фоне кормящих самочек. Кто-то дразнит молодого полуторатонного самца, кидая в рот рассвирепевшему животному прибрежную гальку. Слон угрожающе ревет, приподнимая переднюю часть туши, но не нападает.

Я пошёл вдоль обрывистого берега в поисках самоцветов. И забрёл далеко вперёд, проигнорировав нарастающий шквальный ветер. Только что найденный полупрозрачный самородок опала золотистого цвета величиной с кулак меня несказанно обрадовал. Я крутил его и так и этак у самого края воды. ...Увесистый куст, кувыркаясь, пролетел надо мной и шлёпнулся вдалеке, подпрыгнув будто галька перед тем как скрыться в пучине. Куст был с корнем. Ничего себе... Его, видимо, сорвало ураганом с одной из дальних скал и катило по долине, пока, разогнав, не зашвырнуло в океан с пятиметрового обрыва. Я ещё раз огляделся. Мне стало не по себе.

Невдалеке из воды высунулась клыкастая морда слона-отшельника. Этот супер-тюлень дико орал криком простуженной электрички, выкатывая белки глаз и смешно шевеля коротким хоботом-носом, будто толстяка душили или щекотали под водой. Что интересно, ветер не уносил его неприкаянный крик в океан, и тот отражался от обрыва и звучал со всех сторон. По-видимому, мы с ним оказались в одной вакуумной зоне, образовавшейся под береговым обрывом. Невдалеке пингвины-адельки подныривали и, как ни в чём ни бывало, продолжали кормёжку. Кому война, а кому – мать родна...

Спрятав находку во внутренний карман куртки-аляски, затягиваю все лямки, попутно оценивая обстановку. Чтобы добежать до ближайшего жилища и не укатиться в бушующую воду, надо преодолеть полтора километра вдоль берега под обрывом и метров сто открытого пространства,

где, посередине, в дельте речушки, валяется, вжавшись в речную гальку, небольшое стадо морских слонов.

По мере приближения к опасному месту, спасительный обрыв начинает сходить на нет и я пригибаюсь. От конца моего укрытия и до лежбища – метров тридцать. Я затаился для рывка, ожидая, когда выдохнется очередной шквал.

Почему-то вспомнилась «ноздря Ай-тона» из «Продавца воздуха» Александра Беляева. Аэродинамическая труба. Рывок. В самом центре лежбища делаю неосторожный реверанс, пытаюсь обойти упитанную самочку с ребёнком-слонёнком. И... меня сбивает с ног резким порывом ветра и катит по земле.

В дельте реки совсем нет воды. Её как будто выдуло, превратив в летящую и воющую морось. Скользящая галька ничем не задержала бы моего губительного скольжения в пасть океана. Но... именно этой вальяжной даме я чем-то приглянулся: она решила меня спасти. Повернувшись белым брюшком навстречу, самочка поднимает упругую грудную ласту, кокетливо сыграв хвостом. Я буквально влип в неё, оказавшись внутри ауры шершаво-скользкого животного, излучающего энергию материнства.

И вдруг... трубный рёв ревнивого хозяина гарема раздался откуда-то сверху. Тень гиганта дышала рыбной отрыжкой с дистанции кулачного боя. Наши весовые категории явно не совпадали... Сейчас это вспоминается с улыбкой, но тогда, пытаясь выжить, мне пришлось ментально превратиться в морского слона. И мои голосовые связки издали аналогичный звук.

Ещё унтером на срочной службе в армии я научился делать акустический купол во рту как у оперных певцов, чтобы перекрикивать роту военных строителей на вечерней поверке. Это меня и спасло. Махина на секунду оцепенела от неожиданности. А я, воспользовавшись моментом, быстренько покатился прочь от копошащихся чудовищ, оставив удивлённого самца в позе вопроса.

... Ни ужаса, ни восторга – только тупое желание стать тяжёлым, – влипнуть как слон в гальку пляжа, чтобы не

улететь пушинкой в разъярённый океан. Уже находясь вне стада, я продолжал катиться в сторону спасительного обрыва, лицом к ветру, не рискуя подняться, пока не почувствовал очередного ослабления стихии. Последнюю сорокаметровку бежал наудачу: авось успею. Хотя бегом это назвать можно с большой натяжкой.

Так продираются сквозь заросли, или идут под водой.

И вот я почти в безопасности.

Вдоль обрывчика подбираюсь к началу крайнего складского ангара, где наши моряки пережидают бурю. Вблизи строений чувствуется относительное затишье.

– Эй, там есть кто живой? – теперь мой самоцвет пригодился функционально: я колочу им в железную дверь убежища.

– А мы тебя уже чуть не похоронили. – Мой приятель шеф-повар Виталий Гирфанов помогает приоткрыть небольшую рифлёную (как и вся обшивка грузового ангара) дверь.

Ещё перед рейсом в Керчи мы подружились семьями и наши жёны теперь перезванивались, делись новостями.

Когда глаза привыкли к полумраку, замечаю в помещении ещё трёх человек из нашей группы.

– Слушай, а куда остальные подевались? – я с нарастающим ужасом внимательно оглядываю присутствующих. Вдруг представилось, что полгруппы сдуло в море.

– Мы тут больше часа уже торчим. Скоро и за нами подъедут. Остальные уже в столовой. – Отозвался западэнским акцентом второй штурман Семён – полноватый брюнет с переговорным устройством в руке.

Сильные бури, как и страсти людские, длятся недолго. Когда снаружи заурчал пятиместный внедорожник, ветер почти убили. Сказать «совсем» было бы неточно, поскольку затишья здесь попросту не бывает.

Столовая геологов – почти в полумиле на запад и – на возвышении. Это кубическое сооружение двухэтажно, в отличие от остальных приземистых строений. Их пологие

двускатные крыши местами пристёгнуты к земле тросами как палатки.

Зал второго этажа, где нас кормили ужином, напоминал типовую столовку богатенького совкового предприятия. Но меню, по сравнению с нашим корабельным, было убогим. Сто грамм отварного риса с мини-кусочком хека прикрывало одно жареное яйцо и французская булка, грамм на 50.

Облизнувшись, мы попытались на добавку взять хотя бы хлеба, чтобы, запивая компотом, набить желудки. Однако, не тут-то было.

– Донт батте! В`ино плиз! – улыбаясь, приглашает жестом худошавый повар.

И тут одного из наших, а именно – тралмейстера Гришу – коренастого бородача – озарило: – Парни, так вон же у них бочка с пойлом!

И действительно: в центре зала, между двумя кустистыми банановыми пальмами, затаилась полуторокубовая дубовая бочара. Возле неё уже выстроились в очередь наши ребята из предыдущей группы. Их сдвоенный столик находился в противоположном углу просторного помещения. Мы дружно пристроились со своими пластиковыми стаканами, втихаря обильно поливая растения недопитым компотом. Затем в ход пошли чайники, которые услужливо предложил нам всё тот же вежливый худой повар. Очевидно, он беспокоился, как бы не засахарились политые компотом пальмы.

После ужина нас расселили на ночь в номерах местной гостиницы. На общей кухне у входа с подвесных полок блестя перламутром цветные фарфоровые чашки. В пустом холодильнике – едва початая большая банка гранулированного кофе. Стены моего номера увешаны русско-французскими шпартгалками диалоговых фраз. Оказывается, здесь недавно жили русские геологи.

Сегодня суббота. Завтра у поселенцев официальный выходной. Нас приглашают на тусовку в бар.

К барной стойке на первом этаже под столовой прикручен большущий ящик телевизора со встроенным

цветным видеопроигрывателем. В Союзе аналогичная видеотехника начнет выпускаться лет этак через десять, но гораздо худшего качества. На стенах – олени рога, чучела, шкуры. Сначала мы около часа смотрим на французского барда, который, обливаясь потом, что-то громко и экспрессивно поёт с экрана, жестоко дёргая акустику за струны. Французы пьют пиво.

Поскольку валюты у нас нет, зарабатывать на пиво мне приходится не отходя от телевизора.

Сразу после видеоконцерта я взгромождаюсь на прочный деревянный верх «Панасоника» и исполняю вживую комплекс хатха-йоги. Мой друг Виталик не выдерживает, и, когда я встаю на голову в королеву поз, подбегает подстраховать. Расставив руки, пока я завязываю свои ноги в лотос, он говорит: – Оп!

Французы аплодируют, и в наш адрес от бармена постукает ящик баночного пива.

Затем нашлась и шестиструнка. Под сочный аккомпанемент испанской гитары тралмейстер Гриша поёт Высоцкого, хрипя один-в-один с оригиналом.

Пиво – рекой.

О тралмейстере Грише надо рассказать отдельно. Этот безбашенный профессионал-рыбак мог бы работать каскадёром в кино. То, что он однажды вытворил, исправляя ошибку штурманов, было зрелищем не для слабонервных.

Накладка произошла из-за служебного рвения помполита. План ему, видишь ли, в контору подавай. Заездил штурманов по уши. Что с непрофессионала возьмёшь... Ведь нельзя по сто с лишним тонн за один раз в трал грести. Просто не вытащить потом такую кишку на палубу. Стальные тросы (ваера) лебёдок иногда рвутся и калечат людей. А в тот раз поперёк порвалась... сеть. И весь улов пополз по еще (слава Богу!) не оборвавшимся продольным канатам за борт.

В результате, ночью Гришу привязали к поперечной балке над кормовым слипом (такая гладкая «горка» для скольжения снасти) и спустили прямо на переполненный

рыбой трал. Штормило. Перед ним — вращающийся винт вымывает лишнюю рыбу из распоротого тралового мешка. Заточкой, привязанной к длинной бамбучине, он вспарывает сетчатые бока шевелящегося под ним чуды-юды и похож на Георгия-победоносца. Спасённый трал завтра заштопают матросы. А рыба... что рыба? Была бы снасть. Лишь несколько тонн удаётся вытащить на борт, хотя такое уже не годится для заморозки: форшмак мягкий-перемятый — разве что в мукомолку. Но трал был последний, а снабженческая база не ожидалась. И, если бы не Гриша...

Вот и сейчас тралмейстер нас выручил.

Кстати, там ещё одна накладка случилась. Оказывается, наше судно в тот день едва не вылетело на скалы. Пьяный боцман на швартующейся шлюпке не смог уложиться в маневр и теплоходу только чудом удалось избежать катастрофы. Один из якорей «Рицы» так и остался лежать на дне кергеленской бухты. Тральщик был вынужден выйти штормовать в открытый океан, а мы — пить пиво с французами. Во времена «железного занавеса» такое массовое общение с иностранцами не приветствовалось. Это было в январе 1980 года.

Но вспомнилось почти тридцать лет спустя, когда я ожидал своих гостей-журналистов. Мне очень захотелось, чтобы кто-то из тех ребят-геологов услышал мои песенки на авторadio города Париж. Тексты их были написаны ещё в те времена, когда я не знал ни одного аккорда, а умел лишь выгибаться в йоге на телевизоре, как дополнение к чужому концерту.

Кстати, мой приятель Ирви, отведав тогда втихаря нашей корабельной кухни, изловчился попасть на борт «Рицы» в качестве международного наблюдателя. Он бегал с видеокамерой и снимал моменты подъёма трала. Правда, тот ночной эпизод, где отличился Гриша — он проспал. Иногда мы с ним пили его французский коньячок и показывали друг другу свои семейные фотографии.

Замыкается круг. Мэри просит сказать что-нибудь по-французски. Мэрсю боку! Бонжур, Ирви! А я ещё и песенки сочиняю.

<http://www.realmusic.ru/songs/866076/> (авторская песня)

Белла

Цицельман

ИСТОРИЯ ПОРТРЕТА

*«Вы просили мой портрет
В верной подлинной натуре?
Он готов. В нем фальши нет.
Вот я весь в миниатюре»
(кажется, так написано у Пушкина)*

Переступив порог, я замерла, уставившись на портрет, висевший на стене. Непонятное волнение овладело мной ещё до того, как я его рассмотрела: на темном фоне крупным планом лицо в профиль, взгляд широко распахнутых глаз устремлён вдаль, нос с горбинкой, чуть вздернута верхняя губа, завиток волос... В правом нижнем углу подпись: «М. Бузина. 11 сентября 1941 г. Саки».

Так это же я! Это мой портрет! И тут я почувствовала, именно ощутила на себе прикосновение Митинога взгляда, как будто тёплый лучик коснулся моей щеки. Так смотреть мог только он: его серые глаза в светлой опушке ресниц, как бы вопрошали и успокаивали. Но, увы, в те далекие годы я не сразу разобралась в характере его взгляда, да, не сразу...

Учебный 1939 год в разгаре. Я чувствую себя крайне неудобно, как все новички: незнакомые лица с любопытством без конца заглядывают в класс на переменах. Они мелькают как в калейдоскопе, и ощущаю я себя, как на диковинных смотринах. Ещё бы: ведь в маленькой сакской школе не так уж часто появлялись «новенькие». Папу опять перевели на новую работу – в Саки (тогда ещё посёлок) директором грязевого госкурорта. Приехал он вначале один и, естественно,

скучая, поделился со своей секретаршей, у которой была дочь моего возраста, что у него дочь очень похожа на него. А нужно сказать, что у папы был довольно крупный нос с горбинкой, вот девчонки (дочь секретарши и её подружки) заранее почувствовали ко мне антипатию – «вот, наверное, страшила с таким носом! Да вдобавок обязательно гордячка и задавака – дочь директора ведь!» Естественно, девчонки предвзято меня встретили, но отношение ко мне мальчишек компенсировало это с лихвой. Действительно, судя по фотографиям, я страшилой не была. А недавно один из моих внуков, Коленька, глядя на моё фото 1941 года, сказал, что я похожа на куклу Барби (?!). Ну, я думаю, что это он по своей внуковой необъективности перегнул палку. А если послушать внука Максимушку, то мне хоть сейчас на конкурс красоты. Так вот, сзади за партией сидели Зяма Рытов и Костя Сенченко – вечные друзья-соперники (оба погибли, причём Зямка – в День Победы. Бедные мои!) Они, по-моему, всегда увлекались одним объектом – это я сразу почувствовала на себе. Один томно напевал: «Ты к нам пришла с далеких гор» – модный в то время шлягер, а другой с печалью во взоре декламировал, перефразировав Пушкина: «Зачем ты посетила нас в глуши забытого селенья» и т.д. Меня это смешило и не очень трогало, так как ко всем мальчишкам я испытывала лишь товарищеские чувства, ведь с детства у меня были мальчишеские наклонности: читала, забравшись на вершину эвкалипта, не вылезала из конюшни, обихаживая лошадей, играла в футбол. Уже в более старшем возрасте изучала бокс по книжке и затем практиковалась на мальчишках, великодушно позволявших на них отрабатывать удары. Я до сих пор помню не только названия некоторых ударов, но и могу показать их – хук, апперкот, джеб и т.д. (Это ж надо, сколько всякой ерунды хранится в памяти!) И была страшно сконфужена, когда кто-то из девчонок застал меня отжимающей утюги (гантелей не было). Ну и это событие было соответственным образом освещено в школе – реакция была тоже соответствующая. Это я всё к тому, что мальчишек я как объект для вздыханий ещё не

воспринимала, хотя была уже в восьмом классе. Видно, всему своё время.

Девчонки продолжали подозрительно присматриваться ко мне, и не знаю, сколько бы продолжался мой «испытательный срок» – но тут вмешался случай.

Шёл урок литературы. Ваня Дидковский, широкоплечий веснушчатый скромный парень, отвечал монолог Фамусова: «Вот то-то все вы гордецы...» и дальше рассказывается о дядюшке на приёме у императрицы: «на куртаге ему случилось оступиться, упал, да так, что чуть затылка не прошиб» – и т.д., но Иван вместо «на куртаге» сказал «на куртале» – класс начал хихикать, учительница пыталась исправить, но Ваня еще больше запутался. Класс хохотал. У учительницы сдали нервишки и она, пунцовая, выскочила из класса. В результате Иван был объявлен от имени директора врагом №1, и рекомендовано было срочно собрать общее собрание старших классов. Это было на второй или третий день моего пребывания в школе. Собрание было сумбурным, народец своенравным, а учителя вообще... И тут вдруг решили, что я как новенькая могу бесстрашней всех судить о Ванином «проступке». Я вообще более или менее уравновешенная особь и редко выхожу из себя (по крайней мере, живя в студенческом общежитии, я себе это позволила только один раз, да и в дальнейшем, в своей семье, это случалась крайне редко). А тут меня понесло. Я негодовала и возмущалась: как могли вину (если это можно назвать виной) всего класса взвалить на одного и т.д. и т.п. – короче, моё выступление было поворотным и определило ход собрания, но я это вспомнила к тому, что в момент ораторствования почувствовала упорный такой взгляд, как мне показалось тогда, то ли осуждающий, то ли вопрошающий, то ли оценивающий, короче, в характере взгляда разбираться не хотелось, но взгляд мне определенно не понравился. В дальнейшем я непрерывно наталкивалась на взгляд этих серых пристальных глаз, и даже как-то, не выдержав, подошла и надерзила – страшно и незаслуженно обидев Митю. Позже он мне рассказал, с какой радостью он

наблюдал за мной, за тем, как я двигаюсь, говорю, смеюсь, и как буквально оторопел, когда я «вылила на него ушат холодной воды». Да, это был Митя Бузина из параллельного класса.

Прошло совсем немного времени, и я очень органично вписалась в школьную жизнь. Как-то постепенно образовалась группа из двенадцати человек – пять девочек и семь мальчиков. Митя тоже вошел в эту группу. Мы даже купили одинаковые значки с изображением самолётика, а затем буква «Л» трансформировалась в «Р» (не помню, почему), и мы стали называть себя «общество Саморёт». Господи, какой ветер ещё гулял в наших беззаботных головах! Мой папа называл нас «дикая компания», а работающие мальчики – Бебина шайка. Вообще, стоило кому-нибудь заявиться ко мне домой, как папка всегда пытался накормить гостя. «Лилечка, по-моему ты похудела», – заявлял он очередной жертве своего гостеприимства. Вот от кого у меня такая черта и даже потребность.

Нас всё время тянуло в школу. Школа была маленькая, одноэтажная. Большой вестибюль, в конце которого была небольшая сцена, превращался в зрительный зал, в зал для проведения всех собраний, был ещё и приспособленный спортзал. Каждый находил себе занятия по вкусу: ансамбль (хор и инструменты), драмкружок. Тир мы построили сами. Я была бессменным редактором газеты нашего класса и председателем учкома. Почерк у меня всегда был безобразнейшим, рисовать я не умела, но слагала кошмарные стишата (зато актуальные), да ещё беззастенчиво командовала своим одноклассником Милей Поюровским, который хорошо рисовал и вообще полностью оформлял газету. Он безропотно сносил мои руководящие выверты и робко посматривал на меня сверху – был он очень высоким и носил черную длинную толстовку. Кто-то из мальчиков, кажется Саша Валихов, тайно влюбленный в старосту класса Лизу Пономарёву (об этой тайне догадывались все), так вот, он о Мильке придумал: «Ходит Миля в чёрной блузе, жизнь монашеску ведёт. В танцах баб прекрасно водит, в хоровом кружке поёт». Ну чем не шедевр! Зато ёмко и доступно. О

дальнейшей судьбе Саши и Лизы, об их любви и её превратностях можно было бы написать целый роман, но, во-первых, не дано, а во-вторых, я совсем отклонилась от темы.

Не могу не привести потрясающих моих стенгазетских опусов, которые школьники с интересом читали ещё и потому, что они сопровождались очень выразительными рисунками, например: бушующее море, плывущие парты и верхом на одной из них изготовившаяся к прыжку маленькая вихрастая фигурка, а дальше –

НОВЫЙ МАГЕЛЛАН

Вот Коля Таранец пред вами
Его, наверно, вы узнали сами.
И знаете, чем славен он?
Он путешественник теперешних времен.
На алгебре – на первой парте,
На физике – уж на другой,
На перемене он на старте –
За третью держится рукой.

Дальше не помню – прошло 60 с лишним лет. И финал:
Когда же ты завяжешь,
Скажи нам, Таранец.
Когда на место сядешь?
На место, наконец.

А был у меня ещё один шедевр, возымевший совершенно обратное действие тому, что было мной задумано. Я плохо помню последовательность, но постараюсь.

Войдёшь ли в зал, иль в класс войдёшь,
То удивишься вдруг:
Словечки вроде этих
Ваш поражают слух:
«– Карандаша я не найду,
Неужто стырили бузу?»
«– Дай, друг, скатать задачек пару,
Не то задаст учитель жару».
А вот интимный разговор
Двух пареньков. Один в ударе:
«– Вчера на Главной наколол
Я мировую харю».

Главной называли у нас центральную улицу Революции. Дальше следовало всё в таком же духе, и – финал:

Ребята, надо это бросить
И вычеркнуть сейчас и навсегда
Из нашей чистой русской речи
Такие непотребные слова!

Но увы... Ребята с восторгом прочли и с удовольствием скандировали эти самые «непотребные» слова. Вот вам и обратная сторона пропаганды...

Итак, я хорошо вписалась в коллектив, будто уже не один год училась в этой школе. Я в предыдущих своих, с позволения сказать, воспоминаниях много писала о школе, об учителях, может, и повторяюсь? Не беда.

Вспоминается смешное: у подружки Лильки был поросёнок, по прозвищу Пиня. Как-то родители уехали, оставив на хозяйстве Лильку и её брата. Прибегают они с испуганными физиономиями ко мне за советом: «Что делать? Пиня, оставленный в сарае, напился керосину». Я, конечно, их успокоила, рассудив: «Ну что, Пиня, глупый, чтоб пить керосин? Просто он опрокинул посудину с ним». Видите, я всегда, не помню с каких времен, считалась знатоком, когда дело касалось животных. И так до сих пор – столько лет прошло, как я стала детским врачом, а ко мне всё приходят и приходят, когда случается беда с братьями нашими меньшими. Считаю, что у меня большой ветеринарский стаж: мама рассказывала, что в двухлетнем возрасте я пыталась спасти мышку из пасти кошки, но мышка, не поняв моего благородного порыва, прокусила мне палец (а палец-то был крохотный!). Кого только я не лечила! Собак, кошек, поросят, обезьяну, морских свинок, кроликов, домашних крыс, птиц и т.д.

Дорогие мои дети, не сердитесь, что я отвлекаюсь – такая уж я у вас непоследовательная старушенция.

Да, так на чём же мы остановились? Вернёмся в школу, так как вся жизнь проходила в школе, и жить было чрезвычайно интересно. О нашем драмкружке я уже писала, рассказав немного, а я могла бы рассказывать до

бесконечности о наших «премьерах». Например, «Мы не актёры» (стыдно, но автора не помню). Участников было трое. У Зямки Рыгова была эпизодическая роль директора театра, приехавшего на гастроли в маленький городок, но двое участников – Изька Позинов и Марка Баутская сыграли блестяще.

Содержание такое: приехавшему в провинцию театру требуются два актёра – мужчина и женщина (то ли заболели актёры, то ли ещё что-то случилось). И вот к директору театра являются девушка и юноша, Вася и Нюра, предлагая свои услуги, причем он слесарь, а она телеграфистка, но они участники самодеятельного драмколлектива. Директор, негодуя, отказывается. И тогда перед ним стремительно появляются, сменяя друг друга, яркие персонажи, претендующие на роль в театре: Снабженец, Ангина Кастальская – артистка эстрады, Фаддеич – извозчик, Татьяна Андреевна Зонтик – драматург; актёр, не любящий учить роли – Негодуй-Нерыдаев – образы настолько яркие! В финале оказывается, что это Нюра и Вася перевоплощались. Ну естественно, их берут в театр.

Надо было видеть этот фейерверк! Я много раз смотрела из-за кулис и помнила все роли наизусть. Многие помню до сих пор, и некоторые выражения бытуют в нашей семье. Когда Дагмара, то есть Марка болела, то мне на репетициях приходилось её заменять, и вот тогда я предложила некоторые изменения в трактовке её образов, и это прижилось. Мои дети хорошо знакомы с некоторыми персонажами, так как я умудрялась разыгрывать перед ними сцены из наших школьных спектаклей. А ещё наш руководитель (отец Марки Аркадий Иванович), агент по снабжению химзавода, а в прошлом участник самодеятельности, где-то откопал пьесу «Директор» – перевод с еврейского. Содержание пересказывать не буду, но до сих пор помню, и, кажется, слышу громкий заразительный хохот моего папы – это когда мы перед родителями в школе выступали. О некоторых других спектаклях я писала раньше... Да, надо же вернуться к Мите.

Я долго соображала, но наконец поняла значение Митиных взглядов, и мне это понравилось, и хотелось в ответ так же на него смотреть. Митя решил и пригласил меня в кино! Но это почему-то вызвало большой резонанс, даже в рядах моих подруг. Я не замедлила и разразилась чуть ли не поэмой, в которой было много дурацких слов, но у меня была такая привычка – на всё откликаться хоть плохими, но стихами:

В одной из школ и неком классе
 Училась она,
 Толста и говорлива,
 К тому ж еще мала.
 И были у толстухи
 Три верные подруги.
 Жил-был шатен на свете,
 Высокий, стройный.
 Художник очень яркий,
 Спортсмен достойный.
 Поблизости учился,
 Порою заходил
 И как-то ей однажды
 Билет в кино купил.
 Имелся у шатена
 Браток родной,
 Хоть парень очень видный,
 Сидел он под пятой,
 Не просто под ботинком
 Или под сапогом –
 Под маленьким изящным
 Девчачьим каблуком.
 Так вот, сей подкаблучник,
 Как про билет узнал,
 Быстрее ветра мчится,
 Подругам рассказал.
 Подруги шум подняли –
 Как так и отчего
 Он вдруг ей покупает

Билет в кино?
 «Тут дело не на шутку, –
 Решили те в минутку, –
 Билеты купленЫ
 И оба влюблены!»
 И вот решенье это
 Узнало вмиг полсвета.
 К каким ужасным результатам
 Привёл несчастный сей билет!
 Так вот послушайте, ребята,
 Мой чисто дружеский совет,
 И если вы надумали билет купить,
 Так знайте, всё равно уж вам не жить.
 Торопитесь, не опоздайте,
 Своё решенье измените,
 Билетик купленный продайте,
 Кино вы сами посмотрите.

Этот эпический шедевр претендовал, по-видимому, на остросатирический стиль... А всё-таки девчонки были правы! И мы радовались каждой минуте, проведённой вместе. Счастливое время – юность!

И вмиг всё рухнуло. 22 июня 1941года, воскресенье. Война! Мы понеслись в райком комсомола, требуя, чтобы нас отправили на фронт. Нас отправили в колхоз «Политотделец» копать картошку. И вот, после побывки дома (где-то через неделю), вернувшись в колхоз, обнаружили, что мальчишкам негде спать – преподаватель задержался, и ключей не было. Мальчишки расположились в нашей комнате на полу. Кровати были железные, а изголовье из прутьев с широкими промежутками. Митя лёг на полу у изголовья моей кровати, рядом с ним Костя Сенченко. Мы с Митькой проговорили всю ночь, и он впервые объяснился мне в любви. Луна светила мне в лицо, а мне казалось, что на меня кто-то смотрит. Оказывается, Котька Сенченко всю ночь не спал, в чём он потом признался. «И как это ты удержался и не поцеловал её?» – заявил он Мите утром на поле. Нет, по возвращении домой как-то вечером Митя спросил разрешения меня поцеловать, и я как параличная страшно затрясла отрицательно своей глупой головой. Ну а потом он всё-таки поцеловал и в письме с фронта писал:

«Помню, как впервой поцеловал тебя и сам испугался». Ему было 18, а мне 17 лет – видать, запоздали с развитием. Мои внуки, если будут читать эти строчки, то будут долго смеяться. Когда мы расставались, я присела на корточки на краю вагона, и мы поцеловались при всех. Митя плакал, по лицу катились слезы (о себе вообще молчу). Так я с мамой и братиком отправилась в тяжкий путь эвакуации. Был конец августа 1941 года. Это был первый эшелон с нашими местными немцами, и с этим эшелоном нас папа и отправил. Об эвакуации надо писать отдельно.

О Мите я ничего не знала, и вдруг в 1943 году, зимой, получаю письмо от Марки Баутской из Горького (это её родина, и они туда уехали в начале войны) с Митиной полевой почтой. Оказывается, Маркина соседка случайно услышала передачу, в которой Митя (наверное, солдатам давали такую возможность) называл свой довоенный адрес и просил откликнуться своих школьных друзей. Вот такие бывают чудеса! Завязалась переписка. Письма были прекрасные...

Митя демобилизовался в 1946 году. А вот почему у нас не сложились отношения? Не знаю. Виноваты оба. Что-то по молодости часто делаем не так. То ли мне показалось, что он уделяет много внимания Майе Ощекевич (очень красивая и хорошая девочка), то ли мальчики, бывшие со мной на практике, уделяли много внимания мне. В общем, что-то делали друг другу назло... Вот и всё...

У меня самые нежные, щемящее-грустные воспоминания об этой первой любви. Такое не забывается.

Я хотела ещё сказать о Митиных письмах. Их было много. Часть я на каникулах отвезла маме в Саки, и вот эта пачечка сохранилась у неё. В 1950 году мама переехала к нам жить, но о письмах забыла (они лежали у неё в сундучке). Спустя несколько лет она о них вспомнила. Я как-то сразу Люсику не показала их. Когда Ларисочке было лет 15, и я случайно наткнулась на пакет с письмами, то решила с ней посоветоваться. «Я, – говорю, – не привыкла от папы что-то скрывать. Может, мне стоит показать эти письма ему?» На что моя мудрая доченька ответила, что раз я так долго ничего о письмах не рассказывала, то и не стоит. Так я и поступила.

Письма, конечно, добрые, наивные, патристические. И когда я прочла их, частично, Антону (старший внук, вот я и разоткровенничалась), то он сказал, что думал: такое только в романах бывает. А я благодаря этим письмам знаю,

что у меня были, цитирую: «красивые длинные ресницы», «зелёные» глаза, а иногда эти глаза почему-то были «голубоватым оттенком», что во мне было много «своеобразности», что я была «веселенькая, неунывающая», и ещё часто написано про мою «чистую душу» (?!!). Вспоминал, как он любовался мной украдкой и даже кому-то бил морду. Да, влюблённым всегда их объекты кажутся необыкновенными. А ещё Митя пишет, что моя первая фотография прошла путь от Западной Украины, форсировала Вислу, оказалась в Польше.

Когда я вышла замуж и вскоре приехала в Саки, Митя, встретив меня, долго молча смотрел и сказал: «Что ты наделала!», а в глазах слёзы...

Ларисочка окончила школу, я собрала всех троих детей (а Люсику не дали отпуск), и мы отправились в поездку по Крыму. Останавливались в тех городах, где у меня были друзья: это Симферополь, Бахчисарай, Севастополь, Саки, Евпатория – об этой поездке можно писать отдельно. Вот тогда я познакомила детей с Митей и другими мальчиками и девочками.

Люсик был самый понимающий друг. В 1963 году меня послали на семинар в Симферополь, и Люсик помог мне выбрать художественный альбом в подарок Мите, которому исполнилось 40 лет, и я из Симферополя собиралась съездить в Саки, чтобы его поздравить...

Я очень разговорилась и не могу остановиться. Пора же вернуться к портрету.

Итак, 1946год. Митя демобилизовался. К этому времени мы уже, практически, не виделись. Зашла я к нему с девочками, уж не помню, по какому поводу, – и вдруг этот портрет на стене! «Нарисовал маслом по памяти, да и фотография была, это когда ты уехала в эвакуацию» – «Но этого портрета не было, когда я заходила к твоей маме?» – спросила я. Тогда Митя объяснил, что перед уходом на фронт он упаковал портрет в железную коробку и закопал его возле вокзала. Ему помогал друг – Вова Мартыненко. И там он пролежал всю войну.

Митя долго не хотел расставаться с портретом, но я его убедила в конце концов. И вот висит этот портрет в рамке из старого багета, любовно сделанной моим Люсиком. Портрету уже больше 60 лет, краски потемнели, но он навсегда останется светлым воспоминанием юности.

Поэзия

*Лариса
Алексеева*

ИЩИТЕ ТИШИНЫ

*«Кто хочет узнать волю Божью,
ищите тишины...»*

Александр Мень

А голос Бога слышен в тишине,
Когда, уединившись от помех,
Замрём мы на Божественной волне,
Вдруг услышав Мудрейшего из всех.

Когда без лишних мыслей голова,
И к нам приходит откровенья час,
Мы слышим сердцем главные слова
О самом важном каждого из нас.

О смысле мук, страданий и судьбы,
И о задачах нынешнего дня,
И где найти нам силы для борьбы,
И что духовность в жизни – есть броня.

Чтоб это слышать, нужен шаг простой:
Меж тишиной и шумом – полоса.
Порадуем же душу тишиной,
Безмолвия так просят небеса.

И чтоб не знать раскаянья, вины,
 Пусть думает об этом голова.
 Мои друзья, ищите тишины,
 Услышите сердцем главные слова.

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Нелегко сейчас жить на свете:
 Из проблем состоящий быт,
 Смена стран, устоев, столетий,
 И душевный покой разбит.

Что же сквозь неурядицы быта
 Может людям всегда помочь?
 Православных святых защита,
 Материнской молитвы мощь.

... Трёх сыночков – надежду в старость
 На войну проводила мать.
 Что ей в жизни теперь осталось?
 Лишь одно только – верить и ждать.

Дождалась всех троих. Упала
 Вся в слезах сыновьям на грудь...
 У Ивана, Петра и Павла
 Был потом ещё долгий путь.

И родные её спросили –
 Как смогли через боль и страх
 Дети выжить, какая сила
 Их спасала в смертельных боях?

«На коленях, что было силы,
 Сбереглась чтоб моя семья,
 За сыночков своих любимых
 Всю войну простояла я».

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

светлой памяти Наума Абрамовича Славина

Вы сейчас далеко, за широкой рекой,
 Пусть душа отдыхает от шума.
 Там небесный приют, тишина и покой,
 Там о Вечности каждая дума.

А судьба Ваша очень нелёгкой была,
 Не одну только радость дарила.
 Догорела свеча Вашей жизни дотла,
 Но как ярко и ровно светила.

Как любили Вы жизнь и ценили друзей,
 За семью свою были в ответе.
 Вам судьба подарила жену и детей
 Самых лучших на всём белом свете.

В Ваших книгах нам помнится каждый рассказ,
 В них судьба свои ставит задачи.
 Мы и в школе, и в жизни учились у Вас
 Жить по совести, с полной отдачей.

Соберём вашу мудрость в бесценный запас,
 Чтоб идти в жизни честной дорогой.
 Сбережём в наших душах мы память о вас,
 И она будет светлой и долгой.

БЫТЬ ДОБРУ

Душевные боли намного сильнее телесных,
 И ранят слова, просто рана от них не видна.
 Не слышит никто, одному только Богу известно,
 Как плачет душа, как болит и страдает она.

Зачем ты, душа все невзгоды так чувствуешь остро,
 Друзей защищаешь собой на холодном ветру.
 Ведь нежной такой жить всегда нелегко и непросто,
 Но бедам назло, ты всегда говоришь: «Быть добру».

Сердечный огонь посильнее любого другого.
 И ярче его и нужней ничего в мире нет.
 Зажжётся от взгляда или доброго, тёплого слова
 И будет светить до конца нам отпущенных лет.

А знаешь, душа, высота ведь для нас не помеха,
 И планку свою надо будет повыше поднять.
 Высокие мысли ведут человека к успеху,
 Но много ему предстоит пережить и понять.

Учись, человек, только правду отстаивать в споре,
 Своею душою весь мир и понять, и простить.
 Пусть будет с тобою любви бесконечное море
 И столько добра, сколько сердце способно вместить.

САНАТОРИЙ «КИЕВ»

Здесь вам подарят мажор и здоровье,
 Чтобы вернулось сияние глаз,
 Отдых отличный и радость с любовью –
 Всё исключительно только для вас.

Санаторий «Киев» –
 Ласковый уют.
 И места другие
 Вас не привлекут.
 Рай под небесами,
 Дружба на года
 И два моря с вами
 Будут навсегда.

Яркое лето и мягкая осень,
 Золота блики на синей волне,
 Даже зима приглашает и просит,
 Не говоря о счастливой весне.

С южным загаром, сияя улыбкой,
 С верою на повторение встреч,
 Бросив монетку на линии зыбкой,
 Скажете вы: «До свидание, Керчь!»

КЕРЧЕНСКИЙ ВАЛЬС

Увидав белый город на синей волне,
 Ты замрёшь от его красоты.
 И захочешь ещё раз видеть во сне
 Добрый город счастливой мечты.
 Через море времён на планете Земля
 Он прошёл уже тысячи миль
 И белеет как мачта его корабля
 Митридата торжественный шпиль.

Керченский вальс,
 Керченский вальс,
 Что над проливом плывёт.
 Город морской,
 Сердце с тобой
 Песню о море поёт.
 Солнца восход,
 Чайки полёт –
 Всё это только для нас
 Ветер-маэстро
 Играет сейчас
 Солнечный керченский вальс.

Вечный город с такой с молодою душой,
 Ты добром и надеждой живи.
 Мы гордимся тобой, бережём твой покой,
 Город нашей горячеей любви.
 Южной ночью сверкаешь ты, как бриллиант
 На границе воды и земли.
 Город наш, для – и любовь, и талант,
 Здесь мы радость и счастье нашли.

ДЕНЬ ГОРОДА

Керчь в боях закалённая –
 Чести пример живой.
 Керчане, в неё влюблённые,
 Город поздравят свой.

Город – герой и труженик,
 Город – моряк и страж.
 Славится всеми музами
 Солнечный берег наш.

Жизни богатой навыки
 Пусть пригодятся тут,
 Пусть наши внуки и правнуки
 В радости здесь живут.

Много путей исходили мы,
 Но лишь сюда придём,
 Ведь Керчь – это наша родина,
 Здесь наш любимый дом.

Город ветров солёных,
 Город друзей и встреч,
 Город сердец влюблённых –
 Всё это наша Керчь.

Пусть же судьбы испытания
 Керчи добавят побед.
 Желаем ей процветания,
 Счастья на сотни лет!

КОСТЁР

Я тебя вспоминаю с любовью,
 Но уже без надежды и веры.
 Я листочек, оторванный с болью,
 От лесного костра обгорелый.

А костёр никого не жалеет,
 Столько веток, – и всё ему мало!
 Он сначала обнимет, согреет,
 И дымком околдует усталым.

Слёзы высушит жарким дыханьем,
 Ночь кругом, и никто не узнает.
 А потом поцелуй на прощанье,
 И бушует огонь, всё сжигая!

В жарком пламени сердце сгорело,
 Осветило ночную аллею,
 Вспышкой огненной в небо взлетело.
 Вот и всё. Ни о чём не жалею.

Я листочек, оторванный с болью,
 От лесного костра обгорелый.
 Я тебя вспоминаю с любовью,
 Но уже без надежды и веры.

ТЕАТР

*Заслуженному работнику культуры Украины
Станиславу Ивановичу Мартюку*

Жизнь Вам волосы красит
В лёгкий шарм седины.
Вы – заслуженный Мастер
Всей культуры страны.

К Вам съезжались мадонны,
Вся Европа и Крым.
Был театр Вашим домом
Бесконечно родным.

И культуре учились
Там керчан большинство.
Мы театром гордились
И любили его.

И у нас, в Керчь влюблённых,
Память нежно хранит
Кресел бархат вишнёвый,
Вдохновенья магнит.

Что там звёзды, погоны,
Ведь для сердца нужней:
Фестивали, «Агоны»
И «Друзья для друзей».

И была Ваша сцена
Для поэтов – Парнас.
Там был каждый оценен
В самый первый свой раз.

Как же хочется верить –
Наше «завтра» придёт,
Вновь откроются двери,
И театр оживёт.

Только кто же мы завтра, –
Короли иль пажи?
Мы актёры театра
Под названием «жизнь».

*Владимир
Лоссо*

* * *

Какое солнце над планетой!
 Бьют в берега её моря,
 За горизонтом дальним где-то
 Цветные радуги парят.
 Прочь вороха пустых сомнений!
 Дай руку мне, товарищ мой:
 Свой край без усталы и лени
 Давай исследуем с тобой.
 Пусть ты и занят, и не в духе,
 И у тебя забот мешок,
 Но ты возьми с собой краюху
 И утром выйди за порог, –
 И мы пойдём с тобой по следу
 Ходивших там ещё до нас,
 Где наши прадеды и деды
 Дороги меряли не раз.
 Они любили и мечтали –
 Они для нас хотели жить
 И, как наследство, завещали
 Беречь всю землю и любить.
 Её дорогам пропылённым
 Ни края нет и ни конца.
 Она любовно благосклонна
 И к простакам, и к мудрецам.
 Под звёздным небом, за горами
 Зажжём костёр, заварим чай

И, любопытствуя, рядами
 Сосёнки, что-то лопоча,
 Придут и станут за спиною,
 А после, ниже наклонясь,
 Заспорят с ветром и прикроют
 С собой, заботливые, нас.
 И ляжем мы, раскинув руки,
 Чтоб крепче шар земной обнять,
 И будем слушать ночи звуки
 И звёзды с неба доставать.

Г О Р О Д А

Мы играли в детстве в города.
 Были – только буквы и названия,
 Но в душе осталось навсегда
 Той игры манящее звучание.
 Города вставали предо мной –
 Сказочные великаны-джинны,
 Упирались в небо головой,
 Солнцу подставляли спины.
 Засыпали на закате дня
 Кошкой пёстрою на солнцепёке,
 Увлекали города меня
 Нескончаемым людским потоком;
 Купола склоняли до земли,
 Брызгали в глаза сиренью,
 Уплывали, точно корабли,
 В сны мои – страну воображенья...
 Детские, далёкие года!
 Так непросто с вами расставаться!
 До сих пор большие города
 По ночам по-прежнему мне снятся.
 Я с тех пор немало повидал,
 Шёл по жизни прямо и не шатко.
 Кораблями были города,
 Палубой надёжною брусчатка.

К Е М Я Б Ы Л ?

В сотнях жизней, которыми жил,
 Что я делал и кем я был?
 И какой там оставил след
 В тех мирах, где меня уж нет?

Воин, раб, пономарь, звонарь,
 Первобытный охотник, царь.
 Был я множеством лиц и тел,
 В них смеялся, страдал и пел,

Ненавидя, грозя, любя...
 Сохранил ли я в них себя?
 И во мраке ушедших дней
 Не сгубил ли души своей?

Я пройду все свои круги,
 Я раздам все свои долги,
 Искуплю все грехи свои
 И в последние дни мои,

В судный миг перейду туда,
 Где не старятся никогда.

С О Х Р А Н И

Горизонт пылает светом
 Новой утренней зари.
 Не ищи во всём ответы –
 Только слушай и смотри.

Сколь бы ни была суровой, –
 Жизнь прекрасна и светла.
 Разгорается основа
 Ярко-алого крыла.

Новый день греха не знает,
 Многозначен и высок.
 Что ж так сердце замирает,
 Бьёт тревогою в висок?

Освятись огнём рассвета,
 Все сомненья разреши
 И навеки искру света
 Сохрани на дне души.

П О Р А   Б Ы

О Мудрость высшая, о тайный Свет,
 Нас осеняющий любовью!
 Как жаль, что в нас, неблагодарных, нет
 Любви сыновней.

Бредём впотьмах неведомо куда,
 В мороз, в метели,
 Забыв в своих неправедных трудах
 Благие цели.
 Пора бы к небу голову поднять, –
 Душой проснуться,
 И всю греховность дней своих понять
 И ужаснуться.

И, ужаснувшись, ощутить, как вдруг
 Душа теплеет.
 И море боли, горестей и мук
 Мелеет.

З А Ч Е М ?

Зачем на Землю я пришёл?
 Зачем? – не знаю.
 Среди тревог, сомнений, зол
 Зачем блуждаю?

Учусь ли я добру души,
 Прощенья дару?
 Иль отбываю здесь, в глуши
 За что-то кару?

Но мир сияет и поёт,
 Цветист и ярок.
 А может быть, наоборот, –
 Он мне в подарок?

И буду я о нём жалеть
 Века глухие,
 И петь о нём, и весь гореть
 От ностальгии.

А может быть, он просто сон
 Тревожный, странный.
 Когда проснусь, исчезнет он,
 Как звук обманной.

И что предъявит утро мне,
 Какие дали?
 Сиянье света в тишине
 И звук рояля?

Безбрежность множества миров,
 Вреён безбрежность?
 И бесконечную любовь,
 И чью-то нежность?

Доверь, преданность и честь,
 Душ единенье? –
 Чего так не хватало здесь
 Со дня творенья?

Иль ничего не будет там,
 Ни дня, ни света?
 Всевышний, дай что хочешь нам,
 Но лишь не это.

Хотя бы в мир земной верни.
 Пусть будет снова
 Сиянье солнца, звёзд огни,
 Звучанье слова.

НАШ ГРЕХ

Так в чём наш грех, а, значит, и беда?
 Чего нам в этом мире не хватало?
 Не силы, не упрямства. Нам всегда
 Хронически любви недоставало.

Любви к цветам, животным, ручейкам.
 К тому, что мы Природой называли.
 «Не убивайте!» – завещали нам,
 А мы на завещанье наплевали.

И убивали словом и мечом,
 А позже меч на атом заменили.
 Самих себя почти что божеством
 Мы на своей планете возомнили.

«Любите ближних, как самих себя», –
 Звучит из древности завет заветов.
 Мы ж всё и вся калечим, не любя,
 Ответною любовью не согреты.

Быть божеством, наверно, тяжело,
 Быть человеком, может быть, не легче.
 Какое бремя нелюбви легло
 На наши человеческие плечи!

Так где же тот, кто жизнь готов отдать
 За то, чтоб нелюбовь любовью стала?
 Неужто мы распнём его опять?
 Неужто нам того, что было, мало?

* * *

Полынь, полынь. Со вдовьей болью.
 Степной простор и ковыли,
 И безграничное раздолье
 Родной земли, моей земли.

Пути, пути. Пути-дороги.
 Над ними неба глубина.
 Чьи их повытоптали ноги,
 В какие дни и времена?

Не оттолкнёшь, не отречёшься,
 Ведь так чужое не болит.
 Идешь, идешь и обернёшься –
 Чей зов из прошлого звучит?

Чей это голос? Кто незримо
 Шагает рядом? Прадед, дед?
 А после так неуловимо
 Тебе он долго смотрит вслед.

МОЛИТВА

Прегрешенья мои прости.
 Духом слаб я и слеп душою, –
 Просвети меня, просвети,
 Даже если того не стою.

От соблазнов меня избавь,
 Что готовит втайне лукавый,
 И на истинный путь направь, –
 Я прошу тебя, Боже правый!

Отведи от меня беду
 И гордыни мирской и славы.
 Я в потёмках к тебе бреду, –
 Поддержи меня, Боже правый.

Милосердье своё яви,
 Укрепи мои дух и тело.
 О, Всевышний! Твоей любви
 Я вверяю себя всецело.

А ещё прошу: огради
 От гибели всех живущих,
 С избавлением к нам приди,
 О, Всевидящий и Вездесущий!

Я ПРОЙДУ СКВОЗЬ ЗАКАТ

Как печален закат. Или просто нейтрален?
 А печаль в моём сердце, в душе у меня?
 Всё возможно, и всё же чуть-чуть нереален
 Этот огненный полог уходящего дня.

И никак не уйти от вселенской печали.
 Гаснет день, а потом в небе звёзды горят...
 И куда б мы ни шли, как бы ни начинали,
 Но всегда впереди наш последний закат.

А за ним темнота, а за ним – ожиданье,
 И дорога нелёгкая к светлым мирам,
 А потом Божий рай, и такое сиянье,
 Что светло на душу, но не больно глазам.

Я пройду сквозь закат, я в ночи пробуждаю,
 Может быть, много-много неистовых лет,
 Но я выйду из тьмы и рассвет повстречаю,
 И шагну в негасимый Божественный свет.

Светлана

Конonenko

ДОМ

Ольге Н.

Пролетели неровным клином
Над прекрасно-постылым югом,
И – навстречу озёрам синим
И последним российским вьюгам.

Резануло, как острой бритвой...
От курлыканыя сердцу больно.
Вновь напрасна моя молитва:
«Заберите меня с собою!...»

В те края, где за далью-былью
Мне с рождения всё знакомо.
Припорошены снежной пылью
Все тропинки к родному дому.

Он глядел мне вослед с укором...
Разве думал, что будет брошен.
Он – закрытый на сто запоров,
Пребывает в далёком прошлом.

В три ступеньки его крылечко.
Бьётся в окна холодный ветер...
Время лечит. Конечно, лечит,
Но не каждую боль, поверьте.

Не затынется, коль – навывлет...
Не успеется. Вышли сроки.
Режут воздух тугие крылья
По-над домом моим далёким.

*Людмила
Десятова*

СТИХОТВОРЦУ

Приветствую полёт воображения,
И темы новизну, и изложения.
Но если ты – в болоте повторений,
Я не куплю твоих стихотворений!

МОЁ ОСЕННЕЕ

Иду прооктябрьной Керчью. Прохлада и солнце.
Иду по осенней картине своих ощущений.
Шагаю неспешно, как будто сквозь времени кольца,
Где в каждом кольце есть страница моих превращений.

Шуршат под ногами забытых событий остатки.
И так не похоже на лето отсутствие бега!
О, знаем мы, знаем, что осени радости кратки
И что далеко до желанного чистого снега...

Вот пара на пляже. Тихи и приятны проспекты.
Но в майке уже не пойдёшь остудившимся утром.
Акценты не те и не те интересны эффекты.
Идёшь в тишине, для себя не знакомая будто.

А каждая осень меняет нас к лучшему, в общем,
Сбивая в коктейль стужу Севера, прелести Юга.
И в целом я лучше сейчас, чем в году позапрошлом.
Но как изнуряет годов листопадная вьюга!

А что принесёт нам грядущий ноябрь хладнокровный:
 Озноб и засаду в тепле потемневшей каморки?
 Да ладно, продолжится старая жизнь, безусловно,
 Ведь всяк для себя – на посту капитан дальноторкий.

ТЕНИ НА СТЕНЕ

Их тени на стене
 Изысканней самих растений,
 Ночным светилом ярко осиянных.

И золотом на мне –
 Едва мерцающие светотени.
 Люблю тебя, Луна, любовью странной.

Мне не с кем разделить
 Томление ночей подлунных.
 Никто не хочет променять привычный

Покой. Ведь не болит
 Ничто в душе, когда бездумно
 Мы еженощно спим до неприличья.

А тени на стене
 Мне воскрешают первый трепет
 Любви стыдливой в детстве беспокойном.

И ветру, и Луне,
 За режиссуру танца веток
 В ночи воздать дано одной мне.

ИСПОЛНИТЕЛЬ

Ты – автор. Я всего лишь – исполнитель.
 Ты вечно будешь первым, я – вторым.
 Скажи, что свято станет, а что клято,
 Молвой народа будет кто судим?

Я душу отдаю, чтобы народу
 Твою идею ярко преподнести,
 Но виновато чувствую, что, вроде,
 Сальерный комплекс в подсознание есть.

Где будут моцарты, там будут и сальери.
 Всегда за первым должен быть второй.
 Что ж, я свои амбиции умерю.
 За первым я стою, как за горой.

ПРИЗМА

На подоконнике стояла призма,
 Обман дарила.
 Семья в рыданиях справляла тризну.
 Печаль царила.
 О, как несносно терять любимых,
 Любить, теряя!
 Одна надежда: особо чтимых
 Доверить раю.
 А нам-то что же? Осиротели
 Навеки все мы.
 Уж не сгодятся на той неделе
 Былые схемы...
 Коснулась призмы рука в перчатке
 Узорной чёрной.
 Слеза сравнялась с огранкой гладкой,
 Со светом горним.
 И заиграли в пространстве света
 Свирели в доме
 При столь случайном и разноцветном
 Лучей изломе.
 Простая призма, но как влияет
 На наши взгляды!
 Её обману, где луч играет,
 Мы странно рады...

ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ НОЧКИ

Восхитительные ночи,
 Полнолунные мои!
 В темноте пишу я строчки,
 Помогают соловьи.

Всё неправильно до точки –
 Как согласишься поутру.
 Бред эмоций полуночных
 Я безжалостно сотру.

Дел дневных хитросплетенье
 Поглотит меня вполне.
 А потом Луны волнение
 Вновь появится в окне...

ЧЁРНОЕ НА БЕЛОМ

Шёл снегопад. По белу-белу снегу
 Шёл чёрный-чёрный и бесстрашный кот.
 Первопроходец, шёл туда, где небо
 С землёй сливалось, напрямик, вперёд.

Шёл чёрный зверь к своей заветной цели,
 По брюхо утопая, клал следы.
 И люди на ката взахлёб глядели,
 Забыв о том, что чёрный – знак беды.

О, эта голова в короне ушек!
 О, восклицанье гордого хвоста!
 Не кот, а рыцарь, даму сердца ждущий.
 И цель его понятна и проста.

На белом – чёрное, изящное, живое.
 Такую графику охотно ловит взор.
 Про чёрных кошек, на дороге стоя,
 Не повторяйте, люди, старый вздор!

Я – КОШКА

Мне, если знать звериные года,
 В год белой кошки довелось родиться.
 Какое счастье! Если б иногда
 Во мне не просыпалась бы тигрица.

Припев:
 Мелкие пакости вы мне простите.
 Я помурлычу на тёплом окне.
 Ласково гладьте, любите, кормите!
 Но не будите тигрицу во мне!

Доверчивая, с верой в доброту,
 Наивная, бываю беззащитна.
 И прячусь я в ночную темноту,
 И ловко мщу за то, за что обидно.

Люблю махнуть хвостом перед котом
 И, ежели не вежлив, дать по морде.
 А тайные желания потом
 Я зашифрую в мартовском кроссворде.

Мой мир – язычество, природы божество.
 Я – часть его, таинственна и зрима.
 Я, кошка, – зверь, но более всего
 Хочу быть нежной и людьми любимой.

ПЕСНЯ ПРОКАЗНИЦЫ

Ручей янтарного вина,
 Когда, конечно, не одна,
 Я предвкушаю и готовлюсь закружиться.
 Но рядом муж, хлебнув воды,
 С неотвратимостью судьбы
 Перекрывает кран дурманящей криницы

И отпускает натошак
 В толпу танцующих кривляк
 Меня одну, и я срываюсь, улыбаясь.
 Как будто радостно одной
 И трезвой быть, и заводной.
 И тут на щедрый стол друзей я натыкаюсь.

Но вот опять, смакуя хруст,
 Мне урезает мой Прокруст
 Вина и вальса столь желанные фигуры.
 А сам, как опытный павлин,
 С другой ведёт беседу, блин,
 И ловит кайф от умиленья новой дуры.

Как хорошо, когда друзья,
 Как будто бы одна семья,
 И тост кричат, и дружно в пляс идут, как надо,
 И наливают мне сполна
 Бокал янтарного вина,
 И мы танцуем у полуночной эстрады.

ДЕВОЧКА И ШАРИК

Перед зеркалом верчусь
 В белом и блестящем.
 Я Снежинкой быть учусь
 Как бы настоящей.

В доме ёлочка опять –
 Праздничное диво!
 Вижу в зеркале себя
 Сказочно красивой.

Подлетаю к ёлочке,
 Где огромный шарик.
 Полюбуйся, Ёлочка,
 Правда, хороша я ?

А в блестящей шарике
Кто-то отразился...
У меня от паники
Даже рот открылся.

Нос – картошкой, губы – трубы,
Точечками – глазки.
Я уродину такую
Выгоню из сказки!

Вредный шарик вдруг упал,
Ведь висел он с краю.
Чем меня он напугал,
Пусть никто не знает...

*К о н с т а н т и н
А р т ё м и н*

* * *

В круговерти космических ритмов,
 В страданиях землян, в диком хаосе жизни
 Душе так легко заблудиться
 И, рассудок утратив,
 Икаром упасть в Океан
 Безрассудства, в котором
 Безумствуют рыбы бессмыслиц!

Не сойти бы с ума!
 Удержаться на грешной земле!
 За безумием смерть
 С несомненностью твёрдой наступит.
 Не хочу быть золой,
 Не хочу раствориться в золе!
 Бог – со мной. Он – святой.
 Он спасёт меня от перепутий.

От падений, от взлётов
 Туда, где кончается жизнь,
 От безжизненных поисков
 Ненастоящего света.
 Он сказал мне однажды:
 «Люби, созидай и молись,
 Веря в силы добра.
 Эта вера присуща поэтам».

Только громкое слово «Поэт»
 Опостыло давно.
 И поэтому, к Богу взывая,
 Ему говорю я:
 «Мой талант – это дар
 Твой, Господь. Мне считать суждено,
 Что я сам по себе есть никто
 И кричать: «Аллилуйя!»

И не нужно считать
 Мне себя выше многих людей.
 Потому что на грешной земле
 Я – слуга человеческий,
 Благодарный своей
 Непростой, интересной судьбе
 За способность слагать
 Для людей стихотворные речи!

И сейчас, в эту ночь,
 Когда в комнату светит луна –
 Та луна, о которой
 Всегда все поэты писали,
 Понимаю, что Богом
 Нам жизнь для того и дана,
 Чтобы мы вместе с Богом
 Любили, творили, прощали!

* * *

Ночная тишина невыносимо
 Сдавила грудь кирзовым сапогом
 И я стонал, сжимая пачку «Примы»
 В руке... Внезапно ветер за окном
 Взметнулся и подбросил ворох листьев
 В холодно-мраморный анфас луны,
 И призрачные блики ветхих истин
 Ворвались в спальню, в лоно тишины,
 Поток стонов обоюдоострых

Пронзённой до отчаянья насквозь,
 Подобно Иисусу... О, Христос мой!
 Ты чувствовал в руке кровавый гвоздь.
 И я сейчас почувствовал внезапно
 В себе – Голгофу, Бога на кресте
 Распятого... Мне стало непонятно:
 Зачем твоей священной крови пятна
 Увидел я в холодной темноте
 В пустынной комнате, в которой рос я,
 Не зная боли, горя, лжи и бед,
 Смотря в окно на звёзд колючих россыпь
 И на луны бескровный силуэт!

Теперь я зрел, и множество страданий
 Мне довелось узнать и испытать,
 И огранён алмаз моих познаний,
 И в сердце ощущаю Благодать.
 Её вибрации подобны песням
 Божественных существ, глядящих вниз
 Из Высших Сфер, из Логова Созвездий,
 Из капель слёз на контурах ресниц,
 Из глубины души, подобной бездне
 И обрамлённой Ореолом Тайн,
 Из справедливой стороны возмездий,
 Из взгляда рыцаря высокой чести,
 Нашедшего таинственный Грааль.
 Сейчас, подобно королю Артуру,
 Я в руки смело взял Астральный Меч.
 Я полон сил в кармических структурах
 Узлы, меня неволившие, сечь.
 Когда наступит утро, пачку «Примы»
 Открыв, я закурю, и едкий дым
 Наполнит комнату невыносимо,
 Но счастлив буду я, как Херувим.

* * *

Каюсь в своих грехах
 Необычайно искренно!
 Пусть на моих устах
 Вновь расцветает истина
 Ярким букетом роз,
 Чей аромат пленительный
 Сам Иисус Христос
 Мог бы назвать губительным,
 Ибо от красоты
 Можно лишиться разума,
 Ибо полёт мечты
 Заполонён экстазами
 И никаким табу
 Жажду плода запретного
 Не перекрыть рабу
 Космоса искрометного!

К счастью, Господний Сын
 Мог, вопреки обычаям,
 Верить, что Бог Един
 С помощью Высшей Личности.
 Имя её – Любовь,
 Чистая, невесомая...
 Я, воскресая вновь,
 Ей говорю с поклонами:

«Только с Тобой вдвоём
 На одиноком острове
 Жажду я быть гвоздём,
 Впившимся в сердце Господа!»
 Пусть оmyвает кровь
 Гвоздь моего желания.
 Славлю свою Любовь
 К Таинству Покаяния.

* * *

Алексею Вдовенко

Под звёздным куполом стоять,
 В себя вмещающая звёздный купол
 И ощущая Благодать, –
 Как это круто!

Ходить ногами по земле,
 Которая всегда прекрасна,
 Быть в холоде и быть в тепле, –
 Как это классно!

Ходить по лезвию ножа,
 Не чувствуя, что это больно,
 Когда от радости душа
 Кричит: «Прикольнo!»

Пусть за этот смех и грех
 Противен буду я святошам,
 Мой саркастический усмех
 Их огорошит.

Я мир по-дьявольски люблю,
 Как падший с небосвода ангел,
 Когда у бездны на краю
 Он курит «Данхил».

Бесплотным кулаком грозясь
 В седое небо,
 Он отрекается, смеясь,
 От ширпотреба.

Я уподобился ему
 На сто процентов.
 И посылаю потому
 Всех импотентов.

И мне чихать, и мне плевать
 На ставни, клетки и запреты.
 Я ощущаю Благодать
 И то, и это...

Я обожаю слово «секс»,
 Люблю желанную свободу,
 Ношу в кармане огурец
 Из кислорода!

И голова моя вполне
 На бомбу страшную похожа,
 Короче, не башка и не
 Лицо, а рожа.

Всем, кто не смог меня понять,
 Читая эту суперкнигу,
 Я, как смеющаяся «лядь»,
 Толкаю фигу.

И в исступлении пою,
 Играясь параллельно матом,
 У страшной бездны на краю
 Гимн деградатам и пиратам!

* * *

*Спустившись с Космоса на Землю,
 Я голосу отчизны внемлю...*

Керчь – это город-герой,
 Город, стоявший горой
 За долгожданный момент
 Обретенья Свободы!
 Сильная, гордая Керчь!
 Ты, как воинственный смерч,
 Против фашизма была
 В наши славные годы!

Благословляю тебя,
 Страстно, до боли любя
 Сущность твою,
 Неподвластную чуждым стихиям.
 Я восхищаюсь тобой,
 Истинный город-герой,
 И о тебе, город мой,
 Сочиняю стихи я.

Ритм этих слов, этих строк
 Нынче диктует мне рок.
 Нет, я совсем не пророк.
 Просто городом этим
 Я постоянно горжусь.
 Но необъятная грусть
 В сердце моём
 От кровавых побоищ столетий.

Светлой надеждой живу
 В снах и, всегда, наяву,
 Что все кошмары войны
 Повториться не смогут.
 Пусть будет мир на земле.
 Мир – это светоч во мгле –
 Это надежда, опора,
 Удача, подмога.

Пусть пребывает успех
 В душах и разумах всех
 Смелых людей,
 Защищавших любимый мой город.
 И ветераны войны –
 Яркие звёзды страны,
 Дарят нам свет
 Сквозь угар мирового простора.

И молодёжь, вопреки
 Бурным течениям Реки
 Жизни, не знающей
 Правил ведения боя,
 Вырастит в чистых сердцах
 Силу, поправшую страх
 И многоглавого Змея
 Тоски и застоя.

Мы поклониться должны
 Вам, ветераны войны,
 Самые смелые,
 Самые мудрые люди.
 И пожелать вам побед
 На протяжении лет
 Долгой, счастливой Судьбы,
 Состоящей из судеб.

Керчь – это город-герой,
 Город, стоявший горой
 За долгожданный момент
 Обретенья Свободы!
 Сильная, гордая Керчь!
 Ты, как воинственный смерч,
 Против фашизма была
 В наши славные годы!

*Аюдмила
Юрамкова*

МОЯ ДУША

Это не ты –
     весенняя ветка,
         едва дыша под ветром,
             расцвела с зарёю расветной,
         Это – моя душа...

Это не ты –
     бабочка – трепет пламени
         ищешь цветок желанный самый,
             что расцвёл на камне,
         Это – моя душа...

Это не ты –
     птица белокрылая,
         летишь к радуге семикрылой
             смело расправив крылья,
         Это – моя душа...

Это не ты –
     пчела томная,
         несёшь мёд золотой к дому
             путями Бога ведомая,
         Это – моя душа...

Это не ты –
     закат розовый,
         течёшь виноградом и лозами
             из ковша небесного звёздного,
         Это – моя душа...

Это не ты –
сон вещей игрою
за ресницами сонными кроешься
из узоров радуги скроенный,
Это – моя душа...

Это не ты –
девочка спящая чутко,
улыбаешься новому утру,
глазами тёплого перламутра
Это – моя душа...

Это не ты –
девушка юная,
бредёшь песчанными дюнами,
мечтая о ливнях и струнах,
Это – моя душа...

Это не ты –
женщина победившая лихолетья,
ждушая столетьями,
чтобы однажды встретить
ЕГО...
Это – моя душа...

ЛЮДИ, КАК РЕКИ...

Люди так же тоскуют и ждут,
как замерзшие реки,
Так же зябнут,
как зимние ветви деревьев, снегу...
Им не хочется верить,
что их разлучили навеки –
Кто-то плачет на этом,
а кто-то на том берегу...
Застывает река...
Тишина...
Ни единого звука...
Солнце в дымке вечерней
скользит по замёрзшей воде...

И рябина, как женщина,
 тянет озябшие руки,
 Чтоб оттаять,
 согреться
 и снова любовью зардеть...

ЗОЛОТАЯ ПОРА

Вот и осень опять – так неожиданно и тихо пришла,
 Время веры, любви и надежды – пора золотая...
 Благодатной, смиренной молитвой на сердце легла,
 Греет душу теплом золотого осеннего рая...

Синь небес по утрам до хрустального звона светла –
 Золотая листва, золотистый ажур паутины...
 Время бабьего лета... Немного осталось тепла –
 Золотые деньки несказанного тихого сплина...

Жгут листву по садам – от неё остаётся зола,
 Молодое вино зреет медленно в тёмных подвалах.
 До грядущей весны засыпает на зиму пчела,
 Золотая пчела, что за лето безбожно устала...

БЛЮЗ ОПАДАЮЩИХ ЛИСТЬЕВ

Тихий дождливый вечер,
 Сумерек свет голубой –
 С осенью поздней встреча,
 Словно свиданье с собой...

Под блюз опадающих листьев,
 Танцующих не спеша, –
 Стихли тревожные мысли
 И в мире с собою душа...

И ей одинаково дорог:
 Улитки неспешный след,
 Ветра загадочный шорох,
 Звезды первозданный свет...

Промокших деревьев тени,
 Похожие на людей, –
 Танцующие в смятенье
 Танго луны на воде...

Полураздетые клены,
 И их безмятежные сны, –
 Под тихий, непринужденный
 Ноктюрн фонарей ночных...

Закатного перламутра
 Лазурный живой сатин...
 С годами приходит мудрость,
 С собою – один на один...

Правда осенних истин –
 Ничтожность утрат и бед...
 Блюз опадающих листьев –
 Души согревающий свет...

О С А...

Блаженны мысли – тёплые от сна, –
 Беспечно растекаются разлитой ртутью...
 О том, что радость на пороге и весна,
 О том, что счастлива и влюблена,
 Что рядом ангел мой...

И... о тебе одна –
 Ужалившей осой – под левой грудью...

Б Е Р Е Г И Н Я...

Бабушке

Ты была мне бабушкой и мамой, –
 Больше, чем подруга и сестра,
 Жизнь твоя была достойна драмы,
 Но душа – от божьего перста.

По следам твоим всегда ходили,
 Неотступно – злые языки, –
 И сплетались небыли и были
 С лёгкой, не по совести, руки.

От души шарахались, от дома, –
 И всегда судили – сгоряча,
 Резали нещадно – по живому,
 И рубили – с самого плеча.

На людей не искоса глядела,
 А раскрыв криницы серых глаз, –
 От души и плакала и пела,
 Ну, а от несчастий Бог не спас...

Ты была божественно красивой, –
 Чёрная жемчужина – в глуши,
 Словно подаяния просили
 Крохи твоей редкостной души.

Милостыни ты не подавала, –
 Слишком щедрой, доброю была,
 Ты любого сердцем зажигала,
 Россыпи души не берегла...

И своею царственной походкой
 Ты себя с достоинством несла –
 Самородок – редкая находка,
 Недоступною для всех слыла...

По уму, по мудрости, по силе, –
 Каждый, хоть немного уступал, –
 Но руки твоей – не попросили,
 Ни один – своею не назвал...

Ну а тот, кто для тебя был создан,
 Тот, кто был душе и сердцу мил,

Твою душу – медяками роздал, –
 Но кольца на жизнь не подарил.

Не женой назвал тебя – богиней
 И до дня последнего любил,
 Звал единственной – берегиней,
 Но венца с тобой не разделил...

*****

Чистым сердцем ты всегда любила,
 Не меняла душу на гроши, –
 Тленного добра не накопила –
 Лишь нетленные сокровища души...

ПЕРЕВОДЫ С ИСПАНСКОГО

Густав Беккер

А Р Ф А

В углу заброшенной гостиной
 В пыли – забытая, немая –
     С душою чистою, невинной
     Стояла арфа золотая...
 Но сколько звуков – тихих, нежных,
 Хранила в тайне молчаливо
     И страсти пламенной, безбрежной,
     Желаний в сердце терпеливом...
 Она жила одной надеждой –
 Он вспомнит, он её узнает...
     Божественной рукой, как прежде,
     Коснётся струн и заиграет...
 Порою, так на дне души
 Годами дремлет дивный гений
     И ждёт волшебного мгновенья,
     Призыва свыше: «Поспеш!»

Гарсия Лорка

Я ТВОЁ ПОВТОРЯЮ ИМЯ...

Я твоё повторяю имя,
 когда ночь приходит на землю,
 когда звёздный вечерний ливень
 за водою торопится лунной,
 когда листья сонные дремлют,
 грусть роняя на белые тропы.
 Я кажусь себе в эти минуты
 пустотой звенящей и болью,
 обезумевшими часами,
 что не могут не помнить о прошлом.
 Я твоё повторяю имя
 этой тихой ночной порою,
 и звучит оно – звёздным эхом –
 бесконечным и очень далёким.
 Твоё имя так не звучало,
 никогда не звучало прежде.
 Твоё имя – дальше, чем звёзды
 и грустнее, чем дождь осенний.
 Полюблю ли тебя опять я –
 как когда-то давно умел я?
 Что же станет с моей любовью,
 когда белый туман растает?
 Тихой будет она или светлой?
 Я не знаю. Нет, я не знаю.
 Если б мог по луне гадать я,
 как монетку её бросая...

Э Л Е Г И Я

(отрывок)

Печаль на губах чистоты не испитой
 Несёшь в золотой Дионисовой чаше.
 Смиренной весталкой, мадонною Литой,
 Бредёшь одиноко – вздыхая всё чаще...

В точёных ладонях несёшь осторожно
 Снов безнадёжных клубочек убогий...
 Владенья мечтаний – и ветхи и ложны,
 По детскому зову – и горечь и голод...

А во владеньях мечты запредельной
 Трепет любви, соловьиные трели,
 Шелест колосьев, напев колыбельный,
 Запах уюта и скрип колыбели...

Тоскою бесплодной горишь материнской,
 Ты – бездна печали – скорбящая дева...
 Венера, покрытая шалью манильской,
 С сердцем остывшим, с душою раздетой...

Печальны глаза, словно мутные стёкла,
 Тоской неизбежною день свой встречаешь,
 И колокол в сердце звонит одинокий –
 Далёкий-далёкий, печальный-печальный...

Пабло Неруда

ПЕСНЯ ОТЧАЯНЬЯ

Твоё лицо вспоминаю – островом необитаемым,
 Среди ночи, крошечной ночи, которой не видно дна.
 Рекой закипевшей боли – она не горит, не тает...
 О, сердце – ты жалкая свалка. И свалка до боли бедна.

Каким было радостным время – осады и поцелуев,
 Страсти, в пучине гибнущей, где ты – маяком в окне.
 Как я тогда не увидел, ярость свою хмельную?
 Я – водолаз ослепший. И вот мой корабль на дне...

Душа твоя умещала – паденья мои и взлёты,
 Крылатые песни хранила там – и всё для души моей,
 Была моим морем и якорем; как я не понял – кто ты?
 Корабль и тихая гавань – отрада ненастных дней...

Я голодом был и жаждою – а ты, как родник, манила,
 Я битвою был и гибелью – а ты спасеньем была,
 Слезами ночей бессонных, где б ни был, меня хранила,
 Последней моей надеждой по водам моим плыла...

Безбрежная, тихая нежность – одна, ты одна умела,
 Меня держать ты умела – в землях своей души.
 Прощаясь, мне песни пела, встречая, мне песни пела,
 Крестом своих рук держала мою безрассудную жизнь...

Оплотом была и плотом, надёжной моею пристанью.
 Теперь тебя воспеваю, зову из пустой темноты.
 Ты чашей была святою – нежности кубок неистовый,
 Жестокой рукою разбитая... Чаша разбитая ты...

Застыл погост поцелуев. Но что же не гаснет пламя?
 Пламя ночей неистовых, что душу на части рвут.
 Наши сердца – могилы. Погост теперь между нами.
 На наших могилах птицы – чужие птицы живут...

Я – парус, сорванный ветром; боец без стрел и без сабли,
 Корабль мой ко дну уходит – я тонущий в море матрос,
 Душа моя – жалкая свалка, вся боль иссякла до капли,
 Все волны меня накрыли... Колодец горячих слёз...

Покинут, как старая пристань в холодную, зимнюю пору,
 В душе твоя тень, на ладони – качается, чуть дыша –
 Прочь от всего на свете – мне в путь собираться скоро,
 Пора... Собирайся в дорогу – покинутая душа...

Елена

Собко

ДЕНЬ ГОРОДА 2012 ГОД

Чудный, керченский вечер,
 Мне улыбки навстречу,
 Я в ответ улыбаюсь, на душе хорошо.
 Луч последний погладил.
 Почему, чего ради?
 Видно, я ему нравлюсь, раз меня он нашёл.
 Корабли на отстое
 очень рады покою,
 И закатное солнце сушит их леера.
 Мягкой, ладной походкой
 я плыву, словно лодка,
 Мне отстойник не нужен, мне – в дорогу пора!

* * *

Мои причалы, волны, ветры,
 Здесь всё мое, здесь всё родное,
 Ты, юность, затерялась где-то,
 Но море навсегда со мною.
 Быть может, что-то уже поздно,
 И быть давно пора серьёзной,
 Прошёл уже мой нежный возраст,
 Растаял в дымке золотой.
 Но так же чайка режет воздух,
 Крича о том, как любит лето,
 И я бегу к своим рассветам,
 Где дышит море, где прибой.

КЕРЧЬ

Город мой, объятый синевою,
 Неба столько, что захватывает дух.
 Зацелованный волной морскою,
 Я – одно единое с тобою,
 Я горжусь твоей красивой сединою,
 Я люблю твой тополиный пух.

Город мой – восточная граница,
 Сквозь столетья твой проходит путь,
 Ты души моей счастливая частица,
 Ты похож на розовую птицу,
 Вольную и трепетную птицу,
 Севшую у моря отдохнуть.

Город мой, хранимый Митридатом,
 Ты мне даришь радость бытия,
 Был ты и царём, и был солдатом,
 Бедным был и сказочно богатым,
 Но остался гордым, как когда-то.
 Ты – земля обетованная моя.

Город мой, парящий над проливом,
 Крылья распахнувший вдоль морей.
 Господи, какой же ты красивый,
 Ты – земное, маленькое диво,
 С каждым днём люблю тебя сильнее!

* * *

Слева церковь, дымка гор,
 Вдаль зовёт морской простор,
 А над всей этой красой
 Синева бездонная.
 Улечу я ввысь опять,
 В облаках себя купать,

И меня не удержать
Рамою оконною.

* * *

Перистые,
Перемены несущие
Облака
Расплескались в небе.
Вы, похоже, издалека,
Я там еще не был.
Я за вами, в далекую даль,
Я уже готов.
Беспечально, мне вовсе не жаль
Сожжённых мостов.
Безотрадный уют,
Где ни ветра морского, ни неба,
Пока!
Безоглядно за вами, летящие облака!

* * *

О природе писать не умею,
Слов красивых таких не знаю.
Я об этом очень жалею,
Подучить их себе обещаю.
Паутинка, закаты, туманы.
Воздух пряный и лист багряный –
В том стихе я встречаю и в этом.
Всё уже разобрали поэты.
Что же делать мне, бедолаге?
Наберусь я, все же, отваги,
И сплету паутинку с туманом,
И обвею их воздухом пряным,
Лист багряным закатом раскрашу.
И сама буду есть эту кашу.

* * *

Устали губы от грустной песни.
 И здесь мне душно, и там мне тесно.
 Была послушной – неинтересно.
 Строптивой стала – лишили места.

* * *

Медитация – слово длинное,
 Дело трудное, непонятное,
 Не впервой я пытаюсь расслабиться,
 Неуютно мне, неприятно мне.
 Рядом люди сопят, стараются,
 На глазах у меня просветляются.
 Я завидую, я копирую,
 Ну, а мой мочевоy разрывается.
 В ухе чешется, ноги маются,
 От проблем голова квадратная,
 И спина, как назло, отнимается:
 Мне вредна медитация платная.

* * *

В руке трещит,
 В ноге хрустит,
 И в ухе нудный звон.
 Я распрямлю себя сейчас,
 Сдаваться – это не про нас,
 И выйду. На балкон.
 Я на балконе. Я дошла.
 День прожит не напрасно.
 Мне стенка очень помогла,
 Не всю себя я донесла,
 Но на балконе классно!

* * *

Просил у Бога столько лет,
 И я к тебе пришла.
 Наверно, излучал ты свет,
 Коль я тебя нашла.
 А что теперь? Ты сам не знаешь.
 Лишь приобрел, уже теряешь,
 Уже меня ты отпускаешь...
 Тогда скажи, зачем позвал?
 Ты весь скукожился, смутился,
 Ты как-то, вдруг, засуетился,
 Ты перегрелся и разбился.
 Не для тебя такой накал...

* * *

Ухожу от тебя по песку,
 И следы мои море смывает.
 Ну и что, и такое бывает...
 Лишь для рифмы пишу про тоску.
 Про тоску, что разъела краски,
 Пылью серой присыпала сердце.
 Очень холодно. Не согреться.
 И для рифмы здесь слово «маска».
 Зачесалось, видно, под маской,
 Снял её, перепутал роли:
 Стала фарсом любимая сказка.
 И смывает следы мои море.

* * *

Два силуэта на закате:
 Она в прозрачном легком платье,
 Он рядом. Выше и сильней,
 Как добрый, верный страж при ней.
 Мужчина с Женщиной вдвоем,
 Он для нее, она вся в нем,

Как вечный символ бытия.
 Но он не ты, она не я.

* * *

Турка, кофе, сигарета, снова утро раннее.
 Чуть жива, полураздета, грустное создание.
 Что начать? Или закончить?
 Чем сегодня дышим?
 За окном щебечет птаха. Хорошо ей, слышу.
 Трётся кошка, просит каши,
 Ела бы и ела.
 Ты мне, милая котейка,
 Малость надоела.
 Что со мною? Что с душою?
 Почему так ноет?
 Кошка, верная подружка,
 Лапкой ушко моет.
 Что-то снилось... Что ж мне снилось?
 Почему разбередило?
 Сон за хвост хватаю.
 Кажется, была счастливой...
 Точно, я была счастливой!
 Сон тревожащий, красивый
 Дымкой уплывает.
 Вспомнила свой сон хороший!
 Жаль, что не доспала.
 В нём тепло, уютно было,
 В нём я так тебя любила!
 В нём обиды все забыла,
 И во сне летала!
 Звук метлы, ворчанье чье-то...
 И кому не спится?
 Всё поведаю бумаге
 И, пожалуй, снова лягу,
 Позову свой сон хороший, –
 Пусть он мне доснится.

* * *

В высоком полёте сломала я крылья,
 Упала на землю, засыпана пеплом.
 Рассталась с далеким и ласковым небом,
 И с милым попугачиком – западным ветром.
 И рвусь я вернуться, но сломаны крылья:
 Покрытые пылью, повисли, печальные.
 Поднять их пытаюсь и, с криком отчаянья,
 Роняю их снова на землю кандальную.

* * *

Пустота, где было заполнено.
 Тишина, где сверкали молнии.
 Дождь осенний, где солнце сияло:
 Были – Мы, а теперь не стало.
 С каждым днем от тебя всё дальше.
 Кто-то рядом ненужный вовсе.
 Я стремглав убежала от фальши.
 Что с того? Снова в новой фальши.
 Где ты, чистый-пречистый мой остров?

* * *

В чашке кофе вижу небо,
 Вижу ветку, птицу вижу.
 Птица каркает на ветке.
 По всему видать – ворона.
 Вижу угол я балкона,
 Часть хвоста пушистой кошки,
 И балконную решетку,
 Словно сито великана.
 Всё красиво, без обмана,
 Всё здесь есть, хоть понемножку.
 Вдруг пропал из чашки кофе
 Хвост моей любимой кошки.
 Ну и ладно! Стало видно
 Больше неба, цвета кофе.

* * *

Я мчу сквозь тёмную воду,
Взлетаю в звездную млечность,
И чёрные мои крылья
Распахнуты в небесах.
Вот так бы царствовать ночью,
Вот так бы любить беспечно,
Вот так бы ворваться в вечность
Со звёздами в волосах!

Елена

Шербина

ОСЕННИЙ КЕРЧЕНСКИЙ ЭТЮД

Чтоб осени развеять грусть,
 Пойду, по Ленинской пройдусь.
 У площади закончились витрины,
 Здесь выставлены местные картины.
 Я замираю у одной.
 Сюжет её мне как родной.
 И я, поддавшись чудесам,
 Сознанием не здесь, а – там
*«Затихло всё, не слышно птичьей трель
 Вдали, уснувший Коктебель
 И дышат камни под водой,
 А на душе такой покой...
 Сквозь дымку солнца не видать,
 Но греет сердце благодать.
 Как чувства передать не знаю
 Мой милый Крым, земля святая
 Близки мне; море, горы, лес...»*
 И, мой заметив интерес,
 Художник задаёт вопрос;
 «Что интересно? Коктебель? Форос?
 Вот этот холст писал я у воды.
 Здесь мыслей, чувств застывшие следы.
 И моря гладь прозрачна и свежа.
 Размыта моря-неба чёткая межа.

Картина вроде бы проста,
 А вы поймали чувства у холста».

Ми видели друг друга в первый раз
 И обменялись только парой фраз.
 Но знаю точно: чистотой идей
 Художник местный, Гриб Сергей,
 Несёт в мир красоту родного края.
 Какая у него душа большая!
 Взгляд отвожу, вдали картины
 Мне не известного мужчины.
 Но и они мне так близки.
 Живые, яркие мазки:
*«Один, второй, ещё мазок
 Укрomный Керчи уголок.
 Как будто в танце многоликом
 На крышах солнечные блики.
 Своей энергией живой
 С холста плывёт июльский зной.
 Холста коснусь своей рукой.
 Сюжет как будто бы живой,
 И я, в осенний серый день,
 Хочу найти от солнца тень.
 Как точно, преломляя свет,
 Художник передал сюжет...»*

И я по-новому смотрю
 На этот мир. Боготворю
 Я в людях творчество, идею,
 И пусть судить других не смею,
 Но жизнь скучна без вдохновенья.
 Без красок, чувств, любви, творенья
 И, чувствуя в себе большую смелость,
 Взять в руки кисти захотелось,
 Чтоб чувств моих, хотя бы малость,
 В изображении осталось.

И нужен для меня лишь ты.
Лишь ты, единственный.

* * *

Превозмогая сердца дрожь,
Я растворюсь, проникнув в дождь...
И капелькой стеку тебе в ладонь.
А хочешь?! – Буду я – огонь!
И буду греть тебя в пути,
Чтоб ты по жизни мог идти.
А хочешь? – Стану я вселенной!
Ты только будь со мною,
Непрерменно.

* * *

А на улице дождь...
Он по крыше стучит целый вечер.
Знаешь, милая, ложь
Наши души с тобою калечит.
Ты твердишь о любви,
Но любви я не ощущаю.
И зови, не зови, –
Я чужой, да и ты мне чужая.
Ложь, одна только ложь...
Окружает она нас повсюду.
Чувств цена – только грош...
Тебе больше я верить не буду.

* * *

Каким бы тусклым был без женщин мир.
Откуда бы узнали все мужчины,
Что путь к созвездиям струится от лучины.
И женщина – один для них кумир.

Без женщин мир казался б чёрно-белым.
 Нет мотивации, – кому нужны свершенья.
 И творческий подъем и озаренья.
 Огонь любви иницируют Амура стрелы.

Без женщин нет начала и конца.
 Весь мир бы прекратил своё движение.
 Ведь женщины, поверьте, от рождения
 Имеют миссию создателя-Творца!

* * *

Я знаю, есть у каждого мечта.
 Она, своя, конечно, сокровенная.
 Чтоб к ней идти, как с чистого листа,
 Даёт нам импульс матушка-Вселенная.

И, восприняв его струной души,
 Как камертон, настроившись на чудо,
 Ради мечты преграды все крушить
 Готовы сильные, выносливые люди.

Что тела боль, когда душа крепка.
 И веришь искренне Всевышнему в спасенье.
 Любая ноша станет вдруг легка
 И для тебя твоё наступит воскресенье

ЛИФТ ЖЕЛАНИЙ

У меня есть лифт желаний.
 От свиданий до свиданий,
 Загадав свою мечту,
 Я лечу на высоту.

У меня желаний много.
 Знаю к ним свою дорогу.
 Маневрирую умело
 И стремлюсь к мечте я смело.

Чтобы не попасть в тупик,
Просто слышу сердца крик.
Лифт скользит по этажам.
В них всё то, что надо нам.

Не иду на этажи,
Где сплошные миражи.
В мир иллюзий не хочу.
Мимо них я пролечу.

Этажи любви и счастья,
Словно солнышко, лучатся.
Задержусь на них подольше.
Наберусь энергий больше.

И помчит меня вперёд
Лифт желаний и свобод, —
Где заветная мечта,
Где добро и красота.

Проскочу этаж невзгод.
Глупой суеты, забот.
Разболелась голова!
Да, я, видно, не права.

Я в заботах задержусь
И о близких помолюсь.
Пусть забота о родных
Будет долгой, а не миг.

Без заботы жизнь пресна
Не оправдана она.
Я отдам любви частицу
Мужу, детям и сестрице.

Дальше лифт меня везёт.
Предо мной площадка, вот

Уголок живой природы.
Здесь хорошая погода.

В суете обычных дней
Забываем мы о ней.
Только стены и бетон.
Их вокруг немало тонн.

Некогда глядеться нам
В небо – днём, по вечерам.
Задержусь я на площадке –
И душа моя в порядке.

Здесь подольше задержалась
Я окрепла, напиталась.
Лифт желаний!!! Сказка ль это?
Но твержу я, как заветы:

«Без мечты жить – смысла нет,
Излучая солнца свет,
Покоряем расстоянья
Мы большого мирозданья».

Лифт у каждого есть свой.
Ни к чему душе покой,
Лишь движенье и движенье
До почти изнеможенья.

Но на нужном этаже
Ждёт зарядка нас уже.
Зарядившись силой новой,
Мы пойдём по жизни снова.

Так лети мой лифт к мечте.
К той заветной высоте
Чтоб, когда я оглянулась
В жизнь свою, – не ужаснулась.

Праздной жизни не терплю.
 И Всевышнего молю
 Дать возможность развиваться,
 Сильной быть и не сдаваться,

Жить наполненно и смело,
 С сильными душой и телом.
 По судьбе моей шальной
 Лифт желаний – спутник мой!

ТОСКА ПО ДОМУ

По жизни я шальной лечу.
 Жизнь авантюрно-наглая.
 За шаг до пропасти, кричу:
 «Спасите душу, ангелы,
 И не губите вы мою,
 Да буйную головушку.
 Не сиротите вы семью,
 Да жёнушку – на вдовушку».
 Настанет день ещё один,
 Что он сулит, – не ведаю.
 А там, вдали, взрослеет сын
 С бабулями да дедами.
 Когда вернусь «из далека»
 К порогу я родимому, –
 Ещё не знаю, а пока
 Живу мечтой единою...

Елена

Пан

РЕЛАКС

*«Легла на ковер, потянулась, закрыла глаза.
... и так надоело во всем и всегда быть первой...»
(Саша Бес)*

Чтоб лидерством неукротимым себя не терзать,
Я лягу на плед, что в цветах голубых неприметных,
И мысленно стану мгновения счастья низать
На нитку событий прекраснейших и перманентных.
Релакс получать от влюбленности в небо, в тебя,
И даже в то кофе вчерашний в отставленной чашке...
Какое блаженство почувствовать слабой себя,
Чем быть тетивой в состоянии жуткой натяжки.
Хочу, просто, чувствовать рядом мужское плечо
Надежное, сильное – это безумно прекрасно!
Я сбила уже бусин счастья задуманный счёт...
(звонок) Милый ты?!.. Я скучала!.. (целуемся) Здравствуй!..

НЕ ПУСКАЙТЕ ПОЭТА В ПАРИЖ

*«Не пускайте поэта в Париж!
Пошумит, почудит – не поедет...»
(Вероника Долина)*

Не пускайте поэта в Париж!
Пошумит, почудит – не поедет...
Он для внешнего имиджа лишь

О французской столице побредит,
 А потом, средь отеческих стен,
 Окунется в лиризм нирваны.
 И получит суетам взамен
 Вдохновение в рифмах желанных.
 Не пускайте! Он там пропадёт –
 В эмигрантской палитре чужбины,
 Где известен итог наперёд,
 Где не станет своим он – любимым!
 Пусть Париж поживёт без него,
 Мы ж, блаженствуя гения словом,
 Будем верить в судьбы торжество
 И читать его снова и снова...

ПИЛИГРИМЫ

Люблю, не скрою, в час закатный
 Смотреть на Керченский пролив,
 На корабли, что в порт обратно
 Идут с невидимой дали.

Как океанов пилигримы,
 С соленым ветром и волной,
 От Магелланова пролива
 Они фарватер держат свой.

Меридианы, параллели
 Пройдя, и на исходе миль
 Им маяком мигнёт со «скели»
 Высокий Митридатский шпиль*.

---

*Митридатский шпиль – Обелиск Славы, расположенный на вершине горы Митридат в городе-герое Керчь.

СКАЗКА О ХРАБРОЙ ЛЯГУШКЕ.

«Сказка ложь, да в ней намек!» А.С.Пушкин

Какая летом благодать!..
 Молочным испареньем дышит
 На мелководных плёсах гладь.
 Тишь предвечерняя... Чуть выше
 Уж вскорости сойдёт заря
 В малиновую даль... Как в неге,
 От мошкары и комарья
 Камыш неслышно клонит стебель.
 Здесь, под кувшинкою, в норе,
 Среди болота, в тёплой жиже
 Жила Лягушка при дворе,
 К царице – к Жабе старой ближе.
 Не-е-е-т! Она вовсе не была
 Служанкою у той царицы,
 Которая на всех могла
 С величием помпезным злиться.

В один из дней стряслась беда...

«Я нехорошее продвигу!
 Вы – в радостях!.. Я ж – никогда!.. –
 Кричала Жаба гневно. – Ви-и-и-жу!..»
 (Без всяческих на то причин
 Всех заподозрила в коварстве).
 «Так пусть же опалят лучи
 И уничтожат вас!.. В убранстве,
 Зелёно-мокром, вы скучны!..
 В союзе дружном, откровенно,
 Вы мне противны и смешны!..»
 За речи таковые, верно,
 С того момента обрела
 Царица славу столь дурную,
 Что весть об этом, как стрела,
 Настигла каждого...

Впустую
 Вести (в годах) забытый счёт
 Когда подметили: что если
 Лягушек дружный хор поёт,
 То быть дождю с грозой вместе...
 Под вечер, взгромоздясь на трон
 (На мхом поросшую корягу),
 Жабища, свой повысив тон,
 Промолвила: «Как только лягут
 За лесом зори – онеметь
 Должны все жители трясины,
 А кто противник – ему впредь
 Не видеть неба больше... Или, –
 Вещала, – смилююсь тогда,
 Когда мне кто-нибудь с рассветом
 Подарит с дальнего пруда
 Цветок – пурпурно-алый цветом.
 Лучами утренней зари
 Пылает он на водной глади,
 И от меня далёк – незрим.
 Цветочка солнечного ради,
 Быть может, разрешу пропеть
 На честь мою хвалебну оду!
 Коль буду чудом я владеть,
 То уступлю – себе в угоду».

Лягушка не сдержалась, вдруг
 К коряге подскочила ближе
 И, под отважный сердца стук,
 Проквакала из теплой жижи:
 «Ква-к так? Ведь если онеметь
 И хором вместе на закате
 Вечерних серенад не петь,
 То без дождя воды не хватит!
 Помилуй же, царица, нас!
 Ведь тот цветок – блик, отраженье
 Большого Солнца, что подчас
 Волнует лишь воображенье.
 Пурпурно-алую зарю

Не в силах мы принести в подарок,
 А потому за всех молю:
 Не будь сурова так!» Но даром...
 Жабища, раздувая зоб,
 Вся поднатужилась проворно
 И плюнула Лягушке в лоб,
 Чтобы ей та была покорна.
 А после скрылась в глубине
 Болотной жижи, средь осоки.

Уже сгорел закат во тьме,
 Но не под кваканье – под вздохи.
 И тут словами храбреца
 Лягушка смелая сказала:
 «Я к Солнцу в образе гонца
 Пойду! – И быстро с места встала. –
 А если всё же повезёт
 Мне не сгореть в лучах восхода,
 Об этом весть вам принесёт
 Дождь летний у речного брода».
 На тонкий прутик камыша
 Подвесив бедные пожитки,
 Пошла сквозь ночь, к утру спеша,
 По-лягушачьи, шагом прытким...

Луны то гаснул, то мерцал
 Фонарь в лохмотьях чёрной тучи,
 И где-то филин восклицал
 О том, что Леший страхом мучит.
 Но шла Лягушка, тьму круша,
 Сквозь тернии дубрав к востоку,
 Где день рождением дышал.
 Спешила – и поспела к сроку.

Пред нею рдеюще пылал
 Цветок – пурпурно-алым цветом.
 И солнечный, вблизи, овал
 Увидела Лягушка эта.
 Немного оробев на миг,

Воспряла с новой силой духа,
 И Солнцу просьбу напрямик
 Проквакала на оба уха:
 «О, здравствуй, ясный неба Свет!
 С чего начать – не знаю точно.
 Я здесь, чтоб получить ответ
 На мой вопрос. Там, за лесочком,
 Лягушкам Жаба не даёт
 Без спроса на болоте квакать,
 Поэтому и дождь не льёт,
 А нам сродни – вода и слякоть.
 За пенье требует взамен
 Принести цветок пурпурно-алый,
 Что по утрам из водных пен
 Цветёт на глади Солнцем малым.
 Но не под силу нам сей дар
 Принести ей. Солнце-Свет, послушай,
 Останови весь тот кошмар,
 Чтобы не стали плёсы сушей.
 Спаси цветущие поля,
 Где рой, в трудах пчелиный кружит,
 И с новым наступленьем дня
 От Жабьих пут избавь нас. Ну же,
 Скажи, иль может сотни лет
 Терпеть нам кару столь крутую?»
 Лягушке Солнышко в ответ:
 «За зло и дерзость такую
 Я Жабу накажу сполна!
 Отныне и на долги лета
 Быть сухопутною должна!
 Ей алым не владеть рассветом!
 Тебе же, обещаю, впредь
 По вечерам, в минуту ту же,
 Когда лягушки станут петь,
 Я дождь пришлю – наполнить лужи!»

*Зарема
Дадой*

* * *

Крылатый ангел над землёй,
 Незримый ангел!
 Зажги над нашею страной
 Ты светлый факел.
 Спаси бесправный наш народ
 От горькой доли.
 Мы виноваты без вины
 До слёз, до боли.
 И водят нас по краю лжи,
 По краю лужи.
 Продать правители непрочь
 И наши души.
 О, дай побольше им ума,
 А нам дай силы.
 Не дотянулась бы рука,
 Схватить нам вилы!
 Услышьте собственный народ, –
 Не будет крови.
 О, как бездарны и слепы
 Вы в этой роли!
 Ведь только мудрость нас спасёт
 В лихое время.
 Не нужно в землю зарывать
 Плохое семя.
 Незримый ангел, где же ты?!

* * *

Как разгадать мне эту осень? –
 Она загадками полна.
 Я с ней стою у стройных сосен,
 У несгоревшего костра,
 И мы грустим... Под этим небом
 Осталось мало ей гостить, –
 Нас одарить любовью, светом
 И наши все грехи простить...

* * *

Я вслед за осенью иду,
 Под шум дождя и звуки ветра,
 По разноцветному ковру
 Она уходит незаметно.
 Как расставаться с нею жаль!
 Я зря догнать её старалась.
 Её прозрачная вуаль
 В траве заплаканной осталась...

* * *

В одинокой ночи
         нет ни сна, ни покоя.
 Только слёзы мои,
         только небо немое.
 Долгий плен пустоты
         в миллиардах мгновений...
 Я прошу у судьбы
         одного лишь: спасенья!

* * *

... Жизнь погрузилась в нищету,
 Ведёт нас вниз и в пустоту.
 Она подобие кольца,
 Где нет начала и конца...

* * *

О, Родина! Скучаю по тебе!
 Твоя краса – бальзам желанный.
 Рисую кистью на холсте
 Мой край далёкий, небом данный.

НОЧНАЯ ГРОЗА

С высоты из темноты
 Вспыхнул свет стальной стрелы.
 Ветер вздрогнул, закричал,
 Силы тёмные позвал.
 Навстречу ветру, с глубины,
 Явились джинны из воды,
 Поставив сразу на весы
 Свои песочные часы.
 С ветром призрачно летят,
 Глаза недвижные блестят,
 Нет нигде для них преград.
 Грозен их колючий взгляд.

Между небом и землёй,
 Над пучиною ночной,
 Всесильный месяц золотой
 Ведёт незримый смелый бой.
 Рыдает море и кипит,
 Вода солёная шумит,
 И волны, словно паруса,
 Взлетают прямо в небеса.

Из царства тьмы, из суеты
 Льют осенние дожди,
 Холодный веер из воды
 Смывает зыбкие следы.

Упала якая звезда, –
 Утихла бледная вода,
 Пропали джинны без следа,
 Ночь ускользнула в никуда.
 Светлеет утренняя даль,
 Исчезла времени печаль,
 И месяц молодой угас
 И скрылся в бездне синих глаз.

* * *

Зима, зима, твой вижу взгляд холодный
 И белый шлейф столь царственной красы,
 И твой наряд – бесспорно – бесподобный
 Сияет блеском утренней росы.

* * *

Цветы вдыхали сладость дня,
 Их ветер целовал слегка,
 И белоснежная фата
 В прозрачном воздухе плыла.

* * *

Волошин, звёзды, Коктебель.
 Крым — поэтов колыбель,
 Влюблённых в море и в мечты,
 В карету солнечной весны.
 Их море ласково зовёт,
 Стихи цветные им поёт,
 Волну роняя за волной,
 Строку рождает за строкой.

*Вера
Новикова*

ЛИСТ ОСЕННИЙ

Теряет дерево листву в ненастье,
А ветер раздевает донага.
Печаль – лишь до весны. И будет счастье,
Когда растают зимние снега.

В мерцающей глуби ночного сада
Пред образом сверкающих небес,
Где теплится прохладная лампада
Луны, я трепещу, я лист – не лес.

Я – хрупкий лист осенний, одинокий,
Оставшийся на дереве пустом,
И в непогоду оказался стойкий,
Сражался долго с ливнем, ноябрём.

Но где вы, братья, сёстры, – вопрошаю, –
Куда вас, неразумных, занесло?
Под деревом собака орошает,
Иль вы успели залететь в седло?

Паду ли наземь я и где? Убого
И зябко дом стоит глухонемой,
Где поселилась сирость у порога,
Где нет живой души там, за стеной.

О, Господи! Не дай упасть под ноги,
 Свободу дай – мне высоко взлететь.
 Пусть будет нескончаемой дорога,
 Чтоб с высоты на землю мог смотреть.

В ЯЛТЕ

И вновь я здесь, где юность отпылала
 И пролетели лучшие года.
 Тебя я никогда не забывала,
 Со мной ты будешь, Ялта, навсегда.

Ах, Ялта, город грёз, воспоминаний,
 Ты – и судьбы моей круговорот.
 Здесь было много грустных расставаний,
 И здесь – произведён мой первый взлёт.

Осенняя приветливая Ялта,
 Блистаешь так же скромной красотой –
 Венец неповторимого таланта
 Художников, поэтов, – золотой.

И Чехова мне слышится дыханье,
 Его шаги, под кожаным плащом:
 Здесь всё хранит о нём воспоминанье
 Собачка с Дамой мокнут под дождём...

Брожу по набережной людной снова.
 Она всё та же, я – не молода
 И к встрече вовсе не была готова,
 Разбилась здесь мечты моей звезда.

И струны сердца зазвучали больно.
 И шёпотом с горячих губ – слова,
 Мелодией далёкой песни сольной
 Вплетали в душу, в сердце кружева.

Как много здесь произошло впервые...
 Приеду вновь, ты только позови, –
 В мои воспоминания живые,
 Исток незабываемой любви...

*****

200 лет Бородинской битве

Две сотни лет боям Бородина.
 Разбиты полчища непрошенных гостей.
 Французам Русь, Москва – не отдана,
 Разбит Наполеон – и лучше нет вестей.

Гремит Бородино до наших дней,
 И этой славе не затихнуть никогда.
 Ведь жизни клятва верности сильнее
 Была у командиров, ротных и солдат.

Разрушить всё и обратить во прах
 Своей гордыней и судьбой хотел палач,
 Хотел царём воссесть, но на гробах
 Москвы, Наполеон. Не справился, «силач».

Французов рвали русские штыки
 С «дубиною войны» – от партизан,
 За родину свою дрались полки,
 Гремел Кутузова победный барабан.

МУЗЫКА МОРЯ

Проснулось море ранним утром
 И заиграло будто бы на скрипке,
 Покрылось сверху перламутром,
 В широкой расплылось улыбке.

По галечке – по кнопочкам баяна –
 Волной тихонько море застучало
 И закачались волны, словно пьяно:
 Оно, видать, по песне заскучало.

Но вдруг послышался Бетховен,
 Волною синею взыграло море,
 Разволновалось, час не ровен –
 И с Нептуном оно сейчас поспорит.

Из вод пучины еле слышно
 Звучат то Бах, то Брамс, переплетаясь,
 То гимн неведомого смысла,
 Трубой гудит прибой, вверх подымаясь.

И вот, слышны раскаты грома.
 Парит, плывёт в холодном поднебесье,
 Будто пиратского отведав рома,
 Наш буревестник напевает песню.

Теперь оркестр играет в море:
 По клавишам ударит, то ль по струнам.
 И разыгрался шторм в мажоре:
 Вовсю гуляют там Нептун с Перуном.

ДАЙТЕ ТИШИНУ

Дайте мне тишину,
 Мне она так нужна.
 На минуту одну.
 Не моя в том вина,

Что кричит целый свет.
 Я хочу тишины,
 А её в мире нет.
 Не молчат крикуны.

Где сегодня найти
 Тишину на пути?
 Будто в пропасть она
 Канула без следа.

Слышите, – гром кричит
 И вибрирует шум.
 Только болью молчит
 Воспалённый мой ум.

ДЕТЯМ

В привычной суете забот и лет
 Родителей почаще навещайте.
 Они всегда с тревогой смотрят вслед,
 Какое бы ни выпало вам счастье.

С дружком по телефону перед сном
 О жизни рассуждаете весомо, –
 Но почему ж тогда с родным отцом
 Неоткровенно-молчаливы дома?

Вы – взрослые, но мать не спит всю ночь,
 И оттого, что ласки видит мало.
 Вздыхает про себя: «Была бы дочь –
 Она б меня по-бабьи понимала...»

Всего на день зайдите в отчий дом,
 И – снова вдаль идите на рассвете...
 О, дети, дорожите каждым днём –
 Теперь вы за родителей в ответе.

ВИНО

Под столом мой винное «брожево»
 Тихо булькает. Рядом окно.
 Сладость белая вся уже сброшена,
 Сок лозы превратится в вино.

Бродит сок по рецепту старинному,
 Сохранённому с давних времён...
 Кубок полный напитка невинного
 Пили боги под крики ворон...

Гроздь руками давила неистово,
 Выжимала, как кровь, весь нектар;
 И следить за ним буду я пристально.
 Вдруг случится на сердце пожар, –

Я налью в свой бокал зачарованно
 Молодую игристую хмель.
 Где ты, радость моя, где ты, Родина?
 Я спою, когда будет капель.

СВАДЬБА БАБОЧЕК

Над ромашкою душистой,
 Над цветками зверобоя
 Свадьба бабочек кружится
 Пёстрой стайкою, гурьбою.

Славный пир идёт горою:
 Золотистый мёд подносят,
 Сыплют жёлтою мукою...
 С сожаленьем смотрит осень.

А небесная водица
 В чёрной чаше небосвода
 Не решается пролиться...
 Призадумалась погода –

Как предостеречь, кто пляшет:
 Скоро им отбой сыграют,
 На поляны иней ляжет
 И цветы отполыхают.

Гости свадебные вьются,
 Все резвятся шаловливо,
 Мёд всё пьют и не напьются!
 И нисколько не пугливы.

Над цветами пир кружится,
 Позабыв про всё на свете,
 В час последний веселится
 Под прощальным солнцем лета.

СКАЗКА НА СТЕКЛЕ

Смотрит хмуро луна с высоты –
 Как и мне, тоже зябко одной.
 Я к окну подошла, – там цветы
 На стекле нарисованы злой
 Стужей зимней, под музыку выюг.
 Я смотрю на стекло в серебре,
 А на нём – розы пышные вдруг
 Расцвели, как весной во дворе.
 На холодном стекле – изумруд:
 Нарисован здесь сказочный лес,
 Расписные дворцы, блещет пруд –
 Сказка, полная зимних чудес.
 Вижу терем с венцом золотым,
 Бьёт кристальный высокий фонтан,
 Блещет город огнём голубым...
 И – расцвёл перед ними каштан.
 Мне на сердце теперь горячо...
 Сыплет снег голубой в феврале,
 И ложится мне сон на плечо,
 Догорела свеча на столе...

* * *

А когда всё ещё под снегом, –
 И земля, и ветка сосны, –
 Нам достаточен и подснежник,
 Чтоб увидеть приход весны.

Многогранники

*Алексей
Вдовенко*

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Листопад... Листопад... Листопад...

Хотя, правильнее, наверное, было бы сказать:
«Листолёт»!

От окна моей квартиры до ближнего дерева несколько десятков метров, но вот я вижу, как сорванный с ветки жёлтый лист легко летит вверх и залетает в открытую форточку.

«Восходящие потоки воздуха...», – скажет физик.

«Листопад... Листопад... Листопад...», – скажет поэт.

Оба, конечно, правы! С листопадом, родной город!
Листопад – самое начало обновления. С обновлением тебя!
Будь счастлив!

В городе осень... Листопад... Листопад... Листопад...

ПЕСНЯ НЕИСПРАВИМОГО БРОДЯГИ

Мне говорят: «Зачем живёшь на свете?
Ты накопил на склоне лет не много.
В кармане у тебя гуляет ветер,
А в рюкзаке – лишь дальняя дорога».

Да, я не строил барские хоромы.
 Мои счета не держат сотни банков.
 Зато знакомы мне рассветы в поле
 И тишина далёких полустанков.

Знаком мне чудный вкус ржаного хлеба,
 И сладость соли знаю я наверно.
 Люблю я высоту ночного неба
 И красоту лесов люблю безмерно.

Когда умру я, то заплачет дождик,
 Отправит тризну воробьёв ватага,
 Свои листы наклонит подорожник,
 А мой рюкзак возьмёт другой бродяга.

ЖИЗНЬ

Светлане Коношенко

Что жизнь? – Всего лишь атом
 Во тьме Вселенной.
 Но коль душа крылата, –
 Огонь не тленный.

Один живёт для хлеба
 И всем довольный.
 А мне б подняться в небо,
 Как птице вольной.

Там я б расправил крылья,
 Как сокол ясный.
 Тогда бы жизнь прожил я
 Не понапрасну.

Потом и падать круто –
 Такой финал!
 Ну, что ж... Хотя б минуту,
 Зато – летал!

* * *

Года – стрелой!
Но верить смею,
Что я душой
Не постарею!

Татьяна

Левченко

ЗИМНЯЯ РАДУГА

(фрагмент)

Сквозь редкие снежинки, на фоне грязно-серого неба, ворон резко выделялся своей непроницаемой чернотой. В какой-то разрыв туч проглянуло солнце. Воздух в его лучах засверкал мелкими радужными блёстками. Это было так красиво, что я затаила дыхание. Снова послышался чистый карр. И в тот же миг летящий ворон вдруг вспыхнул невыразимо ярким синим цветом. От неожиданности я зажмурилась. А когда через мгновение открыла глаза, его нигде не было видно. Я поискала взглядом, и тут увидела чудо...

... В пространстве между двух обледенелых тополей прямо в воздухе висел великолепный в своей нереальной красоте ледяной занавес. Плотный, белый сверху, он к низу истончался, оканчиваясь то складчатыми консолями, то бахромчатыми арками. Мелкие сосульки «бахромы» словно трепетали, вызванивая дивную мелодию. И всё это сверкало, лучилось, переливалось в лучах проглянувшего солнца. И воздух всё так же сверкал блёстками радужной мишуры снежинок. В порывах ветра занавес медленно покачивался и звенел. Я заворожённо смотрела, как в сказочном театре: вот сейчас занавес поднимется, и... А чудо длилось. Ветром сняло с крыши дома целую тучу мелкого сухого снега. Подняло и понесло, широкой аркой перекинув прямо над ледяным занавесом. И арка эта, попав в солнечные лучи, вспыхнула яркой и в то же время нежной-нежной в своей красочности радугой.

* * *

Низко тучи октябрь распротёр.
 Снова плачут дожди на стекло,
 Чтобы кто-то их слёзы утёр,
 Чтоб у них на душе отлегло...

* * *

Было лето.
 сады
     утопали в туманных рассветах.
 Утопали в туманных рассветах
 сады –
     было лето.

А весною
 они утопали в туманных закатах,
 в ожидании зноя.
 В ожидании зноя,
 сады утопали в туманных закатах
 весною.

Будет осень –
 окунутся они в вороха листопада
 и в синие росы.
 В ворохах листопада и в росах
 утонут сады –
     будет осень.

А сейчас
 утопают сады по макушку
 в сугробах:

    зима.

        Снега много.

Снега много...

    зима...

снега много...

    зима...

        снега много...

* * *

Жили мы километрами пройденными,
Свою юность на стройках гробили.
А когда поумнели, вроде бы, –
Ни кола, ни двора, ни родины...

Борис

Васильев-Палом

**ЗАПИСКИ МЕЧТАТЕЛЯ, НЕ ФАНТАЗЁРА.
ИЛИ
КАК МЕНЯ БОГ ВРАЗУМЛЯЛ**

(продолжение)

... Заветная мечта студенческих лет в том – 1966 – году «обнародованная», оказалась самой расторопной, самой быстроногой на дорожке из будущего в настоящее. И не самой ли убедительной, как доказательство... Нет-нет, я никому ничего не доказываю. Давно зарёкся. Даже стишок на эту тему объявился советом себе самому:

Никому ничего не доказывай,
Хоть друзья пред тобой, хоть враги.
Ты у жизни своей одноразовый,
Так что нервы свои береги.

Но вот другим советом (из второй строфы) этого стиха я тут пренебрегу. Проигнорирую здесь свои же слова:

Никому ничего не рассказывай,
Кроме сказок детишкам на сон.
Золотишко молчаньем заказывай.
Нет Колхиды и ты не Ясон.

Колхиды нет, а чудеса случаются. Вот о них и рассказываю.

Год 1966-й был для меня и моих сокурсников по журфаку годом преддипломной практики. Перед тем как разъехаться, «разбежаться» по выбранным для практиканства редакциям,

новоиспекаемые газетчики в стихийных групповых посиделках вокруг опустошаемых ёмкостей с неперменной в таких случаях сорокаградусной соучастницей, делились между собой мечтами и проектами на ближайшие 5 – 10 лет.

И вот тут, будучи в трезвом уме и твёрдой памяти (никогда алкоголь не был у меня в любовниках) – я вдруг объявляю сокурсникам-собутыльникам, что рано или поздно стану спецкором «Комсомольской правды». А местом практики-то я выбрал столицу своей малой родины – Кольского полуострова, – город Мурманск. Точней: редакцию его областной газеты «Полярная правда». Выбор я делал тогда сердцем, – не головой, а оно тянуло в Мурманск, где моя, в недавнем прошлом одноклассница, а со времени второго курса, – жена Ирина родила дочку Василину. Как раз к моменту выбора практики: в мае 1966 года.

Так вот, собираясь за Полярный круг, в областную газету, вдруг во всеуслышание делаю заявку на статус сотрудника лучшей газеты страны. Причём, заявление выглядело спонтанным, а в голосе к моему собственному удивлению звучал обертон присущий информации свершившегося факта. Можно было подумать, что в чиновничьих верхах у меня имеется всемогущий родственник. Смеха моя самонадеянность у собеседников, во всяком случае, не вызвала. Не потому ли, что я был тогда чемпионом МГУ – правда, не по боксу – по штанге... Но 100 кг одним «рывком» на вытянутые над головой руки, видимо, внушали уважение.

Впрочем, оценки моих «учебных» публикаций тоже имели «приличный вес» и не были тайной деканата. Но всё-таки, мимическая реакция сокурсников на мою нацеленность в «Комсомолку» явно, хотя и безмолвно, гласила: «Так тебя там и ждут!» На это я, помнится, как бы с шутовским вызовом, будто бы сам над собой посмеиваясь, отвечал: «Ну, если не я, то кто же?» Но шуткой, кажется, не запахло: что-то в интонации голоса моего свело на нет самоиронию улыбки, наводя-таки скептиков на догадку о покровителе за моей спиной где-то в высоких кабинетах министерств или комитетов.

Судя по дальнейшим событиям, у этих подозрений был резон. Только вот покровительствовали-то мне силы не канцелярских сфер. Подыграли мне с таких высот, откуда человеческий глаз никакого министерства в наисильнейший телескоп не разглядел бы.

Но тогда, говоря: «рано или поздно стану сотрудником «Комсомолки», я полагался только на самого себя и готов был не один год потрудиться в какой-нибудь дыре, уповая на то, что моё провинциальное «сияние» будет замечено из центра. Однако, слова эти *рано или поздно*, как предикат пророчества, были посрамлены баснословной скоростью событий, исполнивших мою мечту.

Вышло так, что практику я начал, как планировал, в «Полярной правде», а продолжил и закончил по воле Провидения уже стажёром отдела новостей «Комсомольской правды»!

Опять приходится воскликнуть: «А говорят, чудес не бывает!»

Понятно, что материалист-безбожник, Веллер, например, скажет: «Какое чудо? Простое везение». Но, во-первых, каждый сам себя везёт волей судьбы, а во-вторых, разве не очевидно, что я, (как случится в 1972 году у меня с Академией) предчувствовал события своего будущего. А то, что это будущее одной ногой уже стояло в настоящем, разве отменяет факт предсказания? А такого рода предсказания есть тайна бытия. А такая тайна не есть ли чудо? Мог ли я предвидеть, то есть, умом знать (подсознанием – да!), а сокурсники, в мечту мою о «Комсомолке» посвящённые, предположить могли ли, что не пройдёт и двух месяцев со дня моего отъезда из Москвы в Мурманск, как тогдашний редактор отдела новостей и науки «Комсомольской правды» Ярослав Голованов, вводя меня в кабинет главного редактора газеты Бориса Панкина, так ему представит нового стажёра: «Это Васильев, автор того репортажа, – о Мурманске»?!

Знаки вопросительный и восклицательный относятся к словам «мог ли предвидеть»... Чудо было в капризе Фортуны. Это её излюбленный приём: поставить избранника в нужное время в нужном месте. Сюрприз от неё ждал меня на родном

севере вместе с новорожденной дочкой. Такая вот была у судьбы задумка.

А весь фокус в том, что 1966 год оказался юбилейным для Мурманска. Что я об этом сном-духом не ведал, – вправе ли теперь так утверждать? Городу исполнялось 50 лет. По этому случаю редакция «Комсомолки» собиралась командировать в столицу Заполярья кого-нибудь из своих репортёров. Об этом «случайно» узнала, практиковавшаяся там, моя однокурсница, москвичка Виктория Сагалова, с которой мы годом раньше вместе приобщались к журналистике в газетах Иркутска и Братска. Она резонно решила, – зачем кому-то из столичных газетчиков лететь в Мурманск, если там имеется Борис Васильев?

Не знаю, что именно говорила Вика Голованову и завотделом новостей и науки Владимиру Губарёву, рекомендуя меня на роль репортёра по этой теме... Наверное, – что протезе сам мурманчанин, ему де и карты в руки.

Так или иначе, Сагалова получает для меня «добро», звонит мне в Мурманск и от имени редакции заказывает репортажный очерк о самом северном порте Союза к его 50-летию.

Однако не всё было так просто. Если бы в Мурманске, точнее – в редакции областной газеты, в это время со мной не происходило нечто чрезвычайное (по планам судьбы!), грозившее катастрофической неприятностью всей моей, ещё не начавшейся (правда, усё равно не более нескольких лет длившейся) карьере журналиста, я просто отослал бы почтой в Москву то, что мне поручили написать и продолжил бы практику рядом с женой и дочкой. Но ситуация была такая, что заказ из Москвы на репортаж о Мурманске я воспринял как спасение, как выход из опасного тупика, и сам повёз своё документальное сочинение в «Комсомолку». Это было похоже на спасение бегством. Но бегство обычно побуждается трусостью, а с таким свойством характера я не оказался бы тогда в рискованной ситуации. Настаивать же на своём в те времена было безрассудством.

Взбунтовался-то я против лжи. Сказалась природа художника, поклонника красоты. Лгать не красиво. Значит, – не буду. Поэтому, кстати, в журналистике и не задержался.

Суть же дела мурманского вкратце такова: я набрался храбрости (или наглости?) отказаться от производственного, так сказать, задания редакции. Требовалось написать хвалебный очерк о флагмане с экипажем рыбаков более удачливых или мастеровитых, чем их соперники по соцсоревнованию. Были тогда такие игры трудящихся за звание «лучший». Лучший работник, лучшая бригада и проч.

Но выяснилось, что «передовики» не столько ловцы, сколько ловкачи. Они и не могли сдать рыбы меньше любой другой бригады, потому что их траулер на разгрузку всегда имел зелёный свет. Этому судну не приходилось стоять сутками в очереди, чтобы опорожнить свои трюмы для очередного лова.

В редакции я заявил, что хотел бы написать фельетон об этих горе-стахановцах, и ничего другого не могу. Фельетон хочу, а фанфарный очерк не могу. Между прочим, в жанре фельетона у меня уже была проба пера на практике третьего курса при газете «Комсомолец» в Ростове-на-Дону. Оценкой этой пробе было пророчество тамошнего моего шефа, местного журналиста, Александра Щербакова. Это было в 1964 году. Не могу не назвать чудом и то, как пророчество сбылось. Ни я, ни ростовский прорицатель и помыслить тогда не могли, какой сюрприз и сколь близкое будущее готовит нам, жителям разных городов: нам суждено было стать сослуживцами по редакции «Комсомольской правды», и в результате в этой газете, всего лишь через три года после ростов-донского пророчества, стали появляться фельетоны по инициативе завотделом «Культура и быт» Александра Щербакова в исполнении недавнего студента Бориса Васильева.

Для меня – чудо, а для судьбы всё просто: «сияние» Александра Щербакова в провинциальной журналистике было замечено в Москве (оттуда же за всеми следили!) и ему предложили перебраться из ростовского «Комсомольца» во всесоюзную «Комсомолку».

Надо сказать, ни он, ни я, – мы не удивились тому, что наши пути сошлись в столичной газете. Мир тесен для тех, кто мечтает об одном и том же!

Однако, к мечте у каждого своя дорога. А на поворотах и перекрёстках тебя иногда поджидают как бы сказочные «регулирующие» и по причинам совершенно неожиданным. Стоит подчеркнуть, кстати, – без причин в этом мире ничего не случается. Поэтому я и не признаю так называемых случайностей.

Невероятно, но факт: если бы трижды Герой Советского Союза, знаменитый лётчик Иван Кожедуб, не был гиревиком, любителем тяжёлой атлетики, вся моя жизнь, со второго года армейской службы, пошла бы другими путями. Не сведи меня судьба с Кожедубом, университета сразу после армии не видать бы мне, как своих ушей.

Оценки школьных знаний в моём аттестате зрелости красноречиво говорили: «Обладателю такого документа на подготовку к вступительным экзаменам в ВУЗ потребуется как минимум два года». Эти два года я и получил на срочной службе в воздушных войсках Ленинградского округа, благодаря Кожедубу, курировавшему там армейский спорт.

В защиту или в оправдание сугубой «удовлетворительности» своего аттестата зрелости замечу только мимоходом, что у лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского картина в аттестате была бы не краше, если б он не покинул школу с какого-то урока в 8-м классе. Смею так думать, ибо мы с ним оба в 1954 году остались ан второй год, каждый в своём 7-м классе. Не сговариваясь, конечно, – жили тогда в разных городах. Между прочим, если бы Николай Гумилёв был нашим современником, он попал бы к нам в компанию второгодников по седьмому классу школы. Да, вроде бы, – и Максимилиан Волошин...

Ладно-ладно, тех, кого я сейчас шокировал своей нескромностью, примазываясь к сиятельствам русской поэзии, успокою своим стишком «К автопортрету»

Высокий лоб, нос не прямой,
 В овале – часть квадрата.
 В портрете этом облик мой
 Подобием Сократа.
 Но легкомыслие сквозит
 Там, где ума палата...
 Нет, мне, конечно, не грозит
 Ни жизнь, ни смерть Сократа! *

Однако вернёмся к чуду Кожедуба. В чём оно? На первый взгляд, история простая, от необъяснимых таинств далёкая. В первые 9 месяцев из трёхлетней службы, на «курсах молодого бойца» меня спецы ратных дел превратили в электромеханика, чтобы оставшиеся 27 месяцев воинского долга я обслуживал взлётно-посадочные полосы военного аэродрома. Но тут случились дивизионные соревнования тяжелоатлетов и о победителе в среднем весе – рядовом Б. Васильеве – доложили генералу Кожедубу. А как раз формировалась сборная команда ВВС ** округа для всеармейских соревнований. И вот, прославленный лётчик, взял меня под своё крыло. Переместили «спортивную драгоценность» из военного городка какого-то захолустья на Дворцовую площадь Ленинграда в штаб ВВС, по соседству с Эрмитажем и предоставлением возможности ходить туда рисовать, когда мне заблагорассудится кроме часов с 10 до 12 и с 16 до 17, – времени исполнения мною обязанностей штабного почтальона и библиотекаря.

Вот здесь-то, да на подготовительных курсах ЛГУ, где занимался с ведома своего военного начальства, я и наверстал время, которое школьником разбазаривал то на лыжне, то на катке, то на ринге, то в бассейне или за шахматной доской... к 8-му классу я перепробовал чуть ли не все виды спорта. Вместе с отцом, мастером спорта, в 1957 году ездил в Москву на Спартакиаду народов Союза в составе сборной команды

---

* Сократ – др. греческий философ. Был обвинён в «поклонении новым божествам» и «разращении молодёжи» и приговорён к смерти (принял яд). Мог бежать из тюрьмы, но не пожелал. Умирал в присутствии учеников, рассказывая им о действии в нём смертоносного яда.

** ВВС – военно-воздушные войска

Мурманской области по стендовой стрельбе, – из охотничьего ружья по летящим мишеням. На отборочных соревнованиях в Североморске, стреляя дуплетом, то есть, сразу по двум из траншеи вылетающим «тарелочкам», я занял второе – за отцом своим – место. Так что в Москву ехал на законном основании.

Об этом эпизоде своей жизни вспомнил я не похвальбы ради, а чтобы оттенить «чуждость» выбора «штанги», как спортивного для себя вида спорта. Будущее уже подводило ко мне Кожедуба.

Собственно, само-то чудо не в моем выборе штанги, чтобы со временем генеральский выбор пал на меня. Мистика в том, что сам Иван Кожедуб чудом уцелел в сотнях боевых вылетов на Отечественной войне и позже – в Северной Корее.

Достаточно сказать, что из первого сражения в небе с фашистами начинающий ас вернулся в 22-мя пулевыми пробоинами в фюзеляже своего самолёта. Более того. За все годы войны не получил он ни одной царапины, тогда как сам немецких только самолётов сбил более 60-ти. Разве нет после этого права у меня утверждать, что я чудом и в университете оказался и в Эрмитаже к поступлению в «институт Репина» готовился, если ко всему этому приложил руку (подписями под своими приказами относительно рядового Б. Васильева) Провидением спасённый мой военачальник?

Опять спрошу у Веллеру подобных отрицателей чудес и таинств: «Как мог погибнуть Иван Кожедуб, если в будущем должна была выйти из-под его руки такая надпись на обороте фотографии, где он в центре, а я сбоку:

«Рядовому Васильеву Б. А. на память
Об успешном выступлении на летней
Спартакиаде Военно-Воздушных сил
СССР – 9 – 14 июля 1961 г. в г. Ейске
Трижды Герой Советского Союза
гв. генерал-майор авиации
И. Кожедуб»

Как мог погибнуть Кожедуб в боях с фашистами, если будущее ждало его в качестве куратора боёв на спортивных площадках армейских авиаторов в мирное, послевоенное время?

Вопрос риторический. Но есть у меня ответ на него категорический: никак не мог наш герой погибнуть. Сомнений на этот счёт не допускают два факта из жизни другого русского военачальника, – самого главного во времена войны с Наполеоном. Мистика двадцати двух пробоин в фюзеляже самолёта Кожедуба, не причинивших вреда ни машине, ни пилоту, меркнет в сравнении с двумя пробоинами головы будущего генерал-фельдмаршала М. Кутузова.

Вот как повествует об этом журнал «наша история. 100 великих имён» № 80.

«24 июля 1774 года, уже после подписания Кючук-Кайнарджийского мира, турки высадили десант близ Алушты. В завязавшемся бою Кутузов (тогда ещё в чине подполковника – Б. В-П.) был тяжело ранен в голову: пуля, попавшая между виском и глазом, вышла в том же месте с другой стороны.

Михаил Илларионович, к удивлению всех, выжил, хотя лечиться пришлось долго. В 1777 году Кутузов вернулся в строй, став командиром Луганского пикинерского полка. В течение последующего десятилетия он неспешно продвигался по службе, к 1787 году, к началу новой войны с Турцией, получив звание генерал-майора.

... В июле 1788 года русские осадили турецкую крепость Очаков. 18 августа, во время одной из вылазок противника, Кутузов вновь был ранен в голову, и пуля почти повторила прежний «маршрут»: пройдя навывлет «из виска в висок позади обоих глаз», отчего правый глаз «несколько искосило». Как ни удивительно, после двух столь страшных и похожих друг на друга ранений генерал не только выжил, но и – вопреки широко распространённому заблуждению – даже не ослеп».

С одной стороны, действительно невероятно, а вот с другой – со стороны верящих (или верующих) в единственно возможное будущее, – ничего удивительного: как мог не выжить после каких бы то ни было ранений полководец, которому суждено было посрамить Наполеона Бонапарта, – в чине главнокомандующего армиями изгнать европейского завоевателя из России...

Между двумя турецкими пулями, «посетившими» голову Кутузова, пролетело четырнадцать лет, и после этого ещё

дважды по двенадцать лет во множестве боёв воин с дважды пробитой головой был неуязвим для вражеских пуль и снарядов с их множеством осколков, которые уже как бы «знали», – этого человека будущее бережёт для победы над Наполеоном, и, значит, покушаться на его жизнь – понапрасну терять убойную силу.

Впрочем, бывают цели-мишени, способные святостью своей сути просто отводить от себя разрушительную силу разбойных рук и орудий. И, поскольку такие случаи проходят по разряду чудес, а чудеса и тайны – главная тема этих «записок», то не могу не упомянуть о двух событиях, непосредственно связанных с Николаем Чудотворцем, точнее – с иконами его лика, со второй из которых он смотрит на меня из угла моего жилища – мастерской-кабинета, – где эти вот слова стекают на бумагу по буквам с пера, окунаемого в тушь. Да, именно так. Предпочитаю, чтобы письменные знаки выплывали лебедями, а не скакали чертями. Извиняюсь. Отвлёкся.

Так вот, о двух событиях. Одно из истории страны, а другое – из моей биографии. Не связать их никак не возможно, и только потому, что я той же страны гражданин. (Нынче, говорят – украинец, но из России-то я не выезжал! Но это другая история). А первое событие из тех двух, что меня и Кожедуба опосредованно касается, описано в 77-ом номере журнала из цикла «наша история. 100 великих имён. Патриарх Тихон». На странице 13 в подвальчике «Чудо у Никольских ворот» читаем: «С незапамятных времён на Никольской башне Московского Кремля находится написанный на штукатурке образ святителя Николая Чудотворца. Перед ним помещалась большая лампада. Во время октябрьских боёв 1917 года весь образ святителя был буквально изрешечен пулями (только лик Чудотворца остался нетронутым). Штукатурка во многих местах обвалилась, сбитой оказалась и лампада. От неё осталась только кусок металлического кронштейна, прочно вбитый в стену. В 1918 году, с приближением 1 Мая, башню «задрапировали» красной материей – с таким расчётом, чтобы совершенно закрыть изуродованную икону. Но внезапно налетел ураганный ветер и «моментально превратил все эти полотнища в мочалку, изорвав

их на ленты об обломок железного кронштейна... а образ Николая Чудотворца открылся и по-прежнему стал виден среди гирлянд изодранной ветром красной ткани» (воспоминания современника). Естественно, православный народ не мог не усмотреть в этом особого проявления воли Божьей».

Безусловно, той же волей спаслась икона с ликом того же Николая Чудотворца из церкви села Колкач Вологодской области, когда её рушили местные комсомольцы уже лет через 10 – 15 после революции. Священником той церкви был отец моей матери Пётр Альбов. Меня тогда ещё не было на свете. Более сорока лет спасённая икона хранилась в соседней деревне у тех, кто её припрятал. И не чудо ли, что я сейчас, встав с кресла, могу дотянуться до этой иконы рукой?!

Хотя, опять-таки, по правилам судьбы всё просто. Когда хранителям «колкацкой» иконы стало известно, что внук батюшки Альбова учится на художника, до меня по сарафанной почте дошло их желание подарить мне икону из церкви деда. Разумеется, я не поленился съездить на родину матери. И сделал там пастельный портрет старушки у самовара – щедрой дарительницы чудотворной, как теперь выясняется, иконы Николая Угодника.

Думаю, не обязательно быть членом клуба знатоков «Что? Где? Когда?» – чтобы догадаться о какой-то связи между случаями 1917 – 1918 годов у Никольских ворот Кремля, «заговорённостью» от вражеских пуль лётчика Ивана Кожедуба с полководцем Михаилом Кутузовым и фактом из биографии недостойного раба Божьего, имярек, – тем фактом, что на единственный – 1972 – год были изменены правила поступления в Академию художеств, благодаря чему случилось то, чего никогда не бывало: студентом этого ВУЗа стал абитуриент, как говорится, с улицы, – не бывавший учеником художественной школы, не говоря уже об училище.

Тут, правда, возникает другой вопрос: «Оправдывает ли рассказчик – оппонент отрицателей чудес – заботу Провидения о том, чтобы его мечты сбывались?» Кожедуб ответил на заботу Фортуны геройскими подвигами, сохранил множество человеческих жизней, сократив количество смертоносных

машин, пилотируемых фашистами, более чем на шестьдесят боевых единиц. Кутузов же и вовсе облагодетельствовал спасением целую Россию и всю Европу своим искусством военного стратега.

А что может предъявить «мечтатель – не фантазёр» в подтверждение ненеприятных трат со стороны тех магических сил, которые устраняют препятствия на его пути то к одной, то к другой цели, ни в одной из которых не просматривается забота о благополучии человечества? Увы! Ответа пока нет.

Но есть вера в то, что если с тобой происходит что-то небывалое, значит это зачем-то нужно той таинственной силе, правящей миром, которая решает, чему быть, а чему не бывать. Зачем? Время покажет.

Могу пока только сказать, что из народной мудрости, явленной в пословице «Кому сгореть, тот не утонет» я давно для себя вывел подобную истину, отражающую моё мироощущение: «Кому победить, тот не проиграет!»

Зерно этой истины зародилось во мне более сорока лет назад и проклюнулось в якобы шуточном четверостишии, опубликованном в своё время в «Комсомольской правде», как ни странно:

«Земле я форму шара выбираю, –
 Подумал Бог, бородку теребя, –
 Чтобы никто не оказался скраю,
 Чтоб каждый центром чувствовал себя!
 Не этой ли мысли ради стремился я в ту газету?»

О СЕБЕ СО СТОРОНЫ

Для многих коллег незавиден мой жребий,
 Мерещится им превосходство.
 Над акварелистом, витающем в небе,
 И впавшем, как в детство, в сиротство,
 В изгойство, в несчастье вражды к модернизму,
 В старинную верность природе...
 Они принимают поэта харизму
 За ветошь и хлам, что не в моде.

Но я не собой так нелепо, так странно –
 На взгляд – не ко времени создан:
 Не к золота звону, не в Запада страны
 Влекомый, а – к птицам и звездам.
 И хочется верить, что жизнь моя рада
 Страданиям, ведь в страхах не весь я...
 Так броситься тянет из этого ада
 В лазурную глубь поднебесья.
 Однако не чую я близости смерти,
 Душа чудом к счастью ведома.
 Сменяются образы дев на мольберте,
 Все в сердце поэта, как дома.
 Еще не нашедший свою половинку,
 Он служит лишь краскам и слову.
 Призыв красоты ему всюду в новинку,-
 Влюбляется снова и снова.
 Поэт и художник в ребячестве вечно,
 На хитрость не держит экзамен.
 Во мнении темных терять ему нечего,
 Для умных – находка и сам он.

Сергей

Молодцов

МАРИНЕ

Творческим людям

«Пророков нет в отечестве своём...»
 Как нет: прозаиков, художников, поэтов...
 Я не открою тайного секрета –
 Мы у себя навряд ли что найдём...

Они лишь там, где нас в помине нет;
 Кого не видели, лицом к лицу не знали;
 Заочно их почти обожествляли –
 Людей, несущих Знания и Свет.

Кто рядом – те просты по-человечьи.
 Что в них такого? Одним словом: «Свой!»
 Как лжепророк расстался с головой, –
 Так чтимый ныне Иоанн Предтеча...

Нет. На Великое мы без замаха.
 И только Время сможет оценить
 Заслуги каждого. И – быть ему, не быть?
 На пьедестал взойти иль лечь на плаху...

* * *

Марине

Пусть позади: предательства и боль,
И череда разрушенных Миров...
Всё это – моей жизни Соль,
И Память, и виденья снов.

Миры из детства – рушились, как хлам,
А юности – сгорали, как свеча...
В дальнейшем, рушил уже сам,
Порою, не подумав, сгоряча...

Несло по жизни, словно по реке,
И к берегу никак не мог пристать –
Пока, вдруг, не припал к твоей руке,
И ты смогла Вселенной целой стать.

И в ней, Сверхновой, взорвалась Любовь!
Такая, что и не мечтал!
Наш новый Мир построили мы вновь:
В нём ты – Богиня, я – твой Пьедестал!

ОДНОКУРСНИКАМ ПО АМУ

ПРОЩАНИЕ С ХАКАСИЕЙ

Последняя метель,
Последняя зима...
Пустая карусель...
Озябшие дома...

Последнее: «Прости!»
Последнее: «Прощай!»
Пришла пора уйти,
Но ты не исчезай...

Пустынен летний сад,
 Все улицы в снегу...
 Иду по ним назад,
 Застыл на берегу...

На берегу реки,
 Где юность проводил.
 Ведут назад шаги –
 Откуда уходил...

И каждый шаг, как год,
 Как молодость моя...
 Пора идти вперёд,
 Но что-то медлю я...

Я знаю, что сюда,
 Обрато не вернусь...
 По юности годам
 В последний раз пройдуся...

* * *

Дочери Наташе

Жизнь только одна выдаётся в кредит
 И тратить её понапрасну не стоит.
 Но как её скроишь? Как очертишь лимит
 На глупости все, что творишь ты порою.

С билетом, что выдан в один лишь конец,
 Садимся мы в поезд и мчимся экспрессом.
 И в окна не смотрим – их попросту нет,
 И даже в купе – дымовая завеса.

Так как же прорваться? Как выход найти?
 Пробриться к дверям, едкий дым разгребая?
 Но нет остановок на длинном пути,
 И выход один: соскочить, убегая.

Открыть на ходу прикипевшую дверь,
 И воздух глотать... От души надышаться!
 И, солнце увидев, рвануться как зверь,
 С последней ступеньки в свободу сорваться...

* * *

Дочери Наташе

Сменяются эпохи на планете,
 Летят столетия, проносятся года...
 А мы песчинками скользим на этом свете,
 Чтобы когда-нибудь исчезнуть в никуда...

Уходим. Погружаемся в забвенье...
 Звонящей каплей канем в тёмной Лете...
 Идёт за поколеньем поколенья:
 Приходят нам на смену наши дети.

Какую б память не оставил ты потомкам –
 Одна лишь мысль всегда преобладает:
 Чтобы твой след не замела позёмка...
 Пускай, хоть изредка, твой образ вспоминают...

Из серии «Лучше бы этого не делать!»

«НАШ ТОВАРИЩ, 10-Й КЛАСС»

Моей однокурснице Гале Гигиняк посвящается.

10-й «А» гудел, как встревоженный улей: гремела музыка родных 70-х; сдвигались столы, на которые выгружалась разнообразная снедь и горячительное в убойных масштабах. Дамы проявляли чудеса сервировки, а мужики курили у открытого окна и футболили избитую фразу: «А ты помнишь?»

10-й «А» проводил встречу выпускников. Организатор встречи, Валентина, которая в классе была скромницей и особо не выделялась, а ныне, открыв в себе новые качества массовика развернулась вовсю, постучала вилкой по бутылке шампанского призывая к вниманию.

«Итак, дамы и господа, встречу «Выпуск-74» считаю открытой!» – с этими словами она выдернула из бутылки заранее ослабленную пробку. Шампанское ухнуло струёй и полилось в подставленную тару.

Тост следовал за тостом. Валя, как тамада, вела мероприятие по намеченному сценарию: вспоминали давно забытые события, отсутствующих, преподавателей; играли в различные игры и викторины, танцевали до упаду, периодически возвращаясь к столу.

Вечер проходил на славу. Но наступил момент, когда количество выпитого у некоторых превысило разумные пределы. И вот тут-то началось...

Под восторженные крики мужиков и повизгивание дам, Сашенька – тихоня по школьной жизни, а ныне корреспондент известной газеты – полезла на стол исполнить, как она заявила, «Танец любви». К разочарованию присутствующих (особенно мужиков), всё закончилось, не успев начаться. Сашенька, наступив на селёдку, со всего маха уселась в блюдо с салатом, произведя маленькую цунами на столе, и была возвращена мужиками на грешную землю, то бишь на пол.

Пока вокруг неё все ахали и охали отряхивая с юбки салат, Колька Саватеев, бывший офицер-десантник продолжил культурную программу развлечений. С криком: «Щас я вам покажу фокус!» – он схватил пустую бутылку из-под шампанского и... обрушил на свою голову. Класс застыл в ступоре. Наступила тишина. Колька стоял шатаясь и пытался сфокусировать взгляд на абсолютно невредимой бутылке в своей руке. Затем, с рёвом: «Врёшь, падла! Десант крепче!» – он опять шарахнул себя по лбу и растянувшись на полу, не выпуская из рук злосчастной бутылки, умиротворённо отключился.

Дамы бросились приводить в чувство героя-десантника. Но тут из дальнего угла класса заорали: «Убью, гада!» – и вниманию присутствующих предстала следующая картина: бывшая двойко-троечница Маня Балабаева, а ныне уважаемая бизнес-леди, хозяйка сети овощных магазинов, (сделавшая карьеру на корейском луке и картошке) – лупила снятой с ноги туфлей отличника, красу и гордость 10-го «А» Володю Листова, ныне слесаря-сантехника последнего запойного разряда.

«Не дал, жаба, списать химию! Всю жизнь мне загубил!» – выла разъяренная Маня. Хотя связать воедино химию и нынешнюю Манюнину жизнь окружающим было трудно.

«Брэк!» – рявкнул Иван, бывший боксёр-разрядник, а ныне грузчик в одном из Маниных магазинов и, схватив в охапку одноклассницу-хозяйку, принялся успокаивать её, поглаживая по голове как ребёнка. Маня, всхлипывая, затихала на широкой груди своего работника.

Валентина, видя, что события начинают выходить из под контроля, предприняла решительные действия по водворению буйной реки в спокойное русло.

«Девочки, мальчики, быстро за стол! Друженько выпьем и поговорим о любви!» – оптимистически обратилась к присутствующим Валя. Класс с энтузиазмом откликнулся на предложение и... понеслось.

Тост опять летел за тостом. Вспоминали: кто за кем бегал, кто по кому вздыхал. Бывшие на встрече мужья и жёны некоторых одноклассников, с удивлением узнавали новые для себя подробности и факты любовных походов их половинок. Но всё шло более-менее в рамках приличий, хотя сетка вуали просвечивала насквозь. Валя уже потихоньку радовалась в душе, что вечер удался. Как же она ошибалась!

...Впоследствии, давая показания в милиции, никто так и не смог припомнить-с чего всё началось.

Но все сходились в одном: главные виновники – Жорка с Катькой. А произошло следующее.

...Горючее стремительно подходило к концу, а праздник только-только набрал полные обороты.

Основная масса «высокого собрания» была людьми, деньгами не обременённая и поэтому кроме банальной складчины ничего предложить не могла. Но это был мизер: несколько бутылок на двадцать с лишним ртов. Положение спас Жорка Саркисян. Будучи владельцем шикарного в городе ресторана, он отправился с водителем к себе, как он выразился за «гуманитарной помощью». Напрочь игнорируя мужа вместе с ними сорвалась и Катька. Впрочем, странного в этом никто не усмотрел, так как все знали, какие страсти-мордасти кипели между Катькой и Жоркой в 10-м классе. Но после школы – как отрезало. Катька, желавшая иметь от жизни всё и сразу, скороспело выскочила замуж за загулявшего в отпуске оленевода и укатила с ним к северным широтам...

Появляясь иногда в городе, проездом на юга в очередной отпуск, Катька кичилась перед знакомыми своим длинным северным рублём и в упор не хотела даже слышать про Жорку...

А Жорка эти годы пахал как дядя Том на плантации: вечером – официантом, днём – грузчиком в том же ресторане...

...Шло время и жизнь расставила всё по своим местам. Кто смог – заработал своим горбом на пряник; кто на хлеб с маслом; кто остался на хлебе, а кому-то жизнь показала фигу, и он перебивался бедолага с браги на самогон и с аптечных настоек и парфюмерии на бытовую химию...

Но всё как-то стабилизировалось и, сталкиваясь иногда, бывшие одноклассники друг друга не чурались и пальцы веером не гнули.

...Жест Жоры был широк, как и его душа. Первой в класс влетела Катька и, завопив: «Толпа, давай «Туш»! – вскочила на стул и завела – «Пам, пам, тарам, там, там...» Кто-то неуверенно поддержал. Но когда в дверях появился красный от натуги Жорка, с ящиком коньяка в руках, а за ним- водитель, с ящиком шампанского, – толпа как с цепи

сорвалась. Вопили: кто – «Ура!», кто – « Туш»; тискали и целовали Жорку, Катьку и смущённого водителя. А очнувшийся от криков Коля Саватеев, тупо смотрел на дикие «половецкие пляски» и глубокомысленно изрекал: «Десант везде пройдёт!»

Праздник стремительно понёсся по очередному витку спирали... Пили, пели, обнимались, орали и скакали под «Битлз» как орангутанги в период гона... На Валины попытки перехватить инициативу уже никто не реагировал. Все были заняты собой. И вдруг среди шумного веселья прозвучал Катькин визг: «Значит не возьмёшь к себе, харя буржуйская? Рожей я не вышла?»

Народ, хоть с трудом, но переключил своё внимание на новую мизансцену, где Катька, с яростью голодной пантеры, наседала на Жору. Размахивая руками, как ветряная мельница, она, уже в голос, вопила: «Значит администратор из меня никакой? Учиться надо?»

«Да что ты, Кать», – пытался утихомирить её Жора, – «у меня же человек уже столько лет работает! На улицу её что ли гнать?»

«А по мне – хоть в тайгу!» – не унималась Катька – «Как на дачу меня с ночёвками возить – так бегом! А как на работу взять – так в кусты? А может мстишь, что замуж за тебя, рванину, не пошла?!»

Ближнее окружение бросилось утихомиривать Катерину, но та уже закусил удила... «Твари буржуйские!» – вопила она – «Ограбили народ, а теперь жируете! А просишь помочь, так рожу воротите!»

«Кать, ну какие мы, к чертям, буржуи? Всё же заработано своими руками!» – попыталась вмешаться Валентина – «Да и кто отказывается помочь своим если надо?»

Но ситуация уже вышла из под контроля и события понеслись, как пьяный ковбой по прерии. Класс раскололся на два лагеря. Назрела, как писал теоретик, «революционная ситуация»: одни – поддерживали Жорку, другие были на стороне Катьки. И всё бы ещё можно было спустить на

тормозах и обратить в шутку после того, как проснувшийся Саватеев, опять заорав что «десант сильнее всех», в очередной раз долбанул себя по лбу родной ему бутылкой и теперь уже окончательно успокоился под столом, но...

...Но всё испортила гостья с далёкого Сахалина Лёлочка Лопатина. «Ребята, хватит спорить! Давайте лучше выпьем!», – призвала она. Призыв Лёлочки возымел результат. Катька с Жорой отошли на второй план. Лёлочка, которую вдохновил миротворческий успех, вылезла на публику снова.

«Атеперь», – предложила она, – «давайте поднимем тост за рыбаков с далёкого Сахалина и закусим вот этой красненькой икоркой с моего заводика!»

Лучше бы она этого не делала...

...Катька развернулась к Лёле. Ваза с красной икрой подействовала на неё как красная тряпка на быка.

«Ах ты, фабрикантша недоделанная», – с ненавистью прошипела она, – «людям жрать нечего, а ты икру лопатой лопаешь!?» С этими словами она выхватила вазу с икрой из рук обомлевшей Лёлочки и опрокинула содержимое ей на голову... И – понеслось...

Кто, кого, за что и чем – было не разобрать. По классу летали стулья, посуда, бутылки, клочья волос и одежды... Полетели вниз ярким, звенящим дождём, оконные стёкла...

Валентина, как самый более адекватный участник событий, попыталась ещё как-то вмешаться и утихомирить публику, но яркая вспышка в глазах от полученного в нос удара, отбросила её в угол, где она и притихла, всхлипывая и постанывая от боли, досады и обиды...

... Прибывший по вызову сторожа наряд милиции, попытался вмешаться в «мероприятие», но был с позором обращён в бегство объединёнными силами «оппозиционеров». И лишь взвод СОБРа смог навести «конституционный порядок»...

... Ночевали все в «уютных» клетках «обезьянника» горотдела без скидок на пол и социальный статус. В коридоре бодрствовали адвокаты некоторых «отдыхающих»...

А по утру, дав письменные объяснения и заверив, что весь ущерб нанесённый родной школе будет покрыт в двойном размере; выплатив единовременную «компенсацию» пострадавшему наряду милиции и лично начальнику за услуги «гостиницы», – наш «товарищ 10-й класс» дружно покинул «гостеприимные» стены ГОВД и организованно потопал в ближайший пивбар «Утро у Степаныча».

Поправив здоровье, начали «разбор полётов», прерываемый время от времени взрывами дикого хохота...

В конце концов пришли к общему мнению, что встреча всё-таки удалась, а Валентину упростили «не терять народ», «держатъ руку на пульсе» и заняться регулярной организацией и проведением так дорогих сердцу встреч одноклассников...

СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

На одной из полос движения, у пешеходного перехода, образовался затор. Прямо посреди проезжей части стояли две гламурно-навороченные девицы, с яростно-красными от гнева личиками и, размахивая руками, как крыльями ветряной мельницы, оживлённо беседовали.

«Ты куда прѣшь!», – вопила хозяйка джипа, – «Сплошную» вон переехала, дура!»

«Сама дура!», – возмущалась вторая – «Ты, вон, сколько «сплошных» переехала? Раз, два, три, четыре...»

«Ну ты и гонишь, подруга! Какие «сплошные? «Зебра»!

«Это я – зебра!? Ах ты, выхухоль размалёванная! Да я тебя сейчас...»

«Да не ты зебра! Это пешеходный переход – «зебра»!

«А чего тебя на него понесло?»

«Ну, понимаешь, мне нужно было налево повернуть, а фонарики не работают: то загорятся, то погаснут... то загорятся, то погаснут... А по Правилам я могу перевести своё транспортное средство по пешеходному переходу!»

«Так чего ж не повела, а поехала по нему?»

«Я что, Шварнеггер джип толкать!? Сама-то чего через «сплошную» на мою полосу попёрлась?»

«Да светофор этот долбаный! Еду – «красный»! Ну и решила объехать – он же сбоку «зелёным» горит! А тут ты прёшься со своим джипом поперёк дороги!»

Со стороны затора неслись гудки.

«И чего разгуделись? Выстроились тут, понимаешь, «кино» посмотреть! А стоянка-то запрещена! Вон знак стоит! Объезжайте давайте! Дороги на всех хватит! Давай на ту сторону и вперёд! Нечего пялиться!»

«Ой, слушай», – поддержала вторая – «сейчас ГАИ приедет на их гудки, сколько же они штрафов наберут за нарушение правил стоянки!»

Из подбехавшей патрульной машины вышли инспектора. Оценив ситуацию и отметив, что слава Богу, ДТП нет, все целы, живы и здоровы, припарковали машины девиц у обочины и к большому удивлению дам, вместо нагло гудевших мужиков, почему-то пригласили в патрульную машину для объяснения и составления протокола их самих.

Выслушав внимательно нарушительниц, оба инспектора поняли одно: что если они разрешат им сейчас дальнейшее движение, то последствия могут оказаться непредсказуемыми. А тут ещё выяснилось, что обе слегка подшофе, чего они особо и не скрывали: всего-то по чуть-чуть! Почти не считается!

«Вызывай эвакуатор, Юра, он тут неподалеку, поможешь с погрузкой, вторую я сам отведу. А ты завершай протоколы».

Возмущению девиц не было предела. Страсти накалялись нешуточные, но подъехавший эвакуатор наконец-то дал возможность инспектору Юре с честью отступить перед яростным натиском.

«Значит так», – сказал он, – «сейчас мы доставим ваши машины на штрафплощадку, а завтра вы оплатите штраф и с квитанциями и с мужьями – к нам!»

«А что нам делать сейчас?»

«Езжайте домой», – лаконично ответил Юра и поспешил помочь товарищу с погрузкой.

Лучше бы он этого не делал!

Завершив погрузку кабриолета и отправив вслед напарника на джипе, Юра облегчённо вздохнул и пошёл к патрульному «жигулю»... Вначале он подумал, что у него галлюцинации от жары – машины на месте не было... Тряхнув головой и ущипнув себя, он ещё раз, не веря своим глазам, внимательно осмотрелся. Машина не появилась. Бред продолжался...

«Дядя милиционер!», – окликнул его какой-то пацан, – «Вас забыли забрать? Без вас уехали?»

«Кто уехал? Куда?», – тупо спросил Юра у пацана.

«Да тётеньки на вашей машине! Вон туда поехали!», – махнул пацан рукой.

Юра тормознул какого-то частного, быстро обрисовал ему ситуацию, и наобещав, авансом, прощение всех грехов, уселся в машину и погоня началась...

Проехав до конца проспекта и не обнаружив нигде своей машины, Юра попросил тормознуть: требовалось подумать. Его колотило как осенний лист на ветру.

«Может валерианочки, командир?», – участливо спросил водитель.

«Давай!», – прохрипел Юра и выпил весь флакон махом. В голове возникали картины, одна страшней другой... Мысль усиленно металась в поисках решения и оно было найдено: в протоколах – адреса! Надо ехать по адресам!

По первому адресу дома никого не оказалось. По второму тоже...

На Юру было жалко смотреть: он сидел на лавке у подъезда, растерянно оглядываясь по сторонам, в надежде увидеть исчезнувших, как в Бермудском треугольнике девиц и родной «жигулёнок».

«Командир, может по сто пятьдесят?», – спросил сердобольный частник.

«Давай!», – махнул рукой Юра, – «Теперь так и так – хана!»

За первыми сто пятьдесят пошли вторые. Приговорили остатки. Закурили. Нервы подуспокоились, и пришла до гениальности простая идея – соседи!

Опрос соседей ничего не дал. Поехали назад по первому адресу. По дороге Юра позвонил напарнику и сказал что задерживается, сославшись на мелкую поломку.

По первому адресу удалось выудить у соседей лишь то, что за городом у хозяйки есть дача. Но где она – не знал никто. Юра снова впал в транс.

Частник, видя, что «командир» в тоске и отказывается реагировать на происходящее, чуть ли не силком заставил его принять очередную дозу «успокоительного». Встряхнувшись, мужики стали думать. Методом исключения они отменили дачные участки с картошкой и огородами и остановились на элитном посёлке в бору. Поехали туда. Наконец-то удача им улыбнулась: на въезде в посёлок, охранник подтвердил, что владелица кабриолета вернулась около 2-х часов назад, вдвоем с подругой и почему-то на милицейской машине. Но вопросов он не задавал – не принято.

... А на даче, хозяйка Инга, вместе с новой подружкой Лёкой, под лёгкую музыку, совместно с «Вдовой Клико», вели нелёгкую борьбу против «Джонни Уокера». На очереди стояло приручение «Белого орла»... Звонок у входных ворот прервал их приятное занятие.

«И кого это принесло?», – удивилась Инга, – «Мой в командировке, гостей не жду... Да ну их всех!»

Но звонок настойчиво требовал внимания к себе. Подруги, с чувством справедливого возмущения, вышли из дома и отправились к воротам мощного забора, чтобы высказать всё нарушителям спокойствия. Каково же было их удивление, когда открыв дверь у ворот, они увидели уже знакомого им инспектора ГАИ с незнакомым мужиком.

«Ну и чего на сей раз надо?», – подбоченившись, спросила Инга, – «Опять нарушили чего?»

«Где машина?», – почему-то шёпотом спросил Юра.

«А где ей быть? В гараже конечно!», – ответила Инга.

«И чего она там делает?», – снова задал вопрос Юра.

«Стоит», – прозвучал лаконичный ответ.

«Зачем?», – снова был задан вопрос.

«Как это зачем?», – удивилась Инга, – «А на чём к вам завтра ехать прикажете? На перекладных что ли? Наши-то машины у вас!»

«Да как вы вообще на ней додумались уехать?», – возмутился Юра.

Ответ убил его окончательно: «Ну вы же сами сказали: «Езжайте домой!» Мы и поехали. А что случилось-то? Что-то не так?», – похлопывая ресницами спросила Инга.

Юра потерял дар речи.

«Да я вижу вам совсем плохо!», – засуетилась Инга – «Лёка, проводи людей в дом, я пока дверь запру!»

Юра с водителем машинально пошли за Лёкой...

...Через пару часов, приехавший по звонку Юры напарник, войдя в распахнутую настежь дверь ограды, застал следующую картину: посреди двора, возле накрытого стола, стоял Юра и размахивал жезлом, как дирижёрской палочкой. Рядом покачивался мужик и выкрикивал какие-то команды. А по огромному двору, по цветникам и газонам, выписывал замысловатые траектории их родной «жигуль», с вопящими от восторга девицами внутри салона, и сияющий, как новогодняя ёлка, всеми своими проблесковыми маячками, фонарями и фарами...

*Марина
Молодцова*

КРЕЩЕНСКИЙ СНЕГ

В ночь на Крещение выпал снег:
Пушистый, белый, непорочный.
Собой прикрыл всеобщий грех,
Очистил душу, совесть, очи...

И с глаз упала пелена,
И сердце к сердцу потянулось.
Обиды рухнула стена
И всё вокруг нам улыбнулось:

Дома, скамейки, фонари,
Кусты, деревья и заборы.
До самой утренней зари
Вели снежинки разговоры...

Примета есть, что, если снег
На землю ляжет в ночь Крещения,
Удача ожидает всех,-
Всевышнего благословенье.

Из цикла «Теряем что-то безвозвратно»

Было это давно в пору моей комсомольской юности, когда слова «Любовь, комсомол и весна» не были пустым звуком. Я, как секретарь комсомольской организации Свердловской парфюмерной фабрики, часто принимала участие в пленумах райкома комсомола.

Особенно были интересны выездные, когда мы выезжали на пригородных поездах в лесные турбазы. Пели песни до хрипоты, участвовали в спортивных состязаниях, своими усилиями ставили замечательные концерты художественной самодеятельности. И серьёзные заседания не казались такими скучными, потому что чередовались с интересной развлекательно-познавательной программой.

А вот городские заседания пленума немного утомляли и поэтому(дело молодое) мы потихоньку обменивались записочками. И вот получаю я как-то карандашом написанное письмецо:

«Не забыть мне глаз твоих мерцанье
 Чуть подёрнутых печалью и тоской,
 Нежный облик, полный обаянья
 И девичьей строгою красой».
 И подпись: «Степан Лучезарный».

Подумала: розыгрыш. Но хорошее настроение не покидало меня целый день. Не знаю, свои ли или позаимствованные строки «Степан Лучезарный» прислал, но запали и запомнились на всю жизнь. Больше сорока лет прошло, а помню...

А каким скудным языком изъясняются наши внуки: «тёлка», «чувиха», «чел», «приколись», «прикинь»; хорошо ещё, если этот набор не чередуется матерными словами.

В пору наших подработок с мужем на свадьбах (он – пел, я – ведущая), мы старались для каждой свадьбы писать индивидуальный сценарий в стихах, если можно это назвать стихами. Много рифмовала я тогда. Людям было приятно. Я

поэзией это не считала, но вот два объяснения в любви, которые для одной пары сочинила, хочу здесь привести.

Она: «Листва с деревьев тихо опадала
И жёлтый свет струился с фонарей.
Как хорошо, что я тебя узнала,
Ты – след глубокий в юности моей.

Я помню каждое с тобой дыханье,
И нежных слов хрустальный перезвон,
И каждый шорох, прерывающий молчанье,
И небо в звёздах с четырёх сторон».

Он: «Как наважденье, всюду твой портрет.
Ты – воздух мой и лучезарный свет,
Одна на свете! Нет тебя милей,
С тобою жизнь моя и ярче и светлей.

Хочу, чтоб вместе были мы всегда
И в лёгкие, и в трудные года!»

Ах, как хочется верить, что мои скромные усилия запомнились этой паре и они до сих пор вместе.

*Елена
Бондаренко*

* * *

Я убила в себе любовь...
Безответную глупую стерву!
Исцарапала душу в кровь,
Истрепала нещадно нервы.

Не смогла я его зажечь –
Безответно в себе сгорая.
Сожрала меня страсти печь,
И живу будто неживая...

Боже правый, меня прости!
Я не ведала, что творила...
Тяжело было крест нести...
Слишком сильно его любила...

Я убила в себе любовь?..

ОКНОТЕРАПИЯ

В окне напротив суетится жизнь -
Там чей-то быт течёт неторопливо.
Меня уносит к радостям чужим,
Хотя подглядывать ужасно некрасиво.

Вон кто-то тихо вышел на балкон,
 Язык огня мелькнул под сигаретой,
 Лизнув лицо, как сказочный дракон,
 Вновь утонул во мраке беспросветном.

Ребёнка плач разрушил тишину,
 Дворняга-пёс залаял у беседки
 И снова тишь на несколько минут,
 Лишь старый клён поскрипывает веткой.

Всё меньше окон, где мерцает свет,
 Всё меньше сцен неспешной пантомимы.
 И мысли, отдохнув, сошли на нет –
 Печали плавно проплывают мимо, мимо...

* * *

Читаю письма между строк
 В твоих стихах.
 Что помнишь, любишь, одинок
 И жизнь ни ах.

Что если маску ты сорвёшь –
 Я не пойму.
 И снова беспросветно врешь!
 Себе, всему...

Всему, что было, но прошло,
 Что давит грудь.
 Дорогу снегом замело –
 Не повернуть.

И всё бы было просто класс!
 Но вот беда:
 Несётся время мимо нас,
 Как с гор вода!

И не догнать, не удержать –
Несёт поток!
Вот и осталось лишь писать
Письмо меж строк...

МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ

Зачем Вам знать, как я живу
И что я думаю при этом?
Вам не понравятся ответы...
Зачем Вам знать, как я живу?

Зачем Вам знать кого люблю?
О ком моё сердечко бьётся?
Да что Вам всё ни как неймётся?!
Зачем Вам знать кого люблю?

Зачем суёте всюду нос?
Шутя, как будто понарошку,
Подставить вовремя подножку?
Зачем суёте всюду нос?

Зачем Вы ищете подвох?
Кто лжет – другим не доверяет
И бесконечно проверяет.
Зачем Вы ищете подвох?

Мне очень жаль Вас огорчать,
Но я люблю и я любима,
И все уколы Ваши мимо.
Мне очень жаль Вас...

ПТИЦА

Одиноко парит над землёй белоснежная птица.
То вздымается ввысь, а то камнем пикирует вниз.
Всё кружит и кружит, словно ищет знакомые лица
И в последнем витке, вдруг на мой опустилась карниз.

Я стою чуть дыша, неземным опереньем любуюсь.
– Что ты делаешь здесь, совершенное чудо весны?
И она в тот же миг, точно мыслям моим повинуюсь,
Долгим взглядом пронзительным молча спросила: – А ты?..

ВИДЕНЬЕ

На землю падал первый снег... кружил, искрился.
Под ноги людям шалью белою ложился.
А небо – нежный абрикос – такое диво!
И все деревья в шубах белых – так красиво!

И вот внезапно над землёй, над крышей дома
Храм появился чудный, дивный, незнакомый.
Он был огромный, тёмно-серый с куполами,
Бойницы, звонница и башенки с крестами.

Минули праздники святые и Крещение...
О чём кричали небеса таким виденьем?!

ВОТ И ВСЁ

Вот и всё. Сердце больше не мается.
Все расставлены точки и всё ж
Так отчаянно сопротивляется
Между строчек зависшая ложь.

Все ответы получены, вроде бы,
И слова так правдиво звучат,
Только корчится, словно юродивый,
Наш обман, избежавший меча...

РАССВЕТНОЕ

Рассвет. Чуть прохладно и сыро.
И день, словно маленький ужик,
Свернулся колечком, лениво
Лакая прохладу из лужи.

Туман, просочившись сквозь кроны,

Насытил росой поляну.

И живность спугнув, полусонно

Разлётся, как облако пьяное.

Луч солнца, решимостью полный,

Раскрасил туманность рассвета.

Разлился, разбух, будто волны -

Проснулось июньское лето!

ЗАРОК

Возвращается славный воин Никита с войны на родную сторонку. Столько смерти лютой насмотрелся, что дал себе зарок: никого в своей жизни не убьет, не изувечит.

Повела его дорога через степь широкою, вольную. Присел Никита отдохнуть. Видит, змея огромная шипит и извивается, как будто укусить хочет. Выхватил он меч, размахнулся, но вовремя зарок вспомнил. Убрал Никита меч, пригляделся, видит: хвост змеи в расщелине застрял. «Вон оно что... правду говорят, зверь – не человек, так просто не нападает». Освободил он змею, отползла она и говорит:

– Спасибо тебе, молодец, что освободил меня, при случае я тебя отблагодарю.

С тем и уползла. Отдохнул Никита и дальше двинулся. Посреди степи дуб высокий стоит. Глядит: возле дуба орёл кружит. Подошел Никита ближе, видит: птенец орла из гнезда выпал. Хотел Никита мимо пройти, да вновь свой зарок вспомнил. Поймал

он птенца и посадил обратно в гнездо. Подлетел к нему орел и говорит:

– Если б не ты, пропал бы мой птенец. На земле он легкая добыча для любого хищника.

Я добра не забываю, случай представится – выручу.

Поклонился орлу Никита и дальше отправился. Идёт через лес, слышит: скулит кто-то. Глядит – а то волк в капкан

попал. «Славная добыча», – думает, но снова зарок вспомнил. Освободил волка и дальше пошел. Догнал его волк и говорит:

– Спасибо тебе, добрый человек, случай представится, я тебя отблагодарю.

Пришел Никита в город, идёт к воеводе царскому полный расчет получить. Говорит ему:

– Отслужил я свой срок отпущенный, навоевался досыта, слава Богу, живой остался. Пришел расчет получить, отпусти меня с миром.

Воевода хоть и знает, что пора Никиту с царской службы отпускать, да жаль ему хорошего воина терять. Говорит он Никите:

– Хорошо, богатырь, отпущу тебя домой со всеми почестями. Выполни одно пустяковое дело и ступай куда глаза глядят. Только запомни: не справишься с заданием – ещё три года служить будешь.

Смекнул Никита, что хитрит воевода, да служба есть служба. Воевода усы погладил и говорит:

– У царя соседней державы есть чудесный жеребец огнегривый. Приведи его нашему царю-батюшке, он давно о нем мечтает.

Много ли, мало ли времени шел Никита, привели его ноги к царю соседней державы. Поклонился Никита царю и передал просьбу воеводы. Царь от возмущения глаза выпучил, но быстро успокоился и говорит:

– Табун коней в поле, на выпасе. Сумеешь нужного жеребца отыскать до полуночи – он твой, не справишься... пеняй на себя.

Привели слуги Никиту в поле. Бродит он среди жеребцов, все они как один огнегривы. До вечера искал, совсем было отчаялся: пробьет полночь, и придется ему возвращаться ни с чем. Глядит: стали кони копытами бить да разбегаться. Отделился от табуна один жеребец, к нему скачет. За ним волк бежит, коня пригнал и говорит:

– Теперь мы с тобой в расчете, прощай, богатырь!

Поймал того коня Никита. Жеребец копытами бьет, из глаз искры летят, из ноздрей пар валит, грива огнем пылает!

Дал Никита коню овса, гриву расчесал, шкуру почистил, копыта подковал. Говорит ему конь:

– Спасибо тебе, богатырь. Уж сколько лет служу я своему господину, а добра и ласки не видывал. Буду я тебе служить верой и правдой!

Обнял Никита коня и отвечает:

– Рад бы я тебя оставить, да не могу. Царь-батюшка мечтает иметь в своём табуне такого коня, как ты. Слово я дал, а слово воина крепче купеческого будет.

– Хорошо, – говорит конь, – коли дал слово, держи, а я, если понадобится, сам себе хозяина выберу.

Привел Никита коня воеводе. Тот нарадоваться не может! Оглядывает его со всех сторон, по бокам бьет, в пасть заглядывает. Надел уздечку да стегнул коня кнутом. Конь взвился – только его и видели!

Рассвирепел воевода, кричит:

– Что я теперь царю докладывать буду! Убежал твой конь! Теперь, чтоб царя умилостивить, принеси ему меч Великого Мастера. Слышал я, в народе зовут его «Всевидящее Око». Царь давно о нем мечтает. Ступай, если не справишься, не сносить тебе головы!

С тем и ушел Никита. Долго брёл он по большому тракту, остановился у развилки дорог, куда дальше идти, не знает. Развёл костёр, а сам думает: «Эх! Был бы со мной чудо-конь огнегривый рядом, веселей было бы!» Только успел подумать, видит: летит конь, огнем пылает, копытом стучит! Встал рядом и говорит:

– Как видишь, я сам себе хозяина выбрал! Отныне ты мой господин!

Обнял Никита коня, как брата родного, да рассказал, что велел ему воевода. Подумал конь и говорит:

– Есть такой меч, вещь редкостная. Находится он у восточного падишаха аль-Фараби, и достать его будет

непросто. Садись на меня, хозяин, по дороге что-нибудь придумаем.

Скоро очутились они в государстве аль-Фараби. Домчались в столицу на базарную площадь.

Говорит конь:

– Захотят меня купить слуги падишаха, продавай, а я сделаю так, что ты при мне останешься.

Обступили их люди со всех сторон, на чудо-коня любуются. Подошли слуги падишаха и стали с Никитой торговаться. Договорились, хотят уздечку на коня надеть, да не тут-то было! Конь на дыбы встал, из глаз искры летят, из ушей пар валит! Народ в испуге разбежался. Взял Никита и надел на коня уздечку. Просят его слуги при коне остаться, а Никите того и надо! Подумал он для виду и согласился за отдельную плату.

Поместили жеребца огнегривого в отдельной конюшне, а Никиту назначили конюхом. На другой день показали коня падишаху. Давно он мечтал этого коня иметь. Радует падишах своей удаче. «Только, – думает, – как огнегривый жеребец в наших краях объявился?» Достал падишах меч Великого Мастера. На рукоятке меча рубин огнем горит. Повернул он камень, и открылась картинка. Узнал аль-Фараби, как Никита коня добыл, как приказал ему воевода украсть меч Великого мастера. У падишаха глаза кровью налились от такого коварства. «Ну что ж, – думает, – видимо, надоело воеводе жить в мире! Придется его проучить!»

Хлопнул аль-Фараби в ладоши и приказал слугам:

– Завтра, на восходе солнца, отрубить конюху Никите голову!

Аль-Фараби слыл очень кровожадным. Любил смотреть, как расправлялись с неверными. Когда на утро приволокли Никиту, он решил самолично его казнить. Забавы ради орудием казни выбрал меч Великого Мастера.

Поднял Никита голову в последний раз взглянуть на ясное солнышко, видит: летит орёл прямо к нему! Налетел на падишаха, как вихрь, выхватил меч и был таков! Аль-Фараби

руками машет, ногами топает, кричит! В этой суете огнегривый жеребец высвободился из конюшни, прискакал к Никите и унес его на родную сторонущу.

Остановились они на опушке леса. Глядит Никита: летит к ним орёл, в когтях меч держит. Положил меч Великого Мастера под ноги Никите и говорит:

– Теперь мы с тобой в расчете, прощай!

Вертит Никита меч в руках. На рукоятке глаз рубиновый светится.

– Ну и что ж в нём особенного? – спрашивает у коня.

Отвечает ему конь:

– А ты поверни камень и увидишь, чем он особенный.

Повернул Никита рубиновый глаз, и предстала пред ним картинка. Увидел он всё, что произошло после бегства из царства падишаха, а ещё он увидел, что аль-Фараби готовит войска, на его родную державу напасть собирается. Задумался Никита и говорит:

– Это ж сколько крови невинной прольётся? Надобно немедля предупредить царя о готовящейся войне!

– Так-то оно так, – отвечает ему конь, – только придется тебе отдать царю меч Великого Мастера, а через него он узнает, что я тебе служу. Разгневается царь, тогда не сносить тебе головы!

Глянул Никита на меч Великого Мастера:

– А ну как я у него спрошу совета, – говорит.

Повернул Никита рубиновый глаз, появилась картинка. Увидел Никита, как мастер изготовил не один меч, а два. Один был подарен падишаху, а другой запрятан глубоко под землей, в тёмной пещере.

– Я знаю это место! – вскричал конь, – Садись быстрее на меня!

Не успел Никита опомниться, как очутились они в горах, перед входом в пещеру. Огнегривый жеребец остался охранять меч, а Никита полез в пещеру. Чем дальше он шел, тем уже становился проход. Скоро даже ползком продвигаться стало невозможно. Собрался Никита возвращаться, видит: ползет мимо большая змея, уползла

вглубь пещеры и возвратилась с мечом в пасти. Положила меч рядом с Никитой и говорит:

– Теперь мы с тобой в расчете, прощай!

Воротился Никита к коню, несёт в руках меч, точную копию предыдущего, только глаз у него не рубиновый, а изумрудный.

Повернул Никита камень, появилась картинка. Подступили войска аль-Фараби к самой границе его державы. Выезжает на огнегривом жеребце воин с двумя мечами.

Поднял он мечи над головой рукоятками вверх и соединил их крестом. Вспыхнула молния, и всё исчезло.

Отложил Никита меч и говорит:

– Понял я, что нужно делать, чтоб войны не было, только невдомёк мне, куда войско падишаха подевалось?!

Конь головой машет:

– Поверни зелёный камень, и узнаешь!

Так и сделал Никита. Видит, всё войско разбрелось по домам. Аль-Фараби и думать позабыл воевать, сидит на подушках и забавляется с котёнком белым.

Вскочил Никита на коня и мигом очутился на границе своей державы. Поднял он мечи перед войском падишаха, и оно исчезло, как и не было!

После этого наступил в стране мир и покой.

Схоронил Никита оба меча подальше от людских глаз. Что было, человек и сам знает, что будет, время покажет. Коня отпустил на волю вольную, а сам домой воротился к любимой жене да детушкам. Тут и сказке конец, а кто слушал – молодец!

*Виолетта
Руденко*

ТЫ ЖИЛ В КЕРЧИ? ТЫ ПОМНИШЬ ЭТОТ ГОРОД?

Ты жил в Керчи? Ты помнишь этот город,
Где семь ветров по лезвию свечи
Заката сладким ядом мандрагоры
Стекают в рощу спелой алычи?

Ты был хоть раз на склонах Митридата,
Где травы устилают колыбель
Могилы неизвестного солдата,
Обретшего здесь вечную постель?

Ты пил рассвет? Ты слышал запах моря,
Ленивых всхлипов утреннюю блажь,
Где солнце вкусом пряного кагора
Свой цедит свет сквозь облаков витраж?

Ты видел, как ложатся в воду чайки,
Спускаясь креном в левое крыло?
Как стонут в пене жалобно-печально,
Морское грудью проломив стекло?

Ты видел степь под алой дымкой маков?
В ромашковой кудрявости закат,
Где ласточки кружат свое легато
Над миром двадцать шесть веков подряд?

Ты гладил шёлк морской травы на камнях,
 Отточенных солёной влагой волн?
 Ты чувствовал, как тихо, в вечность канув,
 Пророс седой полынью скифский холм?

Ты любишь Керчь? От края и до края
 Она сквозь душу веной пролегла,
 И я её из памяти вскрываю
 Осколками грифонова крыла...

Я ДЫШУ, ПОНИМАЯ, ЗИМА ПОТИХОНЬКУ К ФИНАЛУ...

Обнажилась земля неожиданно как-то и тихо,
 Показавшись без грима костлявей, чернее лицом.
 В талых впадинах луж неба блёклого неразбериха,
 Отражение мокрого снега с холодным дождем.
 Я болею, в плену одинаковых дней оказавшись,
 Словно время-петля задушила, сомкнулась кольцом.
 Ощущаю себя то ли Ангелом, с неба упавшим,
 То ли птицей замёрзшей, с поломанным хрупким крылом.
 Я дышу, понимая: зима потихоньку к финалу,
 Но порою накатит такая Вселенская грусть,
 Что натянутый нерв, как струну, разогрев до накала,
 Рву на части у сердца, руками не чувствуя грудь.
 Я смотрюсь по утрам в обнажённость зеркал за спиною,
 Где пониже лопаток щемит и алеет рубцом
 Завязь рвущихся крыльев, сквозь тонкую кожу на волю,
 Прорезая, как лезвием плоть мою чёрным пером.
 Я устала давно от Земли, и я чувствую Неба
 Вкус Свободы пьянящий и терпкую вязь облаков,
 Где нет смены времён, где пронзительной высью воспето
 Безупречное чистое чувство – земная Любовь!
 Накануне весны помолюсь Иоанну Предтече,
 Если в сердце надежда – то Бог, безусловно, простит!
 Взмах крыла! И взлетаю я в небо легко и беспечно,
 Оставаясь как в детстве – наивной и чистой навзрыд...

СМАКУЯ ОСЕНЬ

Превозмогая боль, полёт свинцовых туч,
 По небу, пресекая грань разрыва.
 Меж летом, угасающим стыдливо
 И осенью, которую вдохнуть
 Так хочется, расправив легких ширь,
 Приняв шторма, как дар, как панацею...
 Над керченским проливом кровью рдеет
 Закат, огнём полнеба взворошив.
 Капризен август... Он не сыплет звёзд.
 Лишь чайки, в воду обрываясь камнем,
 Кричат о чём-то жалобно-печально
 И пеной укрываются внахлест.
 Когда ветра устанут в спину дуть?
 Знобит от бесконечности норд-остов...
 На жухлой простыне степных покосов
 Теряется тропы бегущей глубь
 Неявный след, затопленный дождём...
 Живя в ловушке собственных амбиций
 Уходит лето. Так... Без репетиций...
 Прикрывшись покосившимся жнивьём,
 Как саваном. Горит степной закат.
 И будоражит мысли неизбежность
 Я где-то там свою забыла нежность,
 Смакуя осень сладко. Как мускат...

НЕПОСТОЯНЕН МОЙ ОКТЯБРЬ, КАК ВЕТРЕННЫЙ ЛЮБОВНИК...

Линялым скомканным платком
 Повисло в небе утро.
 Смотрю в осенний хрупкий мир
 Из заспанных окон
 Сплелись деревья нагишом,
 Ну, чем не Камасутра?
 Вот, обнажился сразу, вмиг,

Вчера одетый клён.
 Непостоянен мой октябрь,
 Как ветреный любовник...
 Плеснёт на сердце синева,
 Поплачется дождём...
 А вот бросает очертя
 На мокрый подоконник
 Охапку высохшей листвы –
 Моих сомнений сонм.
 Вчера под вечер целовал,
 Ласкал лучом закатным,
 А ночью сжёг любви алтарь
 И листьями поник...
 Он просто выгорел дотла,
 Легко и безвозвратно.
 Непостоянен мой октябрь,
 Мой ветреный жених...
 А мне расплатой за грехи –
 Холодные рассветы.
 Коротких сумерек глоток
 И заморозков дрожь.
 Но всем обидам вопреки,
 Как медная монета,
 Упал в ладонь мою листок –
 Его святая ложь...

МОЙ ПУШИСТЫЙ ЦВЕТОК ОДУВАНЧИК

Мой пушистый цветок одуванчик
 В бесконечность степного простора,
 Милый, робкий нетронутый мальчик,
 Пусть, ещё не познавший любви,
 Улетает. А как же иначе,
 Если лето пленительно скоро?
 В облаках, возносясь вертикально,
 Он теряет соцветья свои,
 Словно девственность! Словно впервые,
 Окунувшийся в Лоно Свободы!

Если небо высоко и сине?
 Если чувства зовут и зовут?
 Если солнце над Миром поныне
 Ходит в небе, не ведая броду,
 Это значит – Любовь негасима
 И не станет преградою Путь!

БАБЬЕ ЛЕТО

Притих октябрь. Ни шороха. Ни звука.
 Лишь хрупкий лист, сорвавшись с высока,
 Вбирает тишину в себя, как губка
 Асфальта темноту черкнув едва.

Уснул бульвар при свете полнолуны,
 Разлившемся, как сладкое глясе
 По улицам и старым переулкам,
 В осенней утопающих росе.

Стекает ночь с ветвей лимонных клёнов
 И тает, словно мятный леденец
 Во вкусе поцелуев губ влюбленных.
 Октябрь – лета бабьего венец...

Такси шуршит наощупь, близоруко,
 Блуждая светом одиноких фар
 И кажется, что в мире нет разлуки
 И кажется, что осень – Божий дар.

МОЕЙ ЛЮБВИ ЗА УПОКОЙ...

Сегодня выпал первый снег,
     белей фаты, дитя невинней,
 Укрыл лежалую листву
     своей стерильной чистотой,
 Карнизов вычурную вязь
     завесил хрупкою лепниной.
 Сегодня падал первый снег...
     Моей любви за упокой...

Спускались Ангелы с небес,
 звучал и скорбно и печально
 Оркестр метели, в проводах
 звенел надрывную струной.
 На комья мёрзлые земли
 всё сыпал, сыпал снег отчаянно...
 Сегодня падал первый снег...
 Моей любви за упокой...

Забинтовал на сердце брешь.
 Мою? Твою? Скажи, надолго ль?
 Шагнуть в январь? Остаться здесь?
 Забыться? Слиться с белизной?
 Давай немного помолчим
 перед последнею дорогой...
 Сегодня падал первый снег...
 Моей любви за упокой...

Куда уводит нас зима?
 Скажи, в какие переулки
 Вселенной? Где переплелись
 однажды нитями с тобой?
 Я замерзаю, и меня
 уже твои не греют руки
 Сегодня падал первый снег...
 Моей любви за упокой...

Давай помянем Старый год!
 И над свечой сожжём страницу
 Судьбы. Похоже, Бог писал её
 с хмельною головой...
 Я ухожу из декабря,
 меж нами проведя границу.
 Сегодня выпал первый снег...
 Моей любви за упокой...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Как-то так случилось, что в жизни моей всегда имели место маленькие веселые случаи. Может быть, кому-то они и покажутся серыми и обыденными, но многие из моих знакомых и друзей кому я их пересказывала, хохотали до слёз. А что, если дело только всего лишь в том, КАК их надо донести до слушателя? Считая, что до мастера эпистолярного жанра мне, ещё как «до Киева пешком», я решила испробовать свой «тонкий английский» юмор на вас, мои дорогие читатели.... Итак, приступим!

Дело было во времена, когда отключали воду, свет и газ одновременно. В один из таких вот «счастливых» дней моя шестилетняя в то ещё время дочь решила развлечь семью «умными» разговорами, а заодно и скоротать тёмный и холодный осенний вечер.

– Мама! – радостно воскликнула она, забираясь на колени отчима вместе с подушкой, одеялом и, пыхтя от напряжения, так как надо было пристроить всё это на небольшом пространстве, серьёзным тоном начала:

– Давай будем в школу играть! Я как будто ученица, а ты, мамочка, учительница!

– Хорошо, – говорю я. – Ну и как начнём?

– Ну как же, мамочка! Ты будешь мне вопросы задавать, как на уроке, а я отвечать! Ладно, мамочка?

– Окей! – сказала я, думая, о чём бы таком у неё спросить... На ум ничего приличного не приходило, поэтому спросила первое, что явилось мне в голову:

– А скажи-ка мне, дочь моя, какие марки машин ты знаешь?

«Ученица» усиленно напрягла мозги, запыхтела, закрутилась, заворочалась и, после паузы, радостно-недоумённым тоном, как будто-то, что она сейчас скажет и есть единственный и правильный ответ, причём, типа «это само собой разумеется», произнесла с гордостью:

– Мерседес, Волга и ... МАРШРУТКА!!!!!!

Мы с мужем посмеялись от души, поэтому следующий вопрос я задала с любопытством, и мы замерли в предвкушении ответа:

– А теперь, скажи, какие ты страны знаешь?

Теперь она задумалась надолго... Казалось, в темноте я даже слышу, как шевелятся от напряжения ее развивающиеся детские извилины. Но вот раздался вздох облегчения и она с гордостью за себя и всё человечество в целом изрекла:

– Америка! Лос-Анджелес! И... ЧЕЧНЯ!

Вот что значит, детям смотреть новости по телевизору!

Керчь. Остановка автобуса под названием «Кинотеатр «Луч». Начало девяностых. Время обновлений и хаоса и не понять чего. Устанавливают новые металлические каркасы автобусных остановок. Вкапывают нижнюю часть в гравий, а что будут дальше делать, ещё никто не знает. Наша – ещё не вкопана. Стоит непокрашенная прямо на острых камнях. По центру её, вдоль, на полу стяжка из металла, чтобы не разваливалась и была устойчивее. Ждём транспорта. В качестве развлечения дочь пробует себя в искусстве «канатоходства» По тонкому металлическому пруту толщиной в сантиметр, балансируя руками и дрожа коленями, пробует преодолеть пространство до выхода. Рядом охает бабуся, дед с палкой смотрит, не отрывая взгляда. Я нервничаю:

– Смотри, упадёшь, побьёшь в кровь колени! Камни острые!!!

Ноль эмоций. Я опять то же самое. Ничего в ответ, только усердное сопение. Всё-таки падает!!! Коленка разбита, больно!

– Ну, что? Доигралась? Почему маму не слушала?

– Это ты виновата! Ты! – громко и брызгая слезами в разные стороны, плачет, – И зачем же ты меня на свет родила, С НОГАМИ ТАКИМИ КОСОРУКИМИ???

Аргентина. Дочь учится где-то в пятом классе аргентинской школы. Учится хорошо, точнее, даже отлично, но некоторый отличия в подаче материала и сложности заданий, это есть главная отличительная особенность наших

и аргентинских школ. Поэтому некоторые пробелы в знаниях я считаю где-то и нашей с мужем виной – о чём-то не рассказали вовремя, о чём-то забыли, что-то просто не пришлось к слову....

Собственно история:

Путь из школы домой. Разговоры о том, о сём... Вот и коснулись темы, что дочь кого-то там не узнала. Муж, к слову, рассказывает анекдот про Брежнева и Рокфеллера. Когда американский миллиардер звонит нашему генсеку по телефону из Америки, а наш с присущей ему «забывчивостью» говорит:

– Кто-кто говорит??? Рокфеллер??? А-а-а-а! Я-то сразу и не узнал!!! Как говорится, богатеньким будешь!!!

Здесь пауза и ожидание реакции на анекдот. Реакции нет никакой. Вообще! Ноль!

Муж мой пытается как-то выяснить, поняла ли что-то, и спрашивает:

– Лизонька! А ты-то знаешь кто такой Рокфеллер?

– Конечно, знаю! – говорит она невозмутимо и с полной уверенностью. – Собака!!! А кто же еще?

Кто такой Брежнев мы у неё уже не спрашивали.... Заранее было стыдно услышать ответ.

ПОЧЕМУ МНЕ НЕ ИДУТ ПАРИКИ

рассказ-ирония

Однажды начав излагать на бумаге некоторые истории из моей жизни, я подумала, что, может быть, наступят времена, когда историй этих наберётся на небольшую книгу. А может вас, дорогие читатели, будет так много, что станет моя книга известным бестселлером, а я известной писательницей...

Вы знаете, почему мне не идут парики? Или, во всяком случае, мне так кажется? А потому, что именно с ними у меня связаны всякие курьёзные случаи. Как говорится, не ищи приключений – они сами тебя найдут...

Мне так хотелось купить себе сие украшение для головы, что сил просто не было! Я думала об этом, холила и лелеяла эту замечательную по своей сути идею! Представляла, как изменюсь до неузнаваемости (здесь простите за тавтологию), водрузив на себя это чудо! Цвет, длину волос и фасон причёски я примеряла в своих фантазиях, пробуя различные варианты!

И... наконец-то, я приобрела то, о чём так долго мечтала! Я чувствовала себя королевой! Или нет! Принцессой! Волос на голове сразу стало в два раза больше, как и моей уверенности в своей неотразимости...

...Был ветренный осенний день. Точнее, с утра он не был таким мерзким, но к вечеру стал совсем противным ...Ветер гнал засохшие листья, прятался в тёмных закоулках дворов, чтобы потом внезапно вырваться на свободу и нервно забрызгать ледяным дождём в лицо. Это была бы не я, чтобы в такой вот беспокойный день не надеть шляпу с полями! Да! И не только её! Под низ я бережно водрузила свое ненаглядное «украшение»! Шляпа была новая, подаренная мне кем-то. Не помню кем, но очень красивая, фетровая, и, похоже, всё-таки мужская. Меня это совсем не пугало, так как фасон уж очень был мне к лицу! Правда, даритель с размером не угадал, и только сверху парика она на мне держалась более-менее прочно. К окончанию рабочего дня я поняла, что с головным убором в этот день всё-таки не угадала. Ветер усиливался с каждой минутой, надо было ещё добраться домой, шляпа держалась «на добром слове» а в руках ещё были сумки. Каковым было мое счастье, когда меня окликнул кто-то из знакомых и предложил подвезти!!! О-о-о! Я понимала, что теперь-то я домой доберусь без приключений. Но не тут-то было!

Чтобы меня высадить, водитель затормозил недалеко от автобусной остановки. Движение в вечерний час было оживлённое, машины двигались одна за одной. Я предприняла первую попытку вырваться на волю, но судьба распорядилась иначе. Точнее, даже не судьба, а ветер! Он залетел под поля моей шляпы, потрепал её, и цепко схватил

за края! Дёрнул раз, другой и потянул за собой всё вместе!!! Я хватала руками воздух, но смогла спасти только ускользающий парик и то, случайно успев поймать его за тонкие волосинки! А шляпа!!! Моя шляпа парила!!! Она планировала над землёй, как инопланетный корабль. Ну, не головной убор, а просто летающая тарелка!

Какой невнимательный мужчина, оказался водитель машины!!! Он нисколько не расстроился вместе со мной! Он просто сидел и хохотал! Нет!!! Он не просто хохотал, как ненормальный! Он катался по полу от смеха! Я пыталась вернуть парик на «насиженное» место, точнее, нагретое, но никак не получалось! Короткие резкие и судорожные движения не приносили толку! Парик съехал на один глаз, мои собственные волосы выбились из-под него и торчали во все стороны светлыми растрёпанными пучками. Я с ужасом в глазах, елозя по голове обеими руками, пыталась как-то исправить положение, но приходилось всё время оглядываться, косить глазами назад, пытаясь определить траекторию полёта «шляпно-инопланетного» корабля! О, Боже!!! Я почти плакала, увидев, что она, моя новая прекрасная шляпа, плавно спланировала прямо на центр дороги под колёса спешащих автомобилей!!! И все подряд, кому не лень весело сигналили и не отказывали себе в удовольствии по ней проехаться!!!

Не-е-е-т! Есть всё-таки добрые люди на свете! Надо мной сжалились. Кто-то поднял расплющенный блин моей безнадежно испорченной шляпы и сунул его в окошко... Вылетев пулей из машины и бережно прижав одной рукой к груди раздавленную шляпу, а другой растрепанный парик к голове, надетый чуть ли не задом наперёд, я на всех парах побежала к своему дому...

И навсегда для себя придумала новое правило: даже если нет ветра, то ВСЕГДА пристегивай, прикалывай к голове такое скользкое украшение, как парик! Иначе, предстанешь на публике в весьма неприглядном виде.

Прошла зима... А вместе с ней миновали, стихли ветры... Потеплело. Повеселела природа, оделись деревья, и

разделись люди... Мне, как и любой женщине захотелось поразительных и приятных перемен не только в настроении, но и во внешности! Но!!! Правило, которое я приняла осенью, я неукоснительно соблюдала!!!

Была у меня подружка Ирка. Хорошенькая такая. Миниатюрная. Модница! А у Ирки тоже был парик. Но не такой, как у меня. Другой. И решили мы с ней поменяться! Как говорится, на свою голову... Понимать можно прямо-таки буквально... Прекрасный у Ирки был парик! Длинный! Кудрявый! Только вообще не расчесывался. Но – очень красивый! А мой.... Надоел он мне..... А Ирке – свой..... Вот и нацепила я её «украшение». И пошла на работу. Только не дошла. Точнее дошла, но опоздала. А история была такова...

Денёк майский выдался тёплый. Хотелось дышать и радоваться жизни. Зеленели деревья, отрастив новые ветки. Опять-таки, на мою голову, что ещё сказать? В моей памяти ещё свежо было воспоминание об улетающем парике и парящей шляпе. Вот я и прицепила Иркин парик к своей голове намертво. Ну, не гвоздями, конечно, прибила, а заколками со всех сторон приколола. Да так крепко, и ещё в накрепко закрученные синтетические кудри, которые не разодрать никакой расчёской! И пошла себе пешком, вся такая модная и в новом имидже. Ну, иду себе, солнышко светит... Я – вся из себя очень красивая. Просто обалденная! Во всяком случае, тогда мне так казалось. В Иркином парике, в котором меня ещё никто не видел. Предвкушаю восхищения и жду реакции коллег. Только не суждено было мне дойти на работу по-человечески. Как все! Без приключений!

Шла я себе, шла, да и зашла головой в дерево! Точнее, не в дерево, а в его ветки! И прямо перед автобусной остановкой, где томилась толпа людей, стояла в ожидании автобуса! А выйти из веток – не могу! Застряла! Головой в парике! Все ветки в ней запутались.... Вырваться никак – волосы-то не свои! Иркины! Рвать жалко и возвращать ведь парик надо! А достать вот так, просто, не получается! И снять его нельзя! Стыдно ведь! Вот и стою, распутываю. А

люди смотрят. Заинтересованно и молча. Сочувствуют видимо.... Но никто не помогает. Ждут результата! Как-то объединились все энергетически в предвкушении развязки. А я упорная оказалась! Вырвалась, так сказать, из древесного плена! Минут через пятнадцать. И пошла себе дальше королевой! Типа – гордая я и неприступная. И подумаешь-то!!! Разве что-то произошло???

Только парики я больше не ношу. Не идут они мне.... Во всяком случае, ТАК мне теперь кажется. Но это ещё не всё! Про остальное потом напишу. Позже.

*Александра
Винеглазова*

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

*«Сон-это приоткрытая дверь.
Лазейка в иные сферы восприятия.
Это не то, что происходит с нами в то время,
когда мы спим...»*

Карлос Кастанеда

Я стою перед зеркалом в незнакомой мне комнате и всматриваюсь в своё изображение. И вижу, что по правую сторону от меня начинает проявляться какое-то очертание. Всё яснее и яснее. И вдруг, я совсем чётко увидела мою маму. Она была гораздо моложе, чем при последних годах жизни. Не более 55 лет. И смотрела на меня с изумлением, интересом и удивлением – человека, которому позволили взглянуть на меня...

Я оглянулась, а сзади никого. Я вновь посмотрела в зеркало-и вновь вижу мамино изображение. Оглянулась – нет. Я испугалась, выскочила из комнаты в длинный коридор. А в конце коридора СВЕТ и кто-то бежит к этому свету. Я испугалась, закричала, а потом подумала, что ж я испугалась, это же моя мама.

Вернулась в комнату и вновь встала перед зеркалом. Всматриваюсь. Справа стало вновь проявляться очертание лица, размыто, затем чётче и чётче. Думала, что опять увижу мамочку, а нет. Это было строгое лицо моей бабушки. Смотрю на неё и не хочется оглядываться. Боюсь, оглянусь, а

изображение, как и в тот раз исчезнет. Но любопытство взяло верх и я оглянулась.

Я увидела у стены стол, а за столом сидит моя бабушка-мамина мать. Она была всегда строга с нами. И я не припомню случая, чтобы она хотя бы раз меня поцеловала, приласкала.

Но она была очень добрым человеком. Родила семерых детей, шестеро выжили. Жили в деревне, дед работал кузнецом и промышлял охотой. А бабушка работала в колхозе и занималась домашним хозяйством. И хотя накормить такую «ораву» было нелегко, но никогда не отказывала нищенке, которая заходила в дом. И всегда говорила: «Где восемь тарелок супа, там и девятая найдётся!»

Сколько помню себя с детства, бабушка всегда сама лечила нас от разных болезней: испуга, порчи, сглаза, лишая, которым мы часто болели, так как, как и все дети любили животных и постоянно с ними играли и со своими домашними и с бездомными...

Помимо нас, она лечила и других людей от разных болезней, знаю, что и заикание бабушка лечила и много чего она знала... Но специально этим никогда не занималась. И денег с людей она никогда не брала. Прожила она девяносто лет и умерла легко и быстро. И сама не мучилась и никого не мучила...

Оглянувшись, увидя её, я как бы и не удивилась, что мама и она вместе. Я прекрасно осознавала, что это СОН! И тогда спросила: «Бабушка! Скажи! Где лучше? У Вас или у нас?»

Посмотрела строго и ответила не спеша и с достоинством

– У НАС ЛУЧШЕ!

Я проснулась, но меня ещё долго не покидало ощущение реальности этой встречи.

Андрей

Синеглазов

ОКЕАН СЛУШАЕТ ТИШИНУ

...Тёмный, огромный океан слушал и смотрел, боясь помешать. Он любил слушать. Он познавал людей, постоянно открывая в них всё новые и новые качества. Он наблюдал и молчал. Молчал миллионы лет, миллионы веков. Он видел как зарождалась жизнь на Земле, как появлялись и зарождались организмы, прародителем которых он был. Он видел как цивилизации сменяли одна другую, и каждая считала себя единственной и неповторимой. Он наблюдал и молчал. Даже во время шторма, тайфуна, цунами, он молчал. Лишь люди производили шум. Он, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ОКЕАН, молчал. Он был воплощением тишины и её прародителем. Он молчал и слушал...

ЗАКАТ

Порозовел небесный свод,
 Смотрю на огненный закат.
 На берегу лазурных вод
 Я Солнцем любоваться рад.
 Ярило-древнерусский Бог,
 Сложивши крылья над водой,
 Прощаясь с девственной землей
 Уходит вглубь, во тьму веков.
 Целует макушки дерев,
 Как будто губы нежных дев
 И шепчет им, что завтра вновь,
 Расправив крыл по небу кровь,
 Рассеет тьму, прогонит ночь

И та умчится рысью прочь.
 Нырнет в пучину черных вод
 И брызги тучей янтарей
 Окрасят светлый небосвод
 В цвета любви. И все добрей
 И краше станет. И людей
 Разбудят птицы, им невмочь
 Уж станет спать. Ушла ведь ночь!
 А та, укрывшись в глубине,
 Уснет на целый день во мгле.

МЕЧТА

Хочу гореть во тьме огнем,
 Рассеять злобы дикий мрак.
 Вздыматься огненным конём
 И дымной лавой течь в овраг.

Подняться утром в высоту,
 Стать облаком горячим днём.
 Осуществить свою мечту:
 Упасть к ногам твоим дождем.

Разбиться с дикой высоты
 И к морю побежать журча.
 Цветами украшать следы,
 Что ты оставишь у ручья.

Расти цветком, что манит глаз
 Один лишь взгляд ты мне даруй.
 И на руках твоих росой
 Запечатлеть свой поцелуй.

Но хватит грезить мне во сне,
 Холодным утром октября.
 Как ни печально это мне,
 Я всё еще люблю тебя.

Михаил

Чудновский

ЗЛО САМО «УКУСИЛО» СЕБЯ

эссе

И такое иногда бывает. Одним из подтверждений может послужить история протокола Ванзейской конференции. Той, что состоялась 20-го января 1942 года на вилле Марлир, расположенной возле озера Ванзее в южной части Берлина, на которой высокопоставленные офицеры SS и руководители третьего рейха разработали план реализации «окончательного решения еврейского вопроса», то есть полного уничтожения примерно 11-ти миллионов евреев, проживавших в Европе перед началом Второй мировой войны. Министерства и ведомства нацистской Германии, в той или иной степени участвовавшие в осуществлении адского замысла, получили копии зловещего протокола – их общее количество равнялось 30-ти.

Когда же неизбежность военного поражения гитлеровского режима стала очевидной, копии были уничтожены. Все, кроме одной, под № 16 – её недавно нашли в архиве Министерства иностранных дел Германии. Как же она уцелела? Исследовали данного вопроса пришли к выводу, что произошла «осечка», вероятно, из-за желания кого-то из чиновников МИДа после войны дискредитировать своего шефа Риббентропа.

Теперь циничным деятелям разного рода, пытающимся вопреки фактам отрицать Холокост, будет трудней заниматься фальсификацией истории Второй мировой войны. Зато ещё более окрепли позиции тех, кто понимает опасность для всего человечества любых проявлений ксенофобии, расизма и антисемитизма. Содействовать расширению круга сознающих это – долг всех честных людей.

РОМАНТИЗМ ЖИВЁТ

Всё сильнее весною солнце греет
 И души сумбурной лечит боль.
 Ищет взглядом алый парус Грея
 В море современная Ассоль.
 Мини-юбка, сигарета, чёлка...
 Нет, не гриновской Ассоли внешний вид.
 В глубь души открыта вздохов щёлка,
 И чуть слышно каждый говорит,
 Что нужны забота ей и ласка
 (Где ты, милый и надёжный друг?);
 Ждёт она осуществленья сказки,
 Что придёт во всём везенье вдруг.
 Внешне – грубость, а в душе – наивность,
 И всему приходит свой черёд...
 Зло пусть не надеется на хитрость –
 Романтизм вовеки не умрёт!

Анна

Чудновская

ЛИЦО

Его танк был подбит и загорелся. Павел открыл люк. Как командир, пропустил вперёд свой экипаж и, уже весь охваченный пламенем, выбрался сам. Что было дальше, – он не помнил.

Очнулся Павел в госпитале, весь в белом коконе бинтов. Лечился долго, мужественно перенося перевязки и процедуры, стараясь не кричать от боли. Когда же бинты, наконец, сняли, он попросил зеркальце у симпатичной медсестры Танечки. Таня зеркальце долго не давала, то говорила, что оставила в раздевалке, то, что ей срочно нужно делать уколы или отнести грелку в соседнюю палату. Но Павел настаивал. И Таня, протянув ему зеркало, быстро выбежала из палаты.

То, что Павел увидел в зеркале, вызвало у него шок: лица не было. Оно всё состояло из рубцов и шрамов. О человеческом лице напоминали только глаза. Он положил зеркальце на край тумбочки, отвернулся к стенке и больше не поворачивался. Ни, когда пришли делать уколы, ни, когда принесли ужин.

Немножко легче стало, когда в палате потушили свет. Он не спал, и представлял себе, как люди будут в ужасе отводить глаза от его лица, а сердобольные старушки

креститься и шептать вслед: «Жалко, такой молоденький...»
Ему ведь всего двадцать лет.

Жить не хотелось...

Утром ничего не изменилось. А ближе к обеду медсестра привела в палату врача – хирурга Ивана Андреевича, немолодого, с усталыми глазами. Он сел у кровати Павла на придвинутый кем-то табурет и махнул рукой медсестре: «Оставь нас, дочка». Помолчал, достал из кармана пачку папирос, вынул одну, размял её в пальцах, но, вспомнив, что находится в палате, положил обратно. Потом глубоко вздохнул и тихо произнёс: «Слышь, солдат, ты должен жить». (Врач всех военных называл солдатами, ибо это звание считал высшим). «За всех, кому не довелось, назло проклятым фашистам. У меня сын погиб в сорок третьем, пусть бы обожжённый, без руки или ноги, но вернулся. Жена умерла от голода в Ленинграде, в блокаду. В соседней палате вчера солдатик умер, совсем пацан, девятнадцать только было. Он перед смертью звал маму. Не спасли мы его, а тебя спасли, хоть это и нелегко было. И потом, медицина не стоит на месте, глядишь, через несколько лет врачи научатся и такое исправлять».

Он помолчал ещё пару минут, поднялся и направился к выходу. Но, уже взявшись за ручку двери, обернулся, повторил: «Живи, солдат». И тихо прикрыл за собой дверь.

Павел не шелохнулся, но глубоко задумался. Он вспоминал маму и сестрёнку Катюшку. Они погибли в начале войны. В их дом попала бомба. Об этом сообщил ему отец, который воевал на другом фронте. А потом и письма от отца перестали приходить. Его боевые друзья написали Павлу, где и когда он погиб.

Как живого, увидел Павел Юрку, с которым вместе учился в танковом училище, вместе воевали и, как мальчишки, постоянно спорили, чей танк лучше. Юрка сгорел в танке. Сёма – хохмач из Одессы, выбрался из горячей стальной машины, но тут же был смертельно ранен. На опушке леса похоронили санинструктора Машу Сивкову, которую за курносый нос и смешные косички бойцы звали

Манюней. «Да, врач прав, надо жить. Стиснуть зубы, но жить за них за всех, – погибших, умерших, замученных фашистами».

Поглощённый своими мыслями, Павел не заметил, как пролетел день. Когда он повернулся от стены, в палате уже зажгли свет. «Покурить бы, мужики», – сказал он хриплым от долгого молчания голосом. К нему быстро подлетел сорокалетний старшина, единственный ходячий в палате, которого все раненые, молодые ребята, звали «дядя Вася», ловко одной рукой (вторая была на перевязи) свернул самокрутку, прикурил её и, отдав Павлу, подмигнул: «Покури-ка моего, ядрёного. Из дому прислали. Против него любые папиросы «тьфу». Медсестра, было, сунулась в дверь палаты, но дядя Вася замахал на неё здоровой рукой, и она, быстро всё смекнув, тихонько удалилась.

Пока Павел долечивался, война окончилась. Его выписали из госпиталя, демобилизовали. После некоторых раздумий, Павел решил всё-таки ехать в родной город, хотя там его некому было ждать, как, впрочем, и в других местах.

Приехал он под вечер. Где похоронены мать и сестра – не знал. С непокрытой головой постоял возле развалин своего дома, потом пошёл в военкомат. Несмотря на поздний час, военком был на месте. Он бегло проверил документы. «Завтра в соседнем кабинете получишь продуктовые карточки». Всего на несколько секунд задержал взгляд на лице Павла, потом глянул на его вещмешок. «Как я понимаю, жить тебе негде?» – «Так точно!» – по военной привычке ответил Павел. «С жильём в городе трудно, половина домов в развалинах». Военком пошарил в ящике стола и протянул Павлу ключ. «Это от одной избушки на окраине города. Она, конечно, «на курьих ножках», в том смысле, что в плохом состоянии. Ну, да ты мужик, починишь. До тебя там жил лейтенант, но у него семья отыскалась. В эвакуации были. Он поехал за ними, сюда уже не вернётся, – поедут к родным жены. Так что, там и мебель кой-какая есть».

До избушки Павел добрался уже в темноте. Из мебели в комнате оказались госпитальная койка, застеленная серым

«больничным» одеялом, тумбочка и невесть как сюда попавший мягкий стул.

Павел поужинал сухим пайком, выданным в госпитале на дорогу, и лёг спать, чтобы ни о чём не думать и не вспоминать. Утром он по привычке проснулся рано. Выходить из дома не хотелось. Чтобы оттянуть этот момент, Павел решил сделать в домике уборку. Веник, тряпку и старое погнутое ведро нашёл в сенях. Воду принёс из речки, а на опушке леса обнаружил ручей с прозрачной чистой водой. Напился и набрал во фляжку. Когда избушка засверкала чистотой, Павел присел и задумался, что бы ещё такое сделать. Но решительно одёрнул сам себя: «Не хитри! Решил жить – так живи. Всё равно рано или поздно нужно будет выйти из дома: продовольственные карточки получить, отоварить их. Сухой паёк-то закончился».

Получив карточки, он заспешил к нужному магазину, чтобы отоварить их, но по дороге остановился на тихой пустынной улочке покурить. Пока закурился, случайно увидел своё отражение в окне. Шрамов на лице не было. Он удивился и не поверил. Но, на всякий случай, завернул на толкучку рядом с рынком и купил маленькое круглое зеркальце в клеёнчатом футлярчике. Шрамов не было!

Так вот почему встречные женщины не смотрели на него с жалостью, как он ожидал, а молодые даже с интересом поглядывали. Павел ничего не мог понять, но раздумывать было некогда, надо было спешить в магазин.

К двери магазина вилась длинная очередь. Последней стояла тоненькая коротко остриженная черноволосая девушка. Павел осторожно тронул её за плечо и спросил: «Я за вами буду?» Девушка обернулась и он вздрогнул: с худенького бледного личика на него смотрели огромные чёрные глаза. В них плескалась невысказанная и невыплаканная боль. Такие глаза он видел у женщин в освобождённых от немцев деревнях и у своих смертельно раненых боевых товарищей.

«Да, за мной», – сказала девушка и быстро отвернулась. Павел отоварил карточки, сделал ещё кое-какие необходимые

дела и домой вернулся, когда было уже темно. Ему захотелось ещё раз увидеть своё лицо. Он поколебался и достал зеркальце. Шрамы и рубцы были на месте. «Увы, чудес не бывает», – подумал Павел даже с каким-то облегчением. Он положил зеркальце в тумбочку, чтобы больше его никогда не доставать.

На следующий день снова бродил по городу. Нужно было найти работу, купить кое-что по хозяйству. На одной из улиц его внимание привлекла полустёршаяся вывеска: «Мужские и дамские головные уборы» и, чуть ниже, мельче: «Михельсон и сыновья». Павел вспомнил, что до войны все в городе знали этого говорливого и весёлого еврея, Абрама Михельсона. Даже беззлобно подшучивали над его вывеской, потому что сыновей у Михельсона не было. Когда ему говорили об этом, он хитро прищуривался: «Зато у меня есть пять дочерей, а значит, и пять зятьёв. Так я вам скажу: они мне таки как родные сыновья». И весело смеялся. Тем не менее, женщины за счастье почитали носить шляпки «от Михельсона». Увы! Старика расстреляли фашисты вместе со всей его большой семьёй. В мастерской работали другие люди, но вывеску оставили, как памятник старому мастеру.

Павел решил купить себе кепку, как символ перехода к гражданской жизни. Выбрав подходящую, он машинально подошёл к зеркалу. Шрамов и рубцов на лице не было! Он даже постоял несколько минут, ошарашено глядя в зеркало. «Вам очень идёт!» – подскочила к нему продавщица, медово улыбаясь. И тут Павел увидел за окном девушку, ту, черноглазую. Он положил кепку на прилавок и выбежал с такой быстротой, что удивлённая продавщица даже не стёрла с лица сладкую улыбку.

Девушка не успела отойти далеко, потому что тащила большой, обшарпанный и, как видно, очень тяжёлый чемодан. Павел догнал её. «Разрешите, я вам помогу». Она поставила чемодан на землю, он подхватил его. «Там книги, – пояснила девушка. – сегодня разбирали развалины библиотеки, и я собрала уцелевшие». Они прошли ещё немного, молчать было как-то неловко. «Меня Павел зовут, а

вас?» – «Дина. Я живу недалеко отсюда» – сказала она, как бы извиняясь.

Дина жила в большой коммунальной квартире. Пока она открывала дверь в свою комнату, по коридору мимо них прошмыгнула тётка в цветастом халате, со сковородкой в руке, и что-то недовольно пробурчала. Динина комнатка была крохотной, и мебели в ней было не больше, чем у Павла: деревянный топчан с таким же, как у Павла, байковым одеялом, стол, явно не фабричного производства, и некрашенная табуретка. Дина перехватила его взгляд. «Это дядя Гриша сделал, папин друг, он плотник. На фронте был контужен, почти ничего не слышит... – и, спохватившись: – Ой, вы посидите, я вас сейчас чаем угощу», – выбежала на кухню. Вскоре она вернулась с дымящейся алюминиевой кружкой. «Пейте».

Она села на край топчана, а кружку протянула Павлу. «А вы что же не пьёте?» – поинтересовался Павел. «У меня нет второй кружки» – смутилась Дина. Павел сделал несколько глотков. «Какой вкусный у вас чай!» – «У меня нет настоящей заварки. Этот чай из разных трав и листочков. Я их сама собираю в лесу за городом. Меня бабушка научила. Вот, завтра пойду за травами, а то уже кончаются...» – «А не боитесь одна-то? Давайте, я с вами пойду». Договорились, что завтра в три часа дня Павел будет ждать Дину возле её дома. Заходить лишний раз в коммуналку ему не хотелось.

Как, оказывается, увлекательно – собирать травы и листья! Динина бабушка преподавала ботанику в школе. Всё лето она собирала гербарии и разные лечебные травы. Дина всегда помогала бабушке, а после окончания школы собиралась поступать на биологический факультет, да война помешала. Павел помогал девушке, старался запомнить все её объяснения. Только когда упали первые редкие капли дождя, они заметили, как потемнело вокруг. Где-то вдали уже грохотал гром. Павел схватил Дину за руку: «Бежим скорее, я живу здесь совсем близко».

Когда хлынул ливень, они уже были в домике. Дина заварила чай, а Павел придвинул к ней кусочки сахара,

которые собирал для сестрёнки Катюшки. Он знал, что её уже нет в живых, но в это трудно было поверить, у него теплилась надежда, что это ошибка. Пока не увидел развалины родного дома. «А себе?» – спросила Дина, глядя на сахар, как на какое-то чудо. «Я с детства не люблю сладкое», – соврал Павел.

Близился вечер, а дождь не прекращался. Павел знал, что очень скоро на его лице должны появиться рубцы и шрамы, и оно превратится в страшную маску. Так было каждый вечер. Он схватил папиросы, отвернулся к окну, открыл форточку и стал не спеша курить, пытаясь сосредоточиться. Нельзя же Дину выгнать под дождь, но что будет, когда она увидит его лицо?

Наверное, она вскрикнет, закроет глаза руками, а может быть, даже упадёт в обморок. И тогда... тогда снова одиночество. Беспросветное и безнадёжное. Он почувствовал, как стягивает лицо. Всё. Дина убрала после их нехитрого ужина и тихо сидела у него за спиной. Павел курил уже довольно долго. «Ну, что ж, от этого не уйти... – он глубоко вздохнул и отвернулся от окна, как будто прыгнул в ледяную воду. – Вот, сейчас...»

Но Дина не вскрикнула и не упала в обморок. Павел ведь не знал, что пришлось пережить этой хрупкой девушке.

Отец, кадровый военный, с первых дней войны отправился на фронт, даже не успев проститься с семьёй. Больше они ничего о нём не слышали. Эвакуироваться вовремя семья не успела: тяжело заболела десятилетняя Динина сестрёнка Сонечка. Когда она поправилась, – уже слышался отдалённый грохот канонады. Решили уходить из города пешком, захватив с собой только самое необходимое. Дорога за городом была запружена машинами, повозками и пешком бредущими беженцами.

А потом начались бомбёжки. Люди с криками разбегались и бросались на землю по обе стороны дороги, закрывая головы руками. Крики, стоны раненых, плач по убитым. После одного такого налёта схоронили здесь же, у дороги, бабушку. Нет, её не ранило и не убило. Просто

сердце пожилой женщины остановилось от всего увиденного и услышанного.

Их обогнали немецкие мотоциклисты. Дальше идти не имело смысла, и они вернулись в город. А потом Дина, мама и Сонечка брели по пыльной просёлочной дороге в колонне таких же несчастных, как они. Расстреливали их недалеко от какой-то деревни на опушке леса. Уже темнело, поэтому яму с расстрелянными засыпали наспех. Ночью Дина очнулась, с трудом выбралась из ямы и добрела до крайней избы деревушки. Открывшая ей старуха перевязала Дину, накормила, дала кое-какую одежду, но у себя не оставила – в соседней избе жил полицай.

Дина ушла в лес. Но как могла выжить в лесу городская девочка? Горбушка хлеба, которую ей дала с собой старуха, кончилась, хоть и отщипывала она от неё по крохотному кусочку. Голод заставил её пойти в город. Она попала в облаву и, чуть живую, её освободили из концлагеря советские солдаты. Подлечившись в госпитале, Дина, где пешком, где на попутках, добралась до родного города. Так, что ещё могло испугать эту девушку?!

Она подошла к Павлу и молча поцеловала его в изуродованную щеку.

Домой в эту ночь Дина не вернулась. Она осталась жить у Павла. С помощью верного дяди Гриши они перетащили к нему в домик нехитрые Динины пожитки, тем более, что комната в коммуналке принадлежала двоюродной тётке Дины, которая вот-вот должна была вернуться из эвакуации.

Прошло три месяца. Шрамы на лице Павла по-прежнему появлялись в сумерки и исчезали при дневном свете. Павел к этому привык, а вот Дина не смирилась. Она собирала травы и готовила какие-то отвары, примочки, мази. Павел каждый вечер терпеливо сносил все её процедуры. Он не верил в это, как он называл, «знахарство», но считал, что так Дина отвлечётся от тяжёлых воспоминаний о прошлом. Однажды Дина принесла домой небольшое зеркало. Павел помог повесить его на стену. «Ну, что ж, женщины... им без зеркала никак нельзя», – подумал он снисходительно. Сам в зеркало

никогда не смотрелся. Но однажды вечером Дина взяла его за руку и подвела к зеркалу.

Шрамов не было! Но поразило Павла не это. В зеркале рядом с собой он увидел Дину. Она улыбалась. Впервые со дня их знакомства.

Прошло несколько лет. Жизнь налаживалась. Дина работала санитаркой в больнице. Павел освоил профессию плотника. Ведь до войны он только успел окончить десять классов, а Дина перешла в десятый. Павел отремонтировал домик, сам сделал всю мебель. А самое главное – по их маленькому чистенькому дворику бегала крохотная девчужка с такими же, как у дины, огромными чёрными, но счастливыми глазами. Павел никому не рассказывал о том, что произошло с его лицом. Боялся, что обвинят во лжи или, того хуже, примут за сумасшедшего. А для себя он решил, что просто судьбе был угодно, чтобы он познакомился с Диной.

Шрамы на лице больше не появлялись. Но, в отличие от них, душевные шрамы, оставленные войной, не заживали. Иногда ночью Павел кричал: «Заряжай! Огонь!» или «Юрка, Юрка, прыгай!». А Дина тихо плакала во сне и звала маму и сестричку. Павел будил её, и она бежала к кровати дочери, словно хотела убедиться, что с этой Сонечкой всё в порядке.

О войне они между собой не говорили. Всё было рассказано в ту, их первую ночь. И только одно они знали твёрдо: их дочери Сонечке не придётся пережить то, что довелось им. Такое не должно повториться!

КАЖДОМУ СВОЁ...

Депутаты ищут, куда бы деньги деть, народ ищет, где бы деньги взять.

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

Франция. Этьен Лиортар. Картина «Шоколадница». Украина. Реклама. Картина «Молочница» почувствуйте разницу...

* * *

Любовь, не покидай меня,
 Побудь со мной ещё немножко.
 Ты в бочке дёгтя мёда ложка,
 Осколок божьего огня.

Ты словно бакен на реке.
 Мир без любви сродни пустыне.
 И сердце в день весенний стынёт,
 Как жёлтый лист на зимнем ветерке.

Мой милый, без тебя мне не дышать.
 Жизнь потеряет всякую окраску.
 Я пред тобой снимаю маску,
 Что дальше, – будешь сам решать...

Фаина

Дерий

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Весна долгожданная пришла! Убрала хмурость туч. Солнышко привела, и все сосульки порастаяли. Как они падали! А как плакали! И вот уже скворцы не бродят по серому талому снегу, да и снега тоже нет. Молодая травка покрыла весь двор. А болото у дома всё будто из круглых зелёных подушек. Около него вкопан деревянный столб. Это электролиния тянется по всей улице. Столбы часто сгнивают и их заменяют, и вновь тянется линия на радость людям.

Болото у детей пользовалось большой популярностью: они любили качаться на его кочках. Особенно хорошо и безопасно было у столба. Можно было за него держаться и качаться изо всей силы. Как на батуте. А как хочется пробежать по этим кочкам, перепрыгивая с одной на другую! Но чем дальше от столба, тем глубже погружается кочка в болото. Раньше тут были торфяники. Все болота вокруг осушили, а вот это маленькое и всегда зелёное осталось. Детей ругали, когда они начинали качаться. А дети – всегда дети...

Но произошёл однажды такой случай, что отучил детей «гулять» по болоту.

В тот день было очень жарко. Солнце нещадно палило. По улице, где жила Раечка, частенько проезжали повозки, но и машины иногда. Поэтому середина улицы была укатанной,

хотя и не была вымощена. Кто знал про болото, тот не ездил по этой улице. Зато она была широкая, и много зелени около домов, чем и привлекала. Но болото было как ловушка. То грузовик застрял, то легковая. Ребятишки бегали смотреть, как другие машины или трактор вытаскивали застрявшую машину. И странно, что после всех этих происшествий никакого знака никто не поставил, чтобы предупредить об опасности.

Сегодня Рая проснулась поздно. В окно глянула, а там – толпа: старики, молодёжь, детвора. Раечка быстренько оделась и бегом к месту сбора. Картина не из приятных: в болото провалилась лошадь. Машины когда застревают, – их было не жалко. Сочувствовали шоферам и были уверены: всё закончится хорошо. А тут – животное. Живое существо. Лошадка тревожно прыла ушами. Глаза – полные ужаса. А они у неё были большие, тёмно-синие с длинными ресницами. Раечка смотрела на лошадь, и пробуждалось в ней чувство сострадания. Было большое желание помочь. Но как? Чем? Девочка успокаивала себя тем, что возчик взял у них из чулана большую и толстую доску, чтобы подложить под брюхо лошади. И ещё одну он взял у кого-то, и вместе с другими мужчинами с двух сторон вводили доски под лошадку. Она ржала, вытягивала шею, трясла головой. Так ей хотелось высвободиться. Ещё до прихода Раечки с неё сняли всю упряжь, от этого ей было легче. «Теперича ничаво! – произнёс уверенно и сочувственно один из помогающих. И, бросив окуроч, затоптал его ногой. – Ужо не будет её так затягивать трясына». «А как же так вышло, дядечка? – спросил с любопытством один из мальчиков. – Видно же, что это болото», – продолжал он, не получив ответа. «А-а, дорогой мой, ночью ничего не видно», – ответил возчик и, махнув рукой, направился к телеге. А из-под досок была видна чёрная вязкая грязь болота.

«Холодно ей, – думала девочка. – Болото всегда холодное. Оно не как вода, не прогревается даже и в жару». Возчик ушел, и его долго не было, а лошадь нервно вздрагивала бархатными ноздрями, прыла ушами и всё время

вытягивала шею вперёд, чуть вверх. Ей хотелось вырваться из цепких объятий болота. Раечка не могла стоять около лошади. Её мучала совесть, что она ничем помочь не может этому молчаливому живому существу. Ей казалось, что лошадь говорит ей: «Ну, что же ты стоишь и не поможешь мне? Болото сжало всю меня, мне холодно. Помогите! Я так хочу свободно дышать!»

Рая пошла домой. Но дома, стоя на коленях на стуле, смотрела из окна. Потом уходила от окна, но нет-нет, да глянет: как там лошадка... не вошла ли она в болото ещё глубже. «И возчика нет. Где он ходит?.. Как долго... Хотя бы поговорил с лошадкой». Рая видела, как возчик говорил с нею, а она как будто понимала, о чём он говорил и затихала. Даже глаза иногда прикрывала. Он осторожно по доскам, фанеркам подбирался к ней, гладил за ушами, чесал лоб, убирая чёлкой. Ей, видимо, его присутствие помогало, и она была спокойнее.

Наконец-то возчик вернулся. С ним несколько новых мужчин. Они о чём-то переговаривались между собой, всё время поглядывая на лошадь. Раечка, стоя на стуле у окна, всё хорошо видела и ждала чего-то необыкновенного, чтобы закончились мучения для обессилившей лошади. Мужчины махали руками, о чём-то горячо споря, а возчик показывал на связку толстого каната. Что они хотели делать? Рая замерла. Подвязывать? Но лошадь вся погружена в болото, торчит только голова. Рая в недоумении стояла, переваливаясь с одного колена на другое.

Её позвали завтракать, неохотно она подошла к столу. На столе был картофель в мундире, зелёный лук, квашеная капуста. Всё было своё.

На огороде у мамы красиво – грядки в рядок, одни большие, другие маленькие. Раечка тоже принимала участие в посадке картофеля. А вот лук мама сама сеет. Семечки маленькие, чёрненькие, она их наберёт в рот, да как дунет на маленькую грядку, а потом всё с землёй перемешает. И прорастает этот лук, как молодая травка весной – тоненький, нежный и зелёный-зелёный. Ещё и другой сеяли, но тот был

маленькими головками. Мама на грядке делала бороздки, а Рая втыкала каждую малышку-луковку на определённом расстоянии. Такой лук был уже объёмнее и покрепче. А по краям гряды, где рос картофель, мама садила большие луковицы, но немного. Вот этот лук выросал самым первым. Зимой лук рос в ящиках около печки под полатями, поближе к теплу.

Рая уселась за стол. Пахло растительным маслом. «Душистое», – говорила о нём мама. Его ели с солью и хлебом, наливая в блюдце. Вкусно! Ели молча. Сёстры уже ушли. Рая с мамой были вдвоём. Рая ела, а сама всё время думала о том, как спасут лошадь, но что её спасут, – она была уверена. «Не зря же их так много собралось», – думала она о мужчинах, пришедших с возчиком.

Чай был с заваркой из сушёной моркови. Цвет его – светло-оранжевый, красивый. Был и чёрный, в маленьких пачках. Но больше всего Рая любила плиточный чай. Мама называла его «фруктовый». В нём были семечки от яблок, ещё что-то такое, что не пережёвывалось и не проглатывалось, а приходилось только выбросить. Запах приятный. Зубы у Раечки острые, и она откусывала от плитки изрядный кусочек, приговаривая: «И зачем заваривать? Я и так ем его». А мама смотрела тогда на неё и смеялась. Когда Рая кусала, то мелкие кусочки прилипали к лицу, а он ещё и подтаивал, и девочка стояла, вся измазанная этой плиткой чая. «Да как ты его ешь?! Там так много зёрен и косточек!» – удивлённо спрашивала мама. «А я их выплуну, вот и всё», – и Рая улыбалась от удовольствия. «Да ты посмотри на себя. А руки какими стали?». Рая смотрела на свои ладошки. Они действительно были коричнево-вишнёвые, липкие. «Помою», – невозмутимо отвечала она и шла к умывальнику мыть руки. Прежде, чем их вымыть, она несколько раз складывала ладони вместе, медленно отрывала одну от другой и смотрела на них. «Какие липучие! Это почему они такие?», – и, ещё несколько раз проделав эти движения, мыла руки тщательно с мылом.

«Почему?» Как много этих «почему?» было у этого ребёнка. «Почему пузыри на лужах бегают? Почему сосулька над окном внизу бывает тоненькая, а сверху толстая, круглая и похожа на морковку? Почему трава превращается в молоко, а мы едим салат тоже, но мы не как коровки?» Над последним вопросом мама долго смеялась, но потом ей пришлось объяснять и найти литературу в Раечкиной школьной библиотеке. Вот тогда мама и узнала, что её дочка в библиотеке школьной, как у себя дома. Ей Людмила Павловна, библиотекарь, разрешает самой выбирать литературу.

Вот и сейчас Раечка стояла и рассуждала: «Почему лошадь провалилась в болото? Она – умное животное. Так говорят многие». Опять это «почему?». А мама уже вымыла посуду и опрокинула на раскинутое полотенце на столе. «Мамам! Можно, я пойду туда?» – и Рая кивнула в ту сторону, где сегодня все толпились. Она умоляюще смотрела на мать. «Иди-иди», – отвечала мама, вытирая руки о фартук. Рая подбежала к шкафу, достала несколько кусочков колотого сахара из сахарницы и побежала к месту происшествия. Но что же она увидела? Лошадь стояла на дороге. Надо было видеть лица людей, которые обступили её вокруг. Все: взрослые и дети, – улыбались, в глазах светилась радость. Лошадка оказалась такой красивою. Её обливали холодной водой из колодца. Мама отдала все вёдра, которые имелись в доме. Воду носили ребяташки, и даже, казалось, гордились этим. Они тоже – спасители. Возчик тщательно протирал бока лошади, живот. Всё было в липкой болотной грязи. Протерев одним пучком травы, возчик отбрасывал его в сторону и рвал побольше тут же, у болота, чтобы ещё лучше протереть его любимую помощницу. Высоченный мужчина поднимал как пёрышко ведро с водой и лил на лошадку, потом похлопывал её по облитым местам. Лошадь дрожала, подёргивала всей кожей. Она уже не ржала, не издавала призывного крика, у неё не было той тревоги, как раньше. Она трясла головой, переступая с ноги на ногу, продвигаясь то вперёд, то назад.

Наконец, купание закончилось. Стали вытирать какой-то старой мужской рубашкой, что принесла бабушка Юрки Рошина. «Может, это Юркина? – мелькнула у Раечки мысль. – Ничего! Подумаешь! Одной рубашкой меньше будет».

А лошадь стояла перед всем, тонконогая, блестящая от чистоты. Она была шоколадного цвета со светлой чёлкой и гривой. На ветру грива развевалась, и лошадь тогда казалась особо красивой. «Молодая ещё», – умилённо проговорил старик с длинной седой бородой, в соломенной шляпе. Он весь от старости или от болезни наклонился вперёд, опираясь на массивную трость. Рубаха на нём была длинная, с узором по подолу, подвязанная то ли шнуром, то ли это был такой пояс. На ногах – растоптанные сандалии с отрезанными ремешками. «Какой дедушка интересный! – подметила девочка. – Как из сказки». Она перевела взгляд на лошадь. Возчик держал её под уздцы. Перед ним стояли мальчишки. «А можно мне, а-а, дядя?», – слышалось с их стороны. «Да все успеете. Вот, держи», – он отдал поводья похожему на цыганёнка чернявому мальчугану с круглыми блестящими глазами. Он был выше своих сверстников и умело держал поводья. «Ну, с Богом! У тебя крепкая рука, – сказал возчик цыганёнку, – держи. Ты понял, куда тебе её гнать?», – возчик испытующе смотрел на мальчика. «Понял-понял!», – был ответ. «Гони!» – с любовью хлопнув по крупу лошадку, отошёл в сторону. А лошадь, вскинув голову, легко побежала по утопанной дороге. Все ребята бежали рядом. Рая вспомнила о сахаре. «Ничего, – утешала она себя, – они же сюда её приведут. Здесь и телега с оглоблями, и коромысло-дуга. Да и сам хозяин лошадки здесь». А хозяин, уставший, но довольный, расстелил на траве попону и сидел, наслаждаясь покоем. «Устал», – отметила Рая.

Она увидела маму, подошла поближе. За кустами между тополей сидели все, кто помогал возчику. Девочка поняла, что мама решила их угостить, как она всегда говорила, «чем могла». Вынесла им картошку в мундире, лук, буханку хлеба и квашеную капусту. «А я-то раздумывала – почему это всего так много на столе? – прошептала Раечка. – Ах ты, мамочка,

а мне ничего не сказала». Она улыбнулась. На ветке тополя висело знакомое ей полотенце с яркими синими полосками. Мужчины мыли руки, умывались, а некоторые обтирались мокрыми рубашками, очищали одежду, обувь, смачивали пятернёй волосы и, довольные, шли к тополям, вытираясь и усаживаясь поесть. Девочка услышала: «Ребятам-то в удовольствие прогнать гривастого. Пробегутся и сами. Как отдежурили – отстояли столько времени». «Да они и без этого целый день мотаются, и ничего», – отозвался другой. «А Ветру будет на пользу – прогреется после всего, – добавил возчик. – Всё будет хорошо, хворь отступит».

Рая поняла, что Ветром зовут лошадку. «Надо же! Ветер...» И не удержалась, спросила: «А почему вы его так назвали?» Возничий улыбнулся: «Э, девонька, он с жеребёночка у нас. Быстроногий уж очень был. Бежит, бывало, на зов, как летит. Подбежит и как вкопанный сразу останавливается. Умное животное. Вот за такой бег его и назвали Ветром». Он улыбался, но усталость даже Раечка заметила. «Ему бы поспать», – рассуждала она.

«Ешьте, ребятки, ешьте, – приговаривала мама, – я и чаю вам сейчас принесу. Я уже приготовила его. Горяченький», – и она пошла к дому. Через несколько минут мама уже несла большую кастрюлю с чаем, а из неё выглядывала ручка поварёшки. Увидев женщину с кастрюлей, встал, что помоложе, пошёл навстречу, взял у неё кастрюлю, а в его руках она оказалась маленькой. Поставив чай на землю, он улыбнулся всем и неожиданно побежал к колодцу. Вернувшись, развернул прихваченный с собой свёрток. На белой тряпочке лежал большой кусок пирога. «Вот... Угощайтесь. Маманя в дорогу дала. Я ведь так... прохожий. Не удержался. Как, думаю, не помочь? Животное... бессловесное... и надо же... так вот...» Он развёл руками. Ели молча.

«Идут, идут!», – закричали детишки, что остались здесь в ожидании. Впереди всех шёл Васятка. Цыганёнка среди вернувшихся не было. Васятке лет 9 – 10, не более, он с соседней улицы. Вышагивать не приходилось, и он бежал

мелкими шажками, и всё встряхивал поводьями, а Ветер шёл красиво и успокоенно. От него шёл пар, около губ – пена. «Попону, попону тащи!», – толкнул возчик рыженького мальчонку. Мальчик был головастый, волосы огненно-рыжие, глаза тоже какие-то рыжие, и всё лицо было в крупных рыжих веснушках, они были тёмные и разбросаны по щекам и носу. Даже на ушах были, более бледные. Нос был настолько курнос, что были видны две круглые ноздришки, а глаза были столь по-детски чисты и распахнуты, как окошечки. Он быстренько побежал к телеге. Попона оказалась тяжёлой, тёплой. Поверх её ещё половик накинули, что у Раечки в кухне лежал. «Ну, ну! Отдыхай, Ветерок!», – приговаривал возничий и нежно гладил Ветра по шее, по шелковистым ноздрям.

Стали готовиться к дороге, переговариваясь. «Недаром говорят: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», теперь вы все – мои друзья... ну, и Ветра тоже. Я оставил Кириллу свой адрес», – и, улыбнувшись тому самому здоровенному детине, что, играючи, обливал Ветра водой, добавил: – «Милости прошу в гости. А тебе, хозяйюшка, особое спасибо. Добрая ты душа. Не всякий отзывается так сердечно. Где хозяин-то твой? Небось, где-то занят?». «Да нет... – посерьёзнев, отвечала Раина мама. – Мой хозяин давно ТАМ... Царство ему небесное. Был бы жив, то тоже помог бы. Никогда в этом никому не отказывал». «Прости, хозяйюшка, прости, – уже тише проговорил возничий. – Да хранит вас всех Господь! – добавил он. Затем повернулся ко всем стоявшим, поклонился низко и произнёс: – Спасибо всем вам, люди добрые. Свет действительно не без добрых людей». Все как будто задумались. Сошла с лиц улыбка. Слушали внимательно. Стало тише и среди ребятишек. «От всего сердца ещё великое вам спасибо», – он снова поклонился. Все как будто смутились. «Да что там... что мы такого сделали? Ты бы то же самое сделал, если бы я оказался в беде», – баском проговорил прохожий, что угощал пирогом. – «Ну, а теперь можно и запрягать, поклажа невелика».

Все начали запрягать Ветра. Он не сопротивлялся, а даже как бы охотно подчинялся всему этому. Он чувствовал заботу. Тянулся к хозяину губами, когда тот был к нему поближе. Вот и запрягли. Ветер нетерпеливо топтался, махал хвостом, таким же светлым, как грива, часто встряхивал головой, то опускал её, то поднимал вверх. «Дядечка, а можно лошадку сахаром угостить?» – вдруг вспомнила Рая. «Да ты что! Это же для него лакомство. Ну, повезло тебе, Ветерок», – он обнял за плечики Раечку и сказал: – «Угощай». «А я боюсь. Он такой большой», – призналась Раечка откровенно. Все рассмеялись, а возчик посоветовал: – «А ты через «боюсь». Подойди и смело протяни ладошку свою с сахаром, и скажи ему: «Ветер, на сахарок». Попробуй. Он любит детей, а сахар – вдвойне». Раечка медленно подняла ладонь с сахаром и сказала негромко: – «Ветер, съешь, пожалуйста, сахар. Я тебе его принесла. Ешь, а то растает», – и она встала в ожидании чего-то страшного. Но вспомнила, что Ветер любит детей и уже смелей и громче произнесла: – «Ветер, на. Это тебе». И Ветер понял, – его угощают. Он потянулся к этой маленькой детской ладони, понюхал. Ноздри его расширились, и Рая отметила, как нежно и осторожно Ветер брал кусочки сахара с её ладони. У девочки появилось такое спокойствие, что сама это заметила. А потом что-то необычное отозвалось в её груди, и она с такой нежностью взглянула на Ветра, и в то же время поняла – он будет жить не здесь. Ей не хотелось расставаться с ним. «Ничего, ты ещё к нам приедешь. Почему-то мне так, кажется, и будет».

Она не забудет это нежное прикосновение такого большого и доброго животного. Много животных, которые служат человеку, и лошади в их числе.

«Ну, что, правду я сказал?» – раздался голос возникшего. – «Правду... по глазам вижу», – он улыбнулся, и Рая не спорила, и тоже улыбнулась. – «Ну, братва, садитесь – прокачу, сколько могу. Вернее, – кому сколько позволитется», – и тут же опять обернулся ко всем оставшимся: – «Как я благодарен вам, и сказать не могу. Если бы не вы, не знаю,

что бы и было», – он ещё раз низко поклонился, а когда выпрямился, то в глазах стояли слёзы. Долго держал руку на груди, как бы говоря этим жестом, что все слова от чистого сердца. – «Всего доброго вам, люди!», – повернувшись к ребятишкам, крикнул задорно: – «Ну, ребятёнки, садитесь, кто куда сможет».

Что тут началось! Детей много, все хотят есть, а телега не такая уж и большая. Но вот и расселись, – кто по краям, кто в серединочке. Расселись, успокоились, все довольные, тронулись в путь. Уезжавшим махали руками, кепками, будто были они из какой-то чужой деревни. Оставшиеся взрослые рассуждали о том, что надо какой-то знак поставить, чтобы не попадали в такую историю.

Время проходило, знака не поставили, и ещё не раз случались подобные ситуации. Но Рая уже не так сильно переживала за лошадок. Она верила: спасут. А первое событие осталось в памяти.

Болото зарастало чередой. Дети рвали её и ели. Зёрнышки были нежные и вкусные, как семечки подсолнуха, только намного меньше. Те дети, что ели череду, имели чистую кожу. Они не страдали золотухой. В чередке купали малышей, пили из неё отвар. А дети, не зная, употребляли её. О пользе череды Рая узнала много позже.

Вот, и жили около болота, а вокруг дома были высажены тополя и кусты жёлтой акации. От колодца бежал ручей, его журчание любила Рая. Звон бегущего ручья слышен был и в доме. К тому же, он был настолько чист, что каждая песчинка была видна и мелкие травинки с камешками. Песок был особенный – на солнце песчинки сверкали золотом. Солнце играло этой золотистой россыпью, отражалось в воде всеми оттенками сияния: белым, жёлтым, розовым, салатным, золотистым и даже фиолетовым. Окраина. Торфяные болота осушены, а в колодце вечно студёная вода. Раньше он был очень глубокий. Это Раин папа рыл сам этот колодец. Со временем он мельчал, а на дне колодца были фонтанчики-ключи. Их было видно – настолько была чиста вода.

Время! Оно бежит неумолимо. Жизнь продолжается, какие бы события ни происходили. Люди трудятся, что-то создают. Время разрушает. Новое поколение создаёт новое... Каждому своё. Одни смеются, другие плачут. Кто всю жизнь живёт с открытым сердцем, а кто-то держит камень за пазухой, выжидая случая, чтобы его пустить в ход. Как хорошо иметь доброе сердце! Но ему трудно за его доверчивость. Зато оно умеет сострадать, и велико его желание помочь хоть самой малостью тем, кто нуждается в помощи. Недаром о таких говорят: «Бесхитростный» или «Душа нараспашку». Такой не умеет сердиться. Все для него хорошие. Всех он любит. «И мухи не обидит», – говорят в народе. Но некоторые на них смотрят по-другому. Их оценка: «Ну и дурак. Ездят все на нём. Что хорошего». Тут стоит им задуматься – почему они так судят. А он живёт да улыбается. Всё у него есть. Он нетребователен. Ему нечему завидовать. Сердце его до краёв наполнено любовью. Она у него безличная, бескорыстная. Среди друзей у него нет лучших или худших. Он любит. Его сердце – золотое.

* * *

Ты придёшь ко мне,
И вьюжный вечер
Будем коротать с тобой вдвоём.
Мы зажжём, как раньше, только свечи,
Ароматом наполняя дом.

Угощу тебя горячим чаем,
С чабрецом заварки подолью.
Разве мы впервые так встречаем
Новый год под завыванье вьюг?

Я внесу высокие бокалы,
Ты вина в них терпкого нальёшь,
Улыбнёшься ласково-устало,
Прядь волос рукою отведёшь.

Нам с тобою вечера не хватит,
 Чтобы обо всём поговорить.
 Пусть судьба сегодня щедро платит
 И дарует время, чтоб любить.

* * *

Прожила.
 Доросла.
 Отцвела.
 А любовь?
 А желанья?
 А чувства?
 Осознала
 И всё поняла –
 Жить – не просто...
 Жить – это искусство.

* * *

Молитва тихая творилась
 В час поздний перед сном грядущим.
 И открывались предо мною
 Все тайники души моей,
 И нежно светлый ангел пел
 Мне песнь любви и, замирая,
 Я слушала его, и свет
 Струился дивною волной.
 Мерцали звёзды с высоты,
 И свежий ветер трогал нежно,
 И наступающая ночь
 Шептала мне: «Не спи! Не спи!
 Смотри! Прекрасен этот мир.
 Так наслаждайся красотой!
 Всегда даётся всё для нас.
 Природа! Свет! Бери! Живи!»

* * *

Моя Родина там, где снега.
 Отделяют нас годы и мили.
 Где в снегах утопала нога,
 Там смеялись, росли и любили.

Как далеко ты от меня,
 Но сердце любить не устанет.
 Радуюсь я день ото дня
 И верю – час встречи настанет.

Я по улице снова пройдуь,
 Постою, где рябина краснеет.
 И в далёкое детство умчусь,
 Где никто никогда не стареет.

Как далеко ты от меня,
 Но сердце любить не устанет.
 Радуюсь я день ото дня
 И верю – час встречи настанет.

Город тот же, но всё же иной –
 Нет ни дома, ни милого сада.
 Новый город, люблюсь тобой,
 Ты красив, но мне старый – отрада.

Как далеко всё от меня,
 Но сердце любить не устанет.
 Радуюсь я день ото дня
 И новая встреча настанет.

Я – обратная тяга – как встретишь, поймешь –
 Я сжигаю мосты, неудачи и ложь!
 Спрячь гримасу, о, Мир, я твой отпрыск.

Не познав жар огня, не познаешь пути,
 Я есть камень, что лучше бы злу обойти.
 Берегитесь, я вышла на розыск!

П Е Р Е М Е Н Ы

Я брежу новой переменной,
 Куда-то рвусь, но, как дитя,
 Боюсь погрязнуть в новом плене,
 Боюсь растратить всю себя.

Смеялись боги за порогом,
 И ухал филин на ветвях.
 Всё решено, всё под итогом.
 Меняю смысл бытия.

Куда ни глянь – везде предатель,
 Быть может, я не там ищу?
 Я ведь судьбы своей создатель
 И новой жертвы палачу.

Меняю шаг, меняю время,
 Меняю город и друзей.
 И то, что было мне потерей
 Меняю ярким глянцем дней.
 А чаша разливалась пеной,
 Последних капель уж не счесть.
 Я бесконечно буду Леной,
 Всегда рождаясь в новом «здесь».

Когда Надежда бросит семя
 Под ноги нищенке-Весне,
 Закружит новым вихрем время
 И люди вспомнят обо мне.

И на алмазной колеснице
Промчатся боги на восток,
Когда на юг вернутся птицы,
Проснется из снегов цветок –

Распустит лепестки устало,
Как нежный символ новых дней.
И я пойму, как надо мало,
Чтоб стать немножечко добрей...

С Н Е Г

Мне сегодня приснился снег –
Хлопья белые за окном.
Мне сегодня приснился снег,
Так неожиданно вошёл ко мне в дом.

Расстелился ковром на полу,
На стене заплетая узор.
Мне сегодня приснился снег.
И кристальный неистовый взор.

Из огня и воды заплетён,
Как в былые мои времена.
Это был самый снежный сон,
Это наши в снегу имена.

И печалиться мне бы грех,
Но мороза крепчает власть.
Мне сегодня приснился снег!
... Жаль, тебя мне он не отдаст...

Н Е С П Е Ш И Т Ь

Никогда ни о чём не жалеть –
Вот мой стимул держаться победы.
Гордо с вызовом в лица смотреть,
Не бояться уже не успеть
И достойно встречать свои беды.

Я иду по гнилым черепам.
 Я – остаток войны поколений.
 На могилах построенный храм,
 Но не сыщешь святого ты там –
 Всё отравлено ядом сомнений.

Кости бывших друзей на песке.
 Они бились так жарко и мало,
 Всё на кон, чтоб не сдохнуть в тоске.
 Меч на рыжем висит волоске.
 Где надежда? От нас что осталось?

Чёрный дым выедаёт сердца.
 Я иду от победы к привычке.
 Мёртвый страх у родного лица.
 Ты – герой, продал шкуру отца
 За возможность живым бросить стычку.

Я смеюсь, но выходит лишь скрип.
 Да, теперь тебе Бог не поможет!
 Ты – предатель, но честно погиб.
 И стервятник, издав жалкий хрип,
 Взмлет ввысь и свои крылья сложит.

А я всё продолжаю идти.
 Я не знаю, дойду ли до цели.
 Я одна до скончанья пути.
 Дым и грязь, боль и смерть впереди –
 Пospешили, родные! Успели!

Р О Ж Д Е Н А

Полночь. Лик месяца робко вползает
 В тёмную комнату через портьеры.
 Тусклый огонь от свечи тьму пронзает.
 Танец теней на стене – отблеск веры.

Сизый дымок расчертил пентаграмму.
 Карты Таро и железная воля.
 Звёзды стучат об оконную раму.
 Я рождена! Расскажи мою долю.

Руки летают в туманном пространстве,
 Сеть из магических линий сплетают.
 Ветер и дождь замирают, как в трансе,
 Искры судьбы в бесконечность взлетают.

Я замираю в глухих стуках сердца,
 Слушаю шорох лежащихся линий.
 Я претендую на сан иноверца,
 Так как не верю я в неба цвет синий.

Что остаётся? Повсюду секреты.
 Я не питаю иллюзий о свете.
 Песни о счастье давно все отпеты.
 Воздух морозный за это в ответе.

Карты легли, их присыпало тенью.
 Сердце утихло. Рассвет замаячил.
 Тайны утонут в печали осенней.
 Я – Рождена! Так верни мне удачу!

СКАЗКА

Снова осень. Снова холод. Мне не спится.
 Вновь закат багровой чашей бьет в окно.
 Всё уйдет и всё, как раньше, повторится:
 Тот же ливень. Та же боль. Мне всё равно...

Схватки пламени родят воспоминания.
 Я беспомощно сползу к чужим ногам.
 Я молчу. Немая боль – венец стараний –
 Замирает у порога в древний храм.

Я устала драться с призраком свободы!
 Распластавшись на глухом граните плит,
 В полутьме я создаю рельефность свода.
 Не пытаюсь убежать – проход закрыт.

А из трещин вязкой болью течёт время,
 Леденя и обжигая мою грудь.
 Озираюсь сторонами – где я? С кем я?
 Вновь нигде. Опять одна, боюсь уснуть.

Дождь пройдёт, но не затушит мои раны,
 Ночь уйдёт, но мою боль оставит мне!
 Поздно бегать, причитать, срывать стоп-краны –
 Передышек не бывает на войне!

Остаётся лишь упасть и без движенья
 На дне неба отрешённо ждать утра.
 Эта сказка не нова – суть поражения
 Вновь развеет ветер искрами костра...

КОГДА - НИБУДЬ ...

Когда-нибудь наступит день и ты вернёшься.
 Я не заплачу, не забьюсь в твоих руках.
 Ты удивишься... Но, кто предан, тот, кто брошен,
 Уже не ждёт от прошлых призраков добра.

Когда-нибудь. Случайной встречей на вокзале
 Ты будешь взорван. (Как нелепо и смешно!)
 А я скажу, что мы на поезд опоздали,
 Места разобраны и, стало быть, грешно

Мешать другим, ломать судьбу и резать душу.
 Пусть будет больно, только – разве нам впервой?
 Уйду. А ты, кто жизнь мою разрушил,
 Уйдёшь опять. С какой-нибудь другой.

Когда-нибудь быть может я и пожалею,
 Что не заплакала, что отпустила вновь!
 Я предана тебе. Тобой. Я тлею.
 Когда-нибудь наступит день. Ты будь готов.

НА РАССВЕТЕ

Последний закат разрывает молчание ночи.
 Лиловый глаз солнца закрылся, безумно скорбя.
 Я верю в любовь, и в надежду, и в жизнь верю, впрочем
 Не верю я только в тебя.

Ну что ты молчишь, друг случайный и, видно, последний?
 Раскаянья ждёшь? Но вины я не помню своей.
 Закрой свою Библию и обрати лик свой бледный
 Ты в сторону ряби морей.

Как звёзды мерцают! К морозу. Одеться б теплее:
 Худая рубаха, штаны да вперёд босиком!
 Ты знаешь, а ведь на заре умирать красивее.
 Как знать, может тем и живём.

Зачем ты, старик, поднимаешь белёдые брови?
 Я ведь не герой, не преступник, а фазовый сдвиг,
 Так, видно, решили. А ты мне молитву готовишь?
 Ну, с Богом, коль есть Он, старик.

А ночь моя милая держит за лесом карету.
 Я спать не хочу – слишком ярко пылает звезда.
 Закончится ночь, и тогда я, дождавшись рассвета,
 В огне растворюсь навсегда...

*Ирина
Седова*

ЗА ХОЛСТОМ

Я реальность спрячу за холстом.
 Буратино, покури в сторонке.
 Правду мы отложим на потом,
 сказка лучше и нужней девчонке
 той, что прячу я внутри себя,
 той, которой каждый год семнадцать,
 той, что жить не может не любя
 и умеет искренне смеяться.
 Этот мир трагически жесток
 для любви, доверия и чести.
 Просьба, не смотри за холст, дружок.
 Разорвут. Из зависти и мести.

ЗАПАХ ДЕНЕГ

Какой-то нелегально-тошнотворный,
 чуть-чуть разврата, плесени и крови...
 Оставят след бомжи и примадонны,
 подвязки шлюх, профессора ладони.
 Затасканы по тёмным подземельям,
 по кладбищам, по кабакам и скачкам.
 Их приносили в магазин с похмелья
 и по ошибке отдавали прачкам.
 Вести подсчет с небрежностью циничной
 и в сотый раз вопросом задаваться:

– Не в деньгах счастье, знают все отлично,
а ты без них захочешь улыбаться?

ПО ДРУГЕ

Увы, никто не застрахован
от оплеух судьбы. Пощёчин.
Так унижительно, с размаху
наотмашь по лицу получишь!
Тех, кто казались лишь недавно
друзьями преданными, лучше
не вспоминай. Тебе же будет
ещё больнее... Как смириться,
когда бесчестие и жадность,
безбожество съедает душу?
Из-за серебряников жалких
способны судьбы изломаться
друзей любимых, самых верных.
И те, что преданы как будто,
на самом деле оказались
червями жалкими. Не думай...

ТЫ С Я Ч А Н О В Ы Х

Город в ночи затих –
просто слезам душисть,
новый родится стих –
и на скрижаль души.

Каждый считая вздох –
выше на этажи,
мир наш не так уж плох –
если бы в нём не жить.

Только в твоих глазах –
целой вселенной суть.
Тысяча новых «за»
встречу когда-нибудь.

И Г Р А

Осенняя печаль... И росчерком пера
 подводится итог. Несбывшееся... Миф?
 Забытого не жаль. Что эта жизнь? Игра?
 Рисую между строк, у Бога не спросив...

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ТАНЕЦ

Тихие улочки... Венецианский шик.
 Кружатся в танце кудесница и король.
 Мы заигрались, милый, довольно лжи.
 Это не чувства – просто чужая роль.

Прячется в сумерках сказочный мой герой,
 правду скажу я, и ты, может быть, скажи?
 Эти признания были пустой игрой.
 Маски заброшены, только нужна ли жизнь?

Мы возвращаемся снова в реальный мир,
 где на проспектах тускло сереет лёд.
 Кружатся в танце невольница и сатир,
 только в сердцах Венеция пусть живёт...

Б И Т В А

Эти призраки бушующих драконов
 выжигают мир внутри огнём эмоций.
 Победить себя. Без крови и без стонов...
 Самый страшный бой – всегда с собой бороться.

Это правда всё? Мой милый, славный, нежный,
 я наверно никогда тебя не встречу?
 Хладнокровно навсегда убил надежду.
 Я не знаю как, но пережить бы вечер...

Не сойти с ума. Не дрогнуть, не сорваться.
 Я обязана быть сильной, мудрой, верной.
 Победить любовь, забыть и не сломаться.
 Я обязана. Так правильно. Наверно...

ТАК БЕРЕЖНО

Дотронуться. Так бережно
 и нежно прикоснуться.
 К твоей руке, к твоим губам...

Так сладко было вместе нам,
 что я боюсь проснуться.
 Мы связаны. Так бережно.

БОСИКОМ

Жизнь – по пустыне босиком.
 А мимо страсти караваны
 везут награбленное в дом...
 Видны невольниц дивных станы.

Табун арабских впереди
 достанется, конечно, принцу...
 Ведут мулаты на цепи
 любовь – прекрасную тигрицу...

Вот я. В лохмотьях. На песке.
 А солнце – плётками по коже.
 Шершавой влагой на руке –
 язык любви... Она поможет

спастись от суеты мирской,
 от пыток роскошью. Разврата.
 Но только навсегда покой
 я потеряла. Вот расплата!

Б Е З П Р А В И Л

Любовь банальностей не терпит.
 Пускай не сказочный. Не принц.
 Огонь и море, боль и трепет
 внутри. И дружно пали ниц
 морали рамки, грань приличий.
 Я обожаю нарушать.
 Любить. Без правил и различий.
 Гореть. А значит жить. Дышать.

Т В О Я Н Е З Н А К О М К А

Кровожадный паук пустоты
 для меня – паутину тоски...
 И от истины так далеки
 плесневелые письма мечты.

Очень хочется все изменить,
 прижимая надежду к груди.
 Беспольна игра, – уходи.
 Не пытайся. Попробуй забыть.

Только к счастью душа – мотыльком
 нежнокрылым, наивным – вперёд!
 Этот миг только смерть заберёт...
 Хорошо, что ты с ней не знаком.

В Т И Ш И Н У

Звезда брильянтовой слезой
 застыла в прорези окна.
 На лике неба в этот час
 она блестит совсем одна.
 Как в детстве – загадай мечту
 не дай надежде утонуть.
 Кричу, пронзая тишину:
 – Я так любовь хочу вернуть!!!

ПОЧТИ ЛЮБОВЬ

Одно на двоих счастье,
 одна на двоих тайна,
 одной половинки части.
 Видимо не случайно
 ты в мою жизнь ворвался.
 Принцем. Судьбы причуда...
 В нежном и страстном вальсе
 Золушкой вечной буду...

СТРАННЫЕ ЗВЕРИ

Изумрудные лучики глаз
 прикоснутся ко мне осторожно...
 Миллион недосказанных фраз
 станет повестью. Это возможно?

Вам идут серебринки волос
 вместе с грацией фавна-сатира...

Защитить меня сможет от слёз
 Ваша ржавая нежность-рапира?

Каждый раз находить и терять?
 Эта правда – почти небылица.
 Разве может принадлежать
 престарелому зайцу волчица?

НЕЖНОЕ

Обнять руками колени...
 В искринках мечты – небо,
 сквозь тысячи поколений
 одной из них стать мне бы.
 Зажечься волшебным светом,
 в глаза твои – отраженьем.
 Ты в сумрачном мире этом

согрейся прикосновеньем.
В подарок из поднебесья
желания исполнений.
Стать нежной любви песней
под радугой вдохновений.

ДЕЛЬФИН

Двенадцать лет. Прикинувшись мальчишкой,
с причала свесив ноги над водой,
ловлю кефаль. Я опытная (слишком).
Маринка – верный друг, всегда со мной.

Дождём из брызг! Волшебно-серебристо!
Дельфин героем сказочным возник!
Сквозь бурю чувств: «Он близко!!! Очень близко!!!»
–
звенел над Чёрным морем детский крик.

Оксана

Крыжановская

ХЭЛЛОУИН

Ноябрь 2008 года. Хотя уже и была середина осени, но погода на улице держалась тёплая, а о недавно прошедшем дожде напоминал только мокрый, скользкий асфальт и серые лужи, удобно расположившиеся в выбоинах у бордюра или в ямках осевшей земли. Приближался Хэллоуин, и я вместе с двумя подругами решила впервые отпраздновать этот праздник. Конечно же, отпраздновать его полномасштабно, со страшными костюмами и хождением по домам со словами «Кошелёк или жизнь», мы не решились. Слишком новым и не обычным он для нас был, и кто знает, какую реакцию может вызвать наша забава у людей. Так что, решили обойтись лишь разукрашиванием лиц, гулянием по улицам и, конечно же, «фонарём Джеком».

Тыкву мы купили ещё с утра. Долго и нудно доставая продавщицу своими нелепыми запросами, так как ни одна из предложенных для Джека нам не подходила. То кривовата, то слишком худа, то не стоит ровно, падает, то слишком маленькая или большая. В общем, продавщица, не вытерпев наших упрёков к её продукции, куда-то ушла. Женщины не было минут пять. Мы уже подумали: что-то неладное, как вдруг она вернулась, держа в руках ну просто идеальную тыкву. Мы от всей души её поблагодарили и направились ко мне делать из тыквы фонарик.

Как делать его правильно, мы не знали, но этот факт нас не остановил, и вот, после всех споров и ругани, мы наконец-то сделали Джека. Получился он вполне милым, правда, один глаз был больше второго, а зубастая то ли ухмылка, то ли улыбка с правой стороны заметно косила вверх. Потратив ещё пару часов на накладывание грима на лицо, превращая себя в неких заранее придуманных персонажей мы, довольные собой, отправились гулять. Нагулялись вдоволь, и конец дня решили отметить чаем с печеньем и рассказыванием страшных историй. Место выбрали подходящие: возле моего дома во дворе стояло страшное, чёрное дерево, а под ним две лавочки и столик. В общем, конец дня и, соответственно, праздника, удался.

Проблема возникла, когда пришла пора идти домой, а именно – деления Джека. Каждая из нас хотела тыкву забрать себе, но это было бы несправедливо по отношению к подругам, поэтому мы решили Джека оставить на страшном дереве. Я самолично на него влезла и поставила тыкву повыше, так чтоб она не упала, зажгла внутри новую свечку, силиконовую, которая должна была гореть аж до самого утра. Теперь Джек свысока смотрел на двор своими неровными горящими глазами.

С подругами мы договорились встретиться утром, вместе фонарь забрать, на этом и разошлись. На следующий день я проснулась очень рано. До прихода подружек оставалась еще пара часов, поэтому, решив, что ничего плохого не случится, я сама решила забрать Джека с дерева. На лавочке под деревом сидели местные алкаши. Трое мужиков пили, а один на самом краешке сидит, белый как полотно, да глазами голодной собаки на своих пьющих друзей смотрит.

Джека на дереве не оказалось, я уже хотела наорать на этих мужиков, так как подумала, что, может, они сняли, как увидела фонарик, валявшийся недалеко в кустах. Видно, ночью был ветер, отчего Джек упал и закатился в кусты. Наш бедный труд нескольких часов оказался разбитым снизу, но лицо оказалось не треснутым. И тут мужик, который до этого

сидел отдельно от остальных подскочил с лавочки и ко мне подбежал.

– Это твое? – закричал он, тыча пальцем в Джека.

– Ну да, – сказала я, кивая головой, – я его вчера на дерево поставила, а он упал.

Мужик почему-то ещё больше побледнел и схватился за голову.

– Так значит это ты, а я уж думал это, Люська, накаркала! «До чертиков напьёшься, до чертиков напьёшься...»

Я в недоумении выслушала его и спросила.

– Эй, мужик ты чего?

Он поднял на меня покрасневшие глаза и, дыхнув перегаром, рассказал.

– Иду я вчера домой подшофе, а поздно уже, и тут смотрю – на дереве сидит чёрт! Улыбается таким кривым оскалом, косые глаза огнём горят, да ещё и подмигивает... Рассказал сейчас друзьям, а они смеются. Водку предлагают, а я теперь и не хочу – как вспомню это лицо черта с подмигивающим глазом.

Я в удивлении смотрела на мужика, закусив изнутри щёки, чтоб не рассмеяться.

Он что-то еще пробубнил себе под нос и куда-то пошёл. Его друзья принялись кричать: «Эй, ты куда», «Постой», «Выпей с нами» и размахивать пластмассовыми стаканами, на что мужик махнул рукой и ответил:

– Я к Люське, прощения просить.

Я потом эту историю подругам рассказала, мы вместе долго смеялись, что, вот какой самый надёжный способ мужиков отучить пить. У нас теперь даже традиция появилась на каждый Хэллоуин на каком-либо дереве оставлять такой фонарь: может, кто-то ещё пить бросит.

Так что, если кто-то увидит на дереве Джека с косой улыбкой и косыми глазами, знайте – это наш.

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ НЕ ВЕРНУТЬ

Мохнатые дивные пчёлы бешено носились по саду. Подлетая то к одному недавно распустившемуся цветку, то другому. Гул от их радостных жужжаний разносился по саду, а ветер наперегонки с ними метался в кронах деревьев. Сад причудливо разросся в озере аккурат посередине леса. Хотя озером его трудно назвать, так как хоть и было оно широкое, но не глубокое, а летом вообще высыхало и до начала осени лежало на земле, словно пустая миска. Но как только фруктовые деревья подросли, и стали заслонять собой жаркие весенние лучи солнца, то озеро перестало высыхать. Сейчас оно плавным перекатом серой воды носилось между деревьями, даря им приятный холодок и размывая отражения на тёмной глади.

– Анабель...

Разлетевшийся по саду крик распугал ворон на деревьях, которые чёрным облаком взлетели вверх и, возмущённо каркая, скрылись в лесу.

– Анабель, ты где?

Мужчина стоял недалеко от сада, держа за уздечку коня. Настроение у мужчины было нерадостное, его жена куда-то пропала, хотя он и велел с места их стоянки никуда не уходить. Конь поминутно опускал голову вниз в надежде сорвать мелкую, недавно вылезшую на свет травку и тем самым дергая своего хозяина за руку, которая после серебряной пули так и не оправилась, причиняя боль мужчине.

– Я здесь, – раздалось совсем рядом, отчего мужчина раздражённо дёрнул коня за узду, поморщился и воскликнул: «Чёрт». Пройдя немного вперёд, он увидел, что за раскидистой ёлкой сидела его жена, опершись спиной о ствол дерева.

– Анабель, почему ты ушла? – раздражённо проговорил мужчина. Женщина улыбнулась и, потянув его за руку, заставила сесть рядом.

– Лорган, ты только взгляни на эту красоту, – восхищённо произнесла она, обводя взглядом деревья, усыпанные белоснежными цветами.

– Интересно, как в лесу мог вырасти такой удивительный сад.

Лорган её радости не разделял, он хмуро посмотрел на сад и вздохнул.

– В этом лесу лет тридцать назад проходило сражение, – сказал он и, закрыв глаза, тоже оперся о шероховатый ствол ели.

На него тут же накнулись воспоминания, словно стая голодных волков на оленя. Как он бежал по этому лесу, в кровь, сбивая босые ступни и не обращая внимания на полученные ссадины и царапины от колючих веток, на холод от падающего снега. Где-то вдалеке кричали люди и лаяли собаки, а вонь поджаренной плоти, казалось, душила хуже, чем петля на шее. Но он не обращал на это внимания бежал, мчался, стремился лишь к одному... к жизни.

Анабель положила голову Лоргану на плече, отчего он встрепенулся и продолжил:

– Ну, сражением это трудно было назвать, просто травля, их загоняли в круги и сжигали. В общем, здесь было огромное скопление магии, а, как известно земля самый лучший поглотитель энергий. Наверное, поэтому тут и вырос сад, ведь недалеко есть деревня, которая занимается выращиванием фруктов, и благодаря птицам, косточки плодов разбросаны повсюду.

– Значит этот сад, – через пару секунд спросила женщина, – надгробные цветы убитым в том сражении?

– Наверное, – ответил Лорган и встал с земли. – Ладно, пора в путь, до деревни час езды, там и заночуем.

– А может, останемся? – спросила Анабель, водя по траве рукой, словно в желании погладить её.

– Зачем, – удивился мужчина, закидывая на коня сумку, – до деревни недалеко, сможем переночевать на кровати, а то постоянно на твёрдой земле.

– Я не в смысле остаться, чтоб переночевать, – призналась женщина. – Я имею в виду остаться навсегда.

Лорган быстро развернулся к ней и уставился как на сумасшедшую.

– Что?

Женщина вскочила и грозно сказала.

– Лорган, мне это уже надоело! Мы постоянно куда-то идём, на одном месте не задерживаемся больше месяца. Думаешь мне по нраву такая жизнь?

– Анабель...

Мужчина хотел было что-то сказать, но женщина не оставила ему такого шанса.

– Ты посмотри вокруг, – сказала она, разведя руки в сторону. – Здесь чудесное место, почему бы нам не поселиться тут? Построим дом, будем собирать фрукты и охотиться на дичь. Да, поначалу будет трудно, но я уверена: всё получится. Главное желание!

– Анабель пойми...

– И ему бы тут понравилось! – тихо проговорила женщина, глядя рукой немного округлённый живот.

– Или ты желаешь ему такой же, как у нас жизни?

Лорган подошел к жене и, крепко обняв её, сказал:

– Я желаю только лучшего для вас, пойми. Поэтому мы сейчас собираемся и уходим.

– Но тогда хоть давай останемся тут еще ненадолго.

– Нет.

– Но...

– Я сказал нет! Анабель ты не представляешь, насколько здесь нам угрожает опасность. Первый же отряд охотников, который тут пройдёт, нас убьёт. Или ты этого хочешь?

Лорган выпустил жену из объятий и услышав её тихое: «Нет, не хочу», scomандовал:

– Отправляемся через десять минут.

Бледно-жёлтый серп луны отражался в глади воды. Деревья медленно раскачивались от ветра и грозно скрипели,

словно ругая его за то, что в такое позднее время он смеет их тревожить. Тишину спящего леса разрезал жалостливый вой волков. Лорган прекрасно знал, о чём волки хотят его предупредить, но теперь бежать не собирался. Вся его жизнь прошла в беге к чему-то такому далёкому и эфемерному, к утопии, зовущейся «свобода».

Сил идти больше не было. Рука, раненная серебряной пулей, болела, да и всё тело кровоточило из-за порезов и царапин. Лорган дошёл до того места где буквально всего лишь часа три назад они с Анабель сидели вместе, и, опершись о ствол ёлки сполз на землю.

Волчий вой, один за другим, сменился на грозное рычание, но Лоргану уже было всё равно, он сидел и смотрел на медленно опадающие на землю белые лепестки.

«Словно снег, как в ту ночь», – пронеслось в голове. Мужчина не смог не усмехнуться.

Почему же он не послушал Анабель? Может, действительно нужно было остановить, а не мчаться куда-то вперёд, в неизвестность. Если бы он только знал, что в той деревне как раз выходили из трактира охотники, он бы остался тут с ней. Но он не знал и не послушал...

Почему время невозможно вернуть назад? И самое главное, почему он не дорожил тем временем, которое у него было? Ведь он всегда торопился куда-то, к чему-то. Даже не осознавая того что время мчится быстрее него.

Лорган вытер тыльной стороной ладони нахлынувшие слезы и завыл, долго, тоскливо, вкладывая в голос всю свою боль.

В тот раз он выжил, но сейчас он убежать не хочет. Да и зачем теперь стремиться к жизни, если те, которые смогли бы разделить с ним радость времени, исчезли.

... Бледно-жёлтый серп луны отражался в глади воды. Деревья медленно раскачивались от ветра и грозно скрипели, а невдалеке лаяли собаки и громко кричали люди...

Кирилл

Мазилов

ПРОКЛЯТЬЕ БЫТЬ ПОЭТОМ

Безумная прогрессия зеркал,
Из меня строит легионы.
Я все же дьявольски устал,
Извечно соблюдать законы.

Хочу я мир перевернуть,
И изменить всем жизнь и лица,
Хочу прекрасной сделать жуть,
Хочу отвратным насладиться.

Понять меня совсем несложно,
Вот я, лечу навстречу вам.
Я сотворю все, что возможно,
Вам обещаю – все отдам!

Мне самому немного надо:
Сделать бы ярким каждый миг!
Чтоб локти не кусать с досады,
Свернув в очередной тупик.

Я не смирюсь и чрез столетья,
Прощения не стоит ждать.
Судьи смеются, словно дети,
А я все продолжаю отрицать.

Зачем, скажи, мне эта сила?
 Зачем уметь то, что нельзя?
 Какая муха укусила
 Бога, когда творил меня?

НАДЕЖДА

Мне не видать ни славы, ни богатства,
 Не слышать песен в свою честь.
 Да и не нужно! – Мне бы до привала
 Тяжелую суму свою донести.

Ни злата в ней, ни серебра не сыщешь.
 Не нажил ничего по жизни я.
 Под тяжестью поступков, словно нищий,
 Бреду я, низко голову склоня.

В своей дороге я не встречу бога,
 И дьяволу со мной не по пути.
 Пусть победители пьют эль и мед из рога.
 Я буду продолжать идти, идти...

Сквозь ясные зеленые поляны
 Ведет тропинка, – жизни суть.
 Чтоб излечиться от смертельной раны
 За горизонт я должен заглянуть.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПЕРЕД СНОМ

Вернуться я уж не посмею;
 Остаться, – это не снесу.
 От безысходности дурея,
 Я мчусь стрелою в пустоту.

Блаженство райского забвенья
 Не принесет мне сей полет.
 Лишь зыбь кошмарного виденья
 Мою реальность обожжет.

Печаль без усталости витает
 В дрожащей взгляда пелене.
 Она судьбу мою решает,
 Я же пребываю как во сне.

Как губка впитываю стоны
 Растерзанного в прах вина.
 Неровный цокот метронома
 Еще дает чуть-чуть тепла.

Я не прошу продлить немного
 Мои никчемные пути.
 Но мне так хочется в дорогу,
 Чтоб хоть куда-нибудь прийти.

Я был всегда слеп и бездарен.
 Я не мечтал рождать на свет...
 Я, черт возьми, не идеален!
 Но виноват я в этом? – Нет.

А время истекает быстро,
 Неужто вышел и мой срок?
 Пора сорвать лицо артиста,
 Преподан горький мне урок...

Поверить в жизнь я не стараюсь,
 Иной ответ я не приму.
 Вот так, во времени болтаясь,
 Я медленно иду ко дну.

Хотел я места преткновенья,
 Иль преклоненья, может быть.
 Я жаждал бурного течения,
 Я лишь мечтал о всем забыть.

Не вышло ничего, ни капли.
 И не сложилось в стройный хор.
 Напрасно было все, не так ли?
 К чему весь этот разговор?

ВЕЧНЫЙ СКИТАЛЕЦ

Отшучиваясь от пустого звука,
 Второй блокнот я исписал,
 Мои стихи хотят приюта,
 От непогоды прятать их устал.

Прокуренный уснувший бар,
 Меня укроет до утра,
 Я чувствую, что слишком стар,
 Не помню, где я был вчера.

На стенке грязного бокала,
 Увявшего лимона круг,
 Салфетка со стола упала,
 Издав при этом громкий стук.

Сегодня месяц почти полный,
 Сегодня я не пью вино,
 Всю ночь я буду слушать волны,
 Ну а к утру пойду на дно...

ЖАЖДА

Обрадоваться откровенной лести,
 Не будет стоить нам труда.
 Проснуться и увидеть – здесь ты,
 Услышать столько нежных «да».

Снова открыто улыбнуться,
 Подставив солнцу тяжесть век,
 К рукам губами прикоснуться,
 Замедлив на мгновенье бег.

Не смейся надо мной! Не надо!
 Я всегда знал, на что я шел.
 Всю жизнь блуждал в поисках сада,
 Где бы опять покой обрел.

Нашел бы тихую беседку,
 Присел бы в дальний уголок,
 Обнял бы скромную соседку,
 Прочел бы ей несколько строк.

А над камином то же фото,
 Под рамкой темное пятно,
 Годы скитаний, словно соты,
 Еще не найдено руно.

Узнаем, как настанет время,
 Зачем загадывать вперед?
 Опять поставим ногу в стремя,
 И ночью выступим в поход.

УТИХНУВШИЙ ВЕТЕР, ОПАВШЕЕ ЗНАМЯ

Справочник чувств вновь пополнился строчкой,
 Ужас видений ушел вместе с ночью,
 Теперь остается включить передачу,
 Собрал с барной стойки монетки на сдачу.

Готов я растратить последние силы,
 Готов вновь упасть, наступить вновь на вилы,
 Лишь только услышать бы дивную ноту,
 Лишь только узнать бы, откуда ты, кто ты?

Отчаяньем пахнет мой день бесконечный,
 Ну как же так случилось, что я бессердечный?
 Усиленный грохот немого скандала,
 Кто выбрался из налетевшего вала?

Отныне не будет ни встреч, ни свиданий,
 Не будет теперь ненадолго прощаний,
 Сегодня сольется все в мерную пытку,
 Кто первый решится исправить ошибку?

Горда и улыбчива, только боишься,
 Не знаешь, что будет, поэтому злишься,
 Я все понимаю, но молча, без звука,
 Даю тебе выбор, тяну к тебе руку.

Затравленно глянешь то влево, то вправо,
 Все сложности эти тебе не по нраву,
 Тебе бы хотелось уснуть и увидеть,
 Решая вопрос, никого не обидеть.

Один, словно небо, глубок, безрассуден,
 Другой как скала, но его мы не судим,
 Уверенность просто решает проблемы,
 Не будет суровой, тяжелой дилеммы.

Ты делаешь так, как давно собиралась,
 Ты знаешь, уж лучше в руках эта малость...
 А, прыгнувши в омут, себя ты погубишь,
 Пусть даже страдаешь, пусть даже ты любишь.

Потом суждены нам с тобой сожаленья,
 Не сможем понять, как мы сдались сомненьям,
 И можно бы было решить все иначе,
 Но только, увы, уже в прошлом задача.

Позволю сказать тебе: «Что ж, не сложилось...»
 Не дам тебе вспомнить, как слезы струились,
 Хочу уберечь тебя я даже в боли,
 Нет смысла топтаться по старым мозолям.

А ложь результата оставим потомкам,
 Союз предан, дерзок, но путь его скомкан,
 Вдвоем мы поставили прочерк в колонке,
 Анкета заполнена – бросьте в сторону.

Зачем исправляешь портрет безупречный?
 Рожденный природой не может стать вечным.
 Мазки совершенство его отравляют,
 Черты издеваются. Смерть умирает.

В конечном итоге ты рвешься на части,
 Кричишь, вся объятая бешеной страстью,
 Ты ищешь причину – я сделаю милость,
 Легко прекращу то, что в фарс превратилось.

Я буду спокоен. К чему обвиненья?
 В любви обрели лишь на миг мы спасенье.
 А все, что осталось – лишь грустная память,
 Утихнувший ветер. Опавшее знамя.

*Євгеній
Вахно*

* * *

Гріховне тіло відчувало страх,
Ховаючи обличчя від причастя,
Бо прийняло до серця – чорне щастя,
Здрігається в передчутті біди.

До плоті безперервно входять сни,
І марево затьмарює свідомість,
Прийнявши заздрість, захланність та гордість –
Яскраві і приємні бачить сни.

...І зірване з вершини самоти,
Порепане найтяжчими гріхами,
Розбите під уламками скали,
Не просто знайде спокою у храмі.

Ти мусиш стати із останніх сил
На сторону – добра, терпіння, муки.
Хоч і не починав той смертоносний бій,
У армії Христа – з отцями лженауки.

* * *

Вивчайте свою рідну мову,
Співучу красу возлюбіть.
Тарасове слухайте слово, –
Народне творіння прийміть.

Відлуниться й десь моє слово –
 Об землю стражденну в віках.
 Вивчайте свою рідну мову,
 Вивчайте її по складах.

Хто ж висловить волю народу,
 Хто ж висвітлить нинішній час?
 Наповнилась силою воля –
 Моєї батьківської мови.

Вона є містичним ядром.
 Океаном не маючим меж.
 Заграла струною на кобзі
 Й злетіла, як птах до небес.

Вивчайте свою рідну мову
 Її Україну любіть,
 Моліться за неї і щастя
 Для неї у Бога просіть.

* * *

Люблю я тебе Україно,
 Вічна земля молода,
 За тебе піду до загину,
 Без тебе не має життя!

Час вже брати розумітись,
 Немає назад вороття,
 Одна в нас родина і віра,
 Ми разом – єдина сім'я.

Полеглих борців вічна слава,
 Веде до намічених мрій,
 І вірність до своєї держави
 Хай буде законом для всіх.

Вже досить: руїн і на правду
Дивитись очима сусідів.
Не знаю я кращу країну
І мову її солов'їну.

Люблю я тебе Україно,
Вічна земля молода,
За тебе піду до загину,
Без тебе не має життя!

Алла

Чаплин

* * *

Я знаю, что ты где-то рядом. Ты есть. Я надеюсь, ты слышишь меня! Я летел за тобой к солнцу, и оно сожгло мои крылья. Я пошёл за тобой во тьму, и мой разум помрачился; упал за тобой в пропасть и разбился.

Я напишу для тебя свои лучшие стихотворения и опубликую, ты прочтёшь их и найдёшь меня. Я буду ждать...

БЕЗДОМНЫЕ

Посмотрел виновато в глаза ему.
«Нет ничего с собой».

Сейчас я сухая развалина,
И в будущем нищий запой.
Вернусь я потом куда-нибудь,
Там будет прогорклый свет,
Там будет глухое отчаянье,
Телевизор, соседи и плед.

А пес у дороги будет сидеть,
На тёплые окна с надеждой смотреть.

Поэзия бардов

Ольга

Шапран

* * *

Краску заката море смывает.
Всё замолкает, всё замирает.
Ветер-бродяга в степи заблудился,
Месяца серп в вышине появился.
Море о берег ласково плещет,
Стебель травинки под ветром трепещет.
Медленно море валы нагоняет.
Берег солёные губы целуют.
Волны бегут, своей песней чаруя,
Жёлтою пеной песок укрывая.
Море о чём-то тихо вздыхает,
Море поёт средь ночной тишины.
Это от слёз так мокры его губы,
Это от слёз так они солёны.

* * *

Я получить письмо хотела,
Но ждать устав, пишу сама.
Купить конверты – четверть дела,
А телефоны – враг письма.

Ну, здравствуй, милый! Я скучаю
 И в суете не забываю
 Я сердцу милые черты.
 И хоть разлуку мы познали,
 Жаль, мне расскажешь ты едва ли,
 Как без меня скучаешь ты.
 Забот не много и не мало.
 За полночь далеко уже.
 Быть может, тело б отдыhalo,
 Да вот покоя нет душе.
 А за окном бушует ветер,
 Проектор равнодушно светит
 И бьётся о причал прибор.
 Печаль на сердце мне помехой,
 Как будто каждый, кто уехал,
 Души кусочек взял с собой.
 А будни вновь владеют нами,
 Неся заботы и дела...
 Как неуютно временами,
 Как сердцу хочется тепла!
 Строка к строке письмо сложилось.
 Мне жаль, но вышло так само,
 Что среди ночи получилось
 Такое грустное письмо.
 Как говорят, ещё не вечер!
 С тобою нам до нашей встречи
 Осталось уж немного дней.
 Я со своею справлюсь ношей,
 А ты лишь думай о хорошем
 И выздоравливай скорей.
 Ну, вот и всё. Конец посланья.
 Зарёй окрасился восток.
 Тебя целую. До свиданья.
 И жду в ответ хоть пару строк.

* * *

Закат пастелью тронул даль,
 И ты воскликнул в восхищенье,
 Увидев, что расцвёл миндаль,
 Весенний вестник пробужденья.
 А я со смутной грустью вновь
 Под грёз чарующую небыль
 Смотрю, как бабочки любовь
 Кружат в весеннем синем небе.

* * *

За пеленою слов твоих мне видится пропасть равнодушия. Душа хочет тепла, пусть не любви, но заботы, понимания. Я хочу найти к тебе дорогу, но между нами будто стеклянная стена, мы видим друг друга, но не слышим. Я ищу дорогу к тебе, я стремлюсь к тебе, но, наверное, я иду не по той дороге. Мне больно и непонятно. Всё смутно и неярко, как туман над болотом. Что мне делать? Прошу тебя, Боже, укажи мне путь, помоги понять, где правда, где ложь, почему всё не так, как надо. Я чувствую, что могу быть счастлива с тобою, бывают моменты, когда я ощущаю это в полной мере, и тогда душа моя наполняется покоем и радостью, моя душа, которая почти не знает, что такое покой, потому что постоянно перебирает, как чётки в руке, мысли, чувства и события, порой складывая их в причудливые сочетания, порой обнажая их острые края и раня себя. Если бы ты понял меня и пошёл мне навстречу, я была бы счастлива... Сможешь ли ты?..

* * *

Слова об этом ничего не стоят.
 И сердце пусть ничто не беспокоит
 Сомненьем неосознанной вины.
 Здесь размышленья вовсе не нужны.

Но к яблочку души найдя дорогу,
 Червяк сомненья сердцевины точит,
 И мысль-плутовка голову морочит,
 Что жизнь к иному приведет порогу.

Живи, как жил, и наберись терпенья,
 Судьбе своей, чем сможешь, помоги.
 Отступят прочь сомнения-враги,
 И мир преобразится в то ж мгновенье.

ПРО ЭТО

В жизни, полной пессимизма,
 В суеты извечной час
 Два невечных организма
 Повстречались как-то раз.

И в короткий час досуга
 В толк никак не могут взять,
 Как же им помочь друг другу,
 Чтоб друг другу не мешать?

* * *

В душе былого жара нету.
 Увы, печальные дела!
 Я в резонанс с одним поэтом
 Войти полночи не могла.

Ужели я ему не пара?!
 Средь нот не вижу я ни зги.
 Подруга верная гитара
 Минором пудрит мне мозги.

Но мысль пришла, как спички вспышка.
 И снова жизнь моя светла!
 И я, трудясь без передышки,
 Поэту песню родила.

* * *

Воспоминаний водоём
Со дна знакомый поднял профиль...
Как быстро в облике твоём
Вдруг проявился Мефистофель!

* * *

Благословенны те моменты,
Когда поэтов друг Пегас
Лишь перлы вместо экскрементов
Ссыпает в кучи на Парнас.

Когда Парнас в сомненье роет
Его игривая нога,
Он производит кучи, в коих
Дерьмом прикрыты жемчуга.

Пегас прекрасный и могучий!
Тебя люблю, к чему скрывать!
Но только зря кладёшь ты кучи,
В которых нечего искать!

*Валентина
Смашная*

«НЕПУТЁВЫЕ ЗАМЕТКИ»

* * *

Вдоль пунктира разметки дорожной
Авто ползет в тумане осторожно
И разглядеть за пеленою невозможно
Ни знаков, ни обочины... ни зги.
А по другой полосе, по встречной,
Ползут, слепят чужие фары-свечи...
От напряжения немеют плечи,
Глаза слезятся и набекрень мозги...
Но уводит уверенно в даль
Путеводная нить Ариадны
Под ногою тугая педаль
И машина послушна рулю.
Да еще сквозь туманы горит
Маячком стоп-сигнал нарядный –
Кто же там этой ночью не спит,
Освещаая дорогу мою?..

Джанкой – Ростов

* * *

На лесной опушке,
Словно две подружки,
Елка и березка,
Обнявшись, стоят.

И, роня слезы,
 Белая береза,
 Жалуется елке,
 Грусти не тая.
 Плачет береза –
 Капают слезы,
 Да только у елки
 Объятия колки.

г. Азов

* * *

Как невесомые, в воздухе плавно снежинки кружатся
 Слетают, слетают
 Ворохом пуха с бескрайних белесых небес.
 В чутком безмолвии тихо на черную землю ложатся
 Не тают, не тают
 И наполняют волшебным сиянием сказочный лес.

г. Азов

* * *

Ёлочка – лесная полуночица
 Ей зимою вовсе спать не хочется
 И стоит она совсем зеленая,
 Инеем слегка посеребренная,
 Или разодега в пух и прах
 С шубой белоснежной на плечах.
 А березка рядом белоствольная
 Под покровом снега спит спокойная
 Снится ей зимой холодной вольная
 Песня голосистого соловушки.
 Летом будет и она – зеленая,
 Талою водою напоенная,
 Чистыми снегами побеленная
 Шелестеть кудрявою головушкой

ст. Саянская

* * *

По белым снегам необъятной России
 Рассыпались стайки берез.
 Прозрачно-бледны, беззащитно-нагие
 В трескучий сибирский мороз.
 Как будто пришельцы из мира иного –
 Мираж раскаленных пустынь –
 Воздушно, чуть призрачно и невесомо
 Врастают в небесную синь.

ст. Саянская

ПИСЬМО МАМЕ

Много есть разных тем,
 Что дают вдохновенье поэту:
 От глобальных проблем
 До любовных признаний и ссор...
 Вот и я все писала и пела
 Про то и про это –
 Сколько песен для всех было спето...
 Лишь о маме своей
 Я не пела еще до сих пор.

Знаешь ты, что была я всегда
 На признанья скупа и упряма.
 Только время летит
 Год за годом стремительно прочь...
 И теперь я боюсь опоздать,
 Чтоб сказать: «Я люблю тебя, мама!
 За обиды, родная, прости
 Ты свою непутевую дочь...»

Так, увы, повелось –
 Мы не ценим того, что имеем.
 Ставим жизнь на «авось»
 И сжигаем свои корабли...
 И в разлуке с родными

Упорно надежду лелеем,
 Что не время еще, что успеем
 Все сначала начать
 И исправить ошибки свои.

По земле пролегли
 Через души и судьбы границы.
 От меня ты вдали...
 Слава Богу, там лучше, чем здесь!
 Но все кажется мне
 В ночь, когда так тревожно не спится,
 Из-за моря рассвета зарницы
 От тебя мне несут
 Долгожданную добрую весть...

Знаешь ты, что была я всегда
 На признанья скупа и упряма.
 Только время летит
 Год за годом стремительно прочь...
 И теперь я боюсь опоздать,
 Чтоб сказать: «Я люблю тебя, мама,
 За ошибки, родная, прости
 Ты свою непутевую дочь...

Лирика Боспора – детям

Алексей

Вдовенко

СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ

Мне, ну, и сестрёнке Зине –
Вот, радость-то какая! –
В нашем зоомагазине
Купили попугая.

Вот, только мама всё твердит,
Что очень я наивный,
Вдруг Гоша не заговорит, –
Пропали наши гривны...

И мы компьютерных мышей
Три дня уже не мучим:
Мы попугая поскорей
Словам хорошим учим.

Тревога мамина была
Конечно же, напрасной –
Спросили: «Гоша, как дела?» –
А он ответил: «Классно!»

И стала вся наша семья
Теперь счастливой самой –
Сам Гоша, папа, Зина, я,
Ну и, конечно, – мама.

Анна

Чудновская

ДОЖДИК

Дождик вышел на прогулку.
Пробежал по переулку,
Постучал в моё окошко:
“Выходи гулять, Серёжка!
Собирайся поскорей:
Вместе будет веселей.”
Я оделся, я спешил,
Только папа не пустил.

М а т о я н а

Л е в ч е н к о

КРОКОДИЛ ГОША

Крокодил – не хладнокровный.
Тёплый: я погладила.
На руках лежал, покорный,
Грустно так поглядывал.

Сказали: «зарабатывай!»,
Намордник надели...
Снимается за плату он
На городской панели.

Сурова жизни проза:
Трудись, чтоб накормили...
И льёт ночами звёздными
Он слёзы крокодильи.

Вера

Ковалю

МАМА

Я рисую свою маму,
Называется – портрет.
Я закончу, я упрямый,
Подарю ещё букет
Ей цветов живых, весенних.
Маму очень я люблю –
Говорю всем, без стеснений,
И всегда её хвалю.
Моя мама молодая,
Моя мама лучше всех.
Я всегда ей помогаю,
И ещё дарю ей смех.

Римма

Полуянова

**ДАЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
МАЛЕНЬКОГО ТЁМЫ
И ЕГО БАБУШКИ**

ГНОМИК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Гномик сказочный на даче
Под большой сосной сидит.
Целый день, с утра до ночи,
Он хозяйство сторожит.

И друзья с ним с давних пор –
В мире нет их лучше:
Черепаша, Мухомор,
Серый Ёж колючий.

Рядом шустрая синичка
Песенки свои поёт.
Очень голосиста птичка –
Всем поёт, кто подойдёт.

Украшают двор они.
С ними мы играем.
И как жили бы без них,
Мы не представляем.

БОЖЬЯ КОРОВКА

Божья коровка – модница такая.
Платьице в горошек носит, не снимая.
По травинке ползёт весело и ловко,
Только жаль, молочка не даёт коровка.

МУРАВЕЙ РАБОТНИК

Муравья не обижаем,
Он трудиться любит, знаем.
В муравейник свой несёт
Всё, что по пути найдёт.

То соломку, то листок
Из последних сил несёт,
То засохшего жука,
То опилки от пенька.

Так работать он привык
Каждый день, без выходных.

ЯЩЕРКА - МАЛЫШКА

Греется на камушке
Ящерка-малышка.
Подставляет спинку
Солнечным лучам.

Ничего не видит,
Ничего не слышит,
Просто очень рада
Тёплым майским дням.

Нежится, закрывши
Маленькие глазки,
После зимних холодов
Дышится легко.

Лес шумит листвой,
 Рассказывает сказки,
 Обдувая лёгким
 Летним ветерком.

КОМАРЫ КУСАЧИЕ

Хорошо на даче летом –
 Лес шумит, цветы цветут.
 Только комары при этом
 Жить спокойно не дают.

То над головой зудят,
 То кусают ухо,
 То перед лицом кружат,
 Словно злые мухи.

Ветки ивы мы сорвали,
 Чтобы бить по комарам,
 По ногам себя хлестали,
 По плечам и по рукам.

Только комары никак
 Не хотят сдаваться,
 Икусать нас норовят –
 Мол, сдавайтесь, братцы!

Оказалось, что непросто
 С комарами справиться.
 Может, нам, пока не поздно,
 По домам отправиться?

Очень уж кусачие
 Комаришки дачные.

ОДУВАНЧИКИ - ЦВЕТЫ

Как ковёр лужайка
 Вся в цветочках ярких.
 Это одуванчики в мае расцвели.
 Тянут прямо к солнышку
 Жёлтые панамки –
 Любят одуванчики солнечные дни.

Но пройдёт немного
 Дней чудесных, тёплых,
 Жёлтых одуванчиков не увидим мы.
 А на стебелёчках
 Тоненьких, высоких,
 Белые, пушистые, лёгкие шары.

Только дунет ветерок –
 Разлетится весь цветок!

УЛИТКА

Ползёт улитка по стене
 Еле-еле, как во сне.
 На спине ракушка –
 Домик-завитушка.
 Посадили на ладошку –
 Сразу высунула рожки.
 Нам улитка нравится,
 Даже если дразнится!

ЁЖИК

Ёжик, ёжик, ты куда
 Убегаешь от меня?
 Я и сам тебя боюсь,
 Вдруг иголкой уколюсь!

Ёжик вмиг остановился,
 В шар колючий превратился.
 Нет ни мордочки, ни ножек...
 Ох, и хитрый этот ёжик!

Г Р И Б Н А Я   С Е М Е Й К А

Под ёлочкой, под ёлочкой,
 Колючею иголочкой,
 Вырос гриб-боровичок
 В красной шляпке на бочок.

Рядом с ним – сыночек –
 Маленький грибочек.
 Ой, смотри, ещё один
 Показался из земли!

Пусть растут грибочки –
 Папа, сын и дочка!

Л Я Г У Ш О Н О К

Посмотри, в канавке
 Скачет лягушонок,
 Маленькие лапки,
 Ну, совсем ребёнок!

Прыгнет влево, прыгнет вправо,
 Ищет он лягушку-маму.
 Только как её найти,
 Если кочка на пути?

Даже квакать он не стал,
 Потому что очень мал.

ПРОГУЛКА

Перед дневным сном мы с Тёмой пошли на прогулку. Сначала покачались на качелях во дворе, потом вышли за ворота на дачную улицу.

Как всегда, срывали одуванчики и дули на пушистые белые шары. Видя, как разлетаются лёгкие пушинки-парашютики, Тёма громко смеялся, стараясь поймать их ручками. Потом ловили жёлтых бабочек, которые летали с цветка на цветок, но не поймали ни одной.

Долго наблюдали за муравьём, тащившим через дорогу сухую травинку. «Баба, баба», – сказал Тёма и показал на божью коровку, которая сидела на ромашке. Я положила её Тёме на ладошку и стала петь: «Божья коровка, полети на небо, там твои детки кушают конфетки». Божья коровка раскрыла крылышки и улетела.

Незаметно мы дошли до конца улицы. Возле кучи гравия увидели тачку. Из калитки вышел мужчина и стал нагружать тачку. «Помогай, Тёма!», – сказал он. И Тёма начал бросать камушки в тачку. «Ну, молодец, спасибо тебе, малыш, за помощь», – мужчина повёз тачку во двор. Тёмка показывал пальчиком и говорил: «Дядя р-р-р».

Пора было идти к дому, но он никак не хотел уходить. Вдруг из калитки соседней дачи выскочила собака по кличке Амур и понеслась по улице.

«Тёмочка, давай догоним Амура», – и мы тоже побежали вверх по улице. Почти возле нашего дома мы увидели мальчика, который бросал камешки в канаву. Его папа стоял рядом. Я поздоровалась и сказала, что наконец-то на нашей улице появился мальчик и нашему Тёме будет с кем играть.

Мужчина ответил, что они здесь в гостях, вечером уезжают, а сына зовут Максим. Оказалось, что он четыре месяца старше Тёмы. Мальчишки стали вместе собирать камушки и бросать в канаву, радуясь тому, как брызги разлетаются во все стороны.

По улице проехала машина, и Тёма радостно закричал: «Баба, р-р-р!».

Ну, надо же, как ваш мальчик хорошо произносит «р», а вот наш Максим на машину говорит «ж-ж-ж».

В это время ещё одна машина подъехала к даче напротив. Водитель ушёл, а Тёма подбежал к машине и, тыкая пальчиком в дверцу, сказал Максиму: «Р-р-р». Максим тоже ткнул пальцем в дверцу и важно так ответил: «Ж-ж-ж!» Тёма снова, протестуя, скал: «Р-р-р». Но Максим покачал головой и ответил: «Ж-ж-ж».

И такой деловой спор продолжался до тех пор, пока водитель не вышел из дома, сел в машину и поехал.

«Помашите машинке ручками, попрощайтесь с ней», – предложила я малышам. Тёма закивал головой и сказал: «Пока, пока, р-р-р». Максим тоже помахал ладошкой: «Ж-ж-ж», – прожужжал он.

«Ну, нам пора. Приятно было познакомиться, – сказал его папа. – Пока, пока, Тёма!» «Да ведь и нам пора. До свиданья, Максимка, до встречи». Мы попрощались с новыми друзьями и пошли отдыхать.

Анна

Тарасенко

СКАЗКА О МАЛЕНЬКОЙ ЗВЕЗДОЧКЕ

В одном современном городе, немного сказочном, а может эта волшебная история произошла рядом с тобой, жили совсем обычные счастливые люди. Были они счастливы от того, что росли рядом с ними их самые прекрасные, чудесные и замечательные дети...

Когда наступало утро и солнышко будило город своими золотыми лучами, оно струилось и плескалось в лазурной речке, город наполнялся пением райских птиц и серебряным смехом детворы...

Так длилось весь день, но когда наступала ночь и все детки уже спали в своих чистеньких колыбельках и кроватках, а их мамы, и иногда даже папы, пели им свои колыбельные, которые когда-то им пели их мамы... Тогда и началась наша сказочная история...

На небе появлялась маленькая Звездочка, она была очень мала, но её чистое сердечко и желание изменить этот мир, чтобы он стал еще лучше, сияли так, что затмевали даже очень крупные звезды...

И вот наша Звездочка, услышала как-то в нашем Волшебном, и вполне Счастливом городе, как кто-то плачет и просит о помощи.

Попросила тогда Звездочка своего названного братца молодого и озорного Ветерка, и его друга летнего Дождика, разузнать, кто же не спит по ночам в городе... Отправились

наши герои на поиски... Час проходит, другой... прилетели Ветерок и Дождик и поведали каждый свою историю...

На южной окраине города, живет девочка, у неё ясные, голубые глаза и золотые волосы, похожие на свет луны, когда она плачет, ее слезы похожи на жемчужины. Живет она одна и печалится о том, что нет у неё мамы, каждую ночь она смотрит на небо и просит у него помощи..., просит помочь найти ту, которая будет любить её всем сердцем и душой!

– Да о чем ты говоришь, Ветерок, возразил Дождик! Это плачет Женщина, вырастившая в восточной части города диковинный сад, в нем растут голубые розы, запах который способен излечить от любой болезни... но не способен подарить этой женщине дочь, о которой она молится уже 5 лет...

Поняла тогда наша маленькая звездочка, что вот он тот миг, ради которого она появилась на свет, попросила она своих помощников полететь обратно и привлечь внимание золотоволосой девочки и цветочницы ровно в 12 часов, когда часы на башни главной городской площади пробьют 12 раз...

И вот в полночь ветерок распахнул окошко девочки, она спрыгнула с кровати, подбежала к окну и увидела ЧУДО... в этот же момент разбуженная барабанищими каплями летнего, но настырного Дождика, затаив дыхание на небо смотрела хозяйка прекрасного сада...

А наша Маленькая, но очень яркая Звездочка, совершая фантастические пируэты, не падала, а танцуя, опускалась на землю, привлекая внимание наших героинь чьи сердца уже бились в унисон, понимая, что это сказочное видение предназначено для них... В последний раз отважная, сверкающая Звездочка, как маленькая, добрая Фея зависла над городскими часами и с последним ударом растворилась в небе...

А утром, только рассвело, на городской площади встретились Златокудрая девочка и женщина с голубой розой в руках. Они встретились, чтоб уже никогда не расставаться и дарить свою любовь друг, другу и окружающим, как это сделала ради них Маленькая, но очень яркая Звездочка, сказка о которой будет передаваться из уст в уста...

Граеведение,
публицистика

Василий
Дуданов

*ветеран Военно-Воздушных сил,
председатель комитета ветеранов
Вооружённых Сил г. Керчи*

АТОМНЫЙ ПОЛИГОН: МОМЕНТ ИСТИНЫ

фрагменты из книги

Посёлок Багерово расположен в четырнадцати километрах от Керчи. В войну тут был полевой аэродром. Сначала Советский, потом немецкий, потом снова Советский. В августе 1947 года было принято решение о создании 71 полигона Военно-Воздушных Сил для авиационного обеспечения ядерных испытаний по программе ядерного щита.

ПРОСТИ, ЗЕМЛЯ!

*Ещё не обрывала осень листья,
Сады и лес для нас позолотив,
Но тишину вдруг разорвал – не выстрел,
А самый сильный, самый страшный взрыв.
Оглохли птицы певчие от гула,
Их дивный голос больше не вернуть.
Земля не устояла, пошатнулась
И застонала, раненая в грудь.*

Начало 1947 года. Для многих граждан это был год новых надежд, побед и свершений.

Москва. Игорь, молодой, энергичный учёный физик, лежал в постели, опираясь на подушки. В окно врывались световые блики уличных фонарей, и создавалось впечатление, что в гостиничном номере включено ночное освещение. Он не спал. Он лежал в постели и сквозь не зашторенные окна смотрел, как медленно по небу плывут звёзды, изредка слышался лай собак.

Мыслей не было – он оставался в том духовном и телесном оцепенении, которых не хочется прерывать. Пока не нужно было ни думать, ни действовать. А вскоре придёт. Теперь он убедился в том, о чём раньше лишь подозревал.

Он лежал, глядя, как бледнеет, наливается ясным перламутровым светом ночное небо.

Резкий звонок телефона вывел его из состояния оцепенения.

– Товарищ Курчатов?

– Да!

– Вам приём назначен на девять часов утра. Машина подойдёт без двадцати минут!

– Машину присылать не надо, – сказал Курчатов, – я пройду пешком!

– Хорошо!

... Времени до назначенного приёма было достаточно. Курчатов шёл по скверу. Уже было светло, легкокрылые воробьи стайками порхали над самой землёй, летели кормиться. Лесной голубь величественно поднялся с сосны, захлопал крыльями и воспарил в утреннем восходящем потоке. Морозный воздух празднично пахнул хвоей.

Он шёл и улыбался, улыбался... Он вдруг почувствовал себя самым собой, он ощущал свои глаза, свою улыбку, красные уши, скрипучую мёрзлую крепость земли. Люди шли на работу, спешили в магазины, топтались у остановки, и он был со всеми ими, как патрон, вскочивший в свою обойму. Иногда у него перехватывало горло, хотелось плакать, и это тоже было счастье.

На встречу Курчатов прибыл в точно назначенное время. Дежурный по Министерству Обороны проводил Курчатова до кабинета Министра Обороны.

В кабинете Министра уже находились Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами Маршал авиации К. Вершинин, начальник Главного штаба ВВС маршал С. Руденко, командующий Дальней Авиацией Маршал авиации А. Новиков., представители Минсредпрома Б. Банников, Б. Малышев, В. Рябиков, Н. Павлов и другие товарищи.

Министр поздоровался с Курчатовым за руку и пригласил присесть рядом с собой на свободное кресло и начал совещание: «Товарищи! В связи с продолжающейся разработкой ядерного оружия в США, ЦК ВКП(б) и Советом Министров рассмотрен вопрос создания ядерного щита СССР в целях обеспечения его безопасности и укрепления статуса Великой державы. Нам поручено разработать свои предложения по созданию соответствующих институтов, структур воинских подразделений и всей общей инфраструктуры, необходимой для разработки ядерного оружия, его испытания, и представить на рассмотрение и утверждение Правительством!»

Закончив совещание, Министр сказал: «Работа предстоит крайне ответственная, особой государственной

важности. Проводить её придётся в строгой секретности, дабы не вызвать раздражения у руководства капиталистических держав!»

Курчатов уезжал в Крым. Поезд уходил вечером, тот же поезд, с той же платформы, до слёз знакомые Курчатову. Отъезжающие в ватниках. Чемоданы. У каждого вагона прощаются.

Поезд тронулся лёгким толчком, без гудка. Давно уже нет гудков, поезда трогаются незаметно, только лёгкий толчок. Редели прореженные сумерками огни. Их становилось всё меньше и меньше. Постукивает, мотает ночной вагон.

Старик со старухой развязывают торбу, достают хлеб и яйца.

– Угощайтесь, – говорит старуха Курчатову, который сидит напротив и смотрит за окно, в ночь. Лицо заросло, он недавно начал отращивать бороду.

– Спасибо. Не хочется что-то!

– Откуда будешь?

– Из Ленинграда, – ответил Курчатов.

... Обхватив голову руками, Курчатов устремил взгляд в тёмное ночное небо. В нём проплывали кудрявые облака. Яркий месяц с чётко очерченными рогами проливал свет на замёрзшую землю. На Курчатова нахлынули воспоминания. Дорога в Ленинград. Вот он видит русскую печь посередине поля – всё, что осталось от сожжённой деревушки, в этой печи пекут хлеб пополам с корой, голодные ребятишки в ватниках, в каких-то отцовских пиджаках вертятся тут же. Видит он разрушенные кварталы, обгорелые коробки каменных домов тянутся длинными улицами, переходя в развалины. Видит подбитый немецкий самолёт, где живут люди, военные землянки, тоже приспособленные под жильё, и даже в горелом танке живут, потому что надо где-то жить.

– Господи, как подумаешь о них, ленинградцах, – прерывает воспоминания Курчатова голос старика, – так наше горе не бедой кажется.

Привыкшие ко всему люди молчат, не утешая.

– Куда же ты сейчас? – спросил Курчатова старик.

– В Крым!

Вагон мотает, колышутся тени, где-то плачет ребёнок. В вагоне душно, жарко. За окнами вагона ночь, какой-то городок проносится, мелькая вспыхами фонарей, гудит под колёсами мост, и снова огни прочерчивают вагонное стекло.

Поезд, поскрипывая тормозами, останавливается на станции Симферополь.

Курчатov, стоявший у окна, несколько секунд наблюдавший привокзальную толчею, повернулся, взяв чемоданчик, вышел из вагона. Вокзал забит спящими, ждущими поездов, люди обосновались вдоль стен, с ребятишками, со всем своим скарбом, тут же едят.

День был ясный и солнечный. Курчатov стоял и радовался новым настроениям, новому дню.

– Товарищ Курчатov? – окликнули его.

– Да!

– Пройдёмте к машине.

Машина неслась с большой скоростью, её мотало из стороны в сторону. Вот она, ревя, преодолевает подъём, а затем бесшумный спуск.

Курчатov сидел в задумчивости, – с чего начинать?

Наконец, машина остановилась у здания областного комитета партии. Курчатov вошёл в кабинет первого секретаря, бегло осмотрелся и понял, что его уже ждали. В кабинете находились штатские и несколько военных. Руководитель областной партийной организации сообщил ему о результатах предварительных изыскательских работ по размещению полигона и предложил выехать на осмотр

предварительно выбранной площадки и принятия окончательного решения на месте.

Курчатов согласился. Военный автобус мчался по улицам города. Колёса поднимали фонтаны грязи и воды из многочисленных луж. Наконец, машина достигла окраины города и взяла курс в направлении на Керчь.

Долго выбирали место для полигона из соображений безопасности, окончательно определили посёлок Багерovo, где ранее был полевой аэродром. Здесь, по статистике, много солнечных дней, что существенно для обеспечения визуального наблюдения за испытываемыми объектами при траекторных измерениях. При этом учитывались безопасность испытаний и соблюдение режимных условий, а также возможность отчуждения для полигона значительной территории. Это 150 квадратных километров. Восточную границу полигона определили от посёлка Багерovo к азовскому морю в районе Чокракского озера, а западную – к Казантипскому заливу. К глубокому сожалению Курчатова на выбранной площадке все бывшие аэродромные сооружения и взлётно-посадочная полоса были разрушены, жилой фонд отсутствовал. В месте дислокации будущего гарнизона не было дорог, источников водоснабжения, линий электропередачи.

Итак, площадка выбрана. Военные специалисты и картографы оформили свои обоснования и представили Курчатову на утверждение. После дополнительных уточнений и обследований карта-схема размещения полигона была утверждена.

Курчатов и представители Министерства обороны отбыли в Москву для доклада в ЦК ВКП(б) о проделанной работе.

Решение о создании 71 полигона ВВС для обеспечения ядерных испытаний было принято ЦК ВКП(б) и Советом Министров СССР 21 августа 1947 года.

*Михаил
Чудновский*

МУЗЫКОВЕД, ЛИТЕРАТОР, ПЕДАГОГ
(«Боспор-Крым» № 7 от 16 февраля 2012 г.)

Наш город дал отечественной культуре ряд видных деятелей и среди них — И. В. Нестьев.

Израиль Владимирович родился в Керчи 17 апреля 1911 года. В 1926-28 годах, в 15-17 лет — уже литературный сотрудник газеты «Красная Керчь». Примерно в те же годы одаренный юноша сопровождал своей игрой на пианино показ немых фильмов в керченских кинотеатрах (об этом автору рассказал друг юности И. В. Нестьева, ныне покойный режиссер А. Н. Зильбергиссер).

С тех пор музыка и литература часто соседствовали в жизни Израйля Нестьева. Так было в 1928-1932 годах в Тбилиси, где керчанин совмещал учебу в консерватории с работой литературным сотрудником радио Грузии. Затем — обучение в Московской консерватории и в аспирантуре по специальности «музыковедение» (окончил в 1940 году). Напряженные занятия не помешали молодому специалисту в 1937-1941 гг. активно участвовать в работе редакций газеты «Музыка» и журнала «Советская музыка», в должностях заведующего отделом и ответственного секретаря, соответственно. Во время Великой Отечественной войны музыковед находился в рядах Советской Армии.

После Победы, в 1946 году, Израиль Владимирович защитил диссертацию на степень кандидата искусствоведческих наук, обобщив в ней творческий путь Сергея Прокофьева. Диссертацию перевели на английский и французский языки и в том же году издали в Нью-Йорке и Париже. В СССР его книгу «Прокофьев» напечатали в 1957 году. И здесь надо особо отметить принципиальность и духовную стойкость Нестьева, сумевшего добиться публикации своего сочинения в то время, когда продолжало действовать постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». В нем и в развернутой в связи с его принятием пропагандистской кампании грубой и

необоснованной критики за так называемые «проявления формализма в музыке», подверглись многие известные композиторы, в том числе С. Прокофьев, А. Хачатурян, Д. Шостакович.

Ученую степень доктора искусствоведческих наук нашему талантливому земляку присвоили в 1970 году, после выхода в свет его книги «Бела Барток. 1881-1945. Жизнь и творчество». И книга, и диссертация отразили многолетнее изучение Нестьевым вклада выдающегося венгерского композитора в музыку 20 века. Кроме того, перу Израиля Владимировича принадлежит более двадцати обширных статей, посвященных различным направлениям русского и мирового музыкального искусства 19-20 веков. Возможно, полученные им в детстве и юности в многонациональном Крыму впечатления послужили одним из стимулов для написания статьи «О национальном и интернациональном в развитии современных музыкальных культур» (1974 год).

Задачам повышения общего уровня музыкальной культуры читателей/слушателей призваны содействовать написанные известным музыковедом доступно, но не упрощенно, книги: «Как понимать музыку» (1962 год, 2-е издание в 1966 году), «Учитесь слушать музыку» (1987 год).

В 1956 году И. В. Нестьев стал доцентом Московской консерватории, в 1974-м — профессором. С 1960 года он также являлся старшим научным сотрудником Института истории искусств Министерства культуры СССР. Свои глубокие знания ученый и педагог передал многочисленным ученикам. Умер Израиль Владимирович Нестьев в 1993 году в Москве.

Как же нам, керчанам, лучше всего увековечить память о нем и о других замечательных людях, чья жизнь связана с нашим городом? Вероятно, в обозримом будущем сформируется группа краеведов-энтузиастов, которая сумеет подготовить книгу о знаменитых земляках, и найдутся меценаты, которые помогут ее издать. Но начинать надо с чего-то, вполне осуществимого в ближайшее время. Например, хорошо, если бы кабинету музыкальной литературы музыкальной школы № 1 присвоили имя профессора Нестьева — верного Рыцаря Музыки.

Ада

Токарева

ДЕТИ ВОЙНЫ. КЕРЧЬ.
(«Ребята нашего двора». продолжение)

Запыхавшись, Колька вбежал в квартиру. Фёдор уже собрал свой вещмешок и попрощался с матерью, женой, целовал полугодовалого сынишку Витальку. Увидев Кольку, обрадовался, обнял его и сказал: «Ты уже большой, 12 лет. Оставляю на тебя и мать, и жену, – твою сестру, и Витальку. Слушайся их и помогай им, люби и защищай Витальку, не забывай, что ты его дядька!», – и ушёл. А Кольке эти слова врезались в память на всю войну, он много думал о семье и как им выжить в эту лихую годину.

Сестра Тамара пошла провожать мужа до военкомата, а мать стояла в растерянности – что делать... Сейчас на её плечи легла тяжёлая обязанность выстоять и сохранить семью. Ей, безграмотной, часто болеющей женщине... Она вспоминала войну с германцем и гражданскую, – сидели без хлеба, голодали, – и, посмотрев на Кольку, сказала: «Вот деньги, беги по всем магазинам и покупай хлеб, буду сушить сухари, нужно побольше засушить...»

Колька бегал по всем магазинам, какие он знал, взяв с собою свою холщовую сумку, с которой ходил в школу: портфеля у него не было, так как он считался очень дорогим. Обычно он бежал к открытию магазина и как буравчик протискивался сквозь огромную толпу к прилавку, крича: «Я

здесь стоял!». Голос у него был звонкий, резкий, и женщины соглашались, что он здесь стоял, лишь бы замолчал. Говорили: «Бери, бери, только замолчи!», – и ласково смотрели на него: – «мамин помощник!». И это продолжалось до первого июля 1941 года, а там дали хлебные карточки, и уже не было таких очередей: каждый дом был прикреплен к определённому магазину, где и выкупали хлеб на текущий день. И у Кольки появилось много свободного времени.

Дети Соляной сдружились с ребятами из частных домов и вместе бегали по всему городу. Им всё надо было узнать, всё увидеть, да и было на что посмотреть. Всё чаще и чаще бомбили Керчь, многие эвакуировались, много людей самостоятельно шли на переправу, переправиться на Тамань, на Кавказский берег, колхозный скот тоже гнали к переправе. Вот и сейчас ребята бежали к порту: там стоял пароход, на который грузили раненых, детей с учителями, школы; вот и детдом погрузили на пароход, и он отчалил от пристани, стал на рейде. И тут налетели фашисты и стали бомбить пароход. Провожаящие кричали, плакали, махали руками, но ничем им помочь не могли, вдруг на бреющем полёте подлетел фашистский истребитель и начал поливать свинцовой смертью стоящих на причале, люди падали, кто насмерть сражённый, кто раненый. Это Колька видел своими глазами, они с ребятами спрятались в каком-то пустующем здании. Придя домой, он молча лёг на кровать, накрывшись с головой покрывалом. Матери он ничего не рассказал: если расскажешь, что он видел, – она бы его на улицу больше не выпустила. К тому же, она уже больше не работала: больницу эвакуировали, предлагали и ей с семьёй ехать, но она отказалась: куда ехать, в неизвестность, а здесь дом, квартира, и она решила остаться: дома и стены помогут, защитят, а куда полугодовалого внука везти?! И мать ходила на базар, на Генуэзский мол, где стояли баркасы, пришедшие с Тамани, с рыбой: сушёной, солёной, арбузами, дынями и овощами. Покупала морковь, картофель, свеклу тёмно-красную, сладкую, дома резала на дольки и сушила на

фанерке на окошке, на солнышке или на печке и в духовке, приходилось печь подтапливать для сушки овощей, хоть на дворе стояла жара.

«Мама, зачем нам их так много?». А мать и говорит: «Это для чая зимой. Знаешь, как будет приятно попить кипятка с морковкой сушёной, ведь сахара нет, и неизвестно, когда мы его купим. Ты лучше, чем бегать просто так, – занялся бы собиранием абрикос в лесопосадке, они уже созрели, и тоже посушим к чаю». Колька не бунтовал и не возмущался, что его что-то заставляют делать, он видел, что мать трудится, готовится к зиме, и утром созвал своих товарищей и предложил пойти за абрикосами.

И вот, несколько дней подряд он с ребятами с утра бежал в лесополосу, а мать с Тamarой еле успевали обрабатывать абрикосы. Днём он опять бежал во двор, на бульвар, на море. В городе людей становилось всё меньше и меньше, они уезжали через переправу на Кавказ. По ночам город замирал, словно прислушивался к тишине и привыкал к темноте. В каждой семье были чёрные шторы, которые по вечерам вешали на окна, потом включали электричество и бежали на улицу смотреть – не проникает ли где свет. Ещё одна обязанность появилась у управдома – каждый вечер проверять, как окна закрыли, если в какой квартире шторы повешены небрежно и сквозь них пробиваются полосочки света, он делал замечание и говорил: «ты что своим светом привлекаешь фашистских лётчиков?». Так что, город погружался в темноту, с 9-и вечера по городу ходил военный патруль, следил за порядком и прохожих без пропусков задерживал и доставлял в комендатуру, где они находились до утра, а потом милиция выясняла, почему тот или иной человек нарушил приказ по городу и соответственно назначали наказание.

У нас в Керчи была только одна проблема: завод Войкова: его никуда не скроешь и не остановишь, он сутками работал, ремонтируя танки, пушки, он был как маяк, – светился в ночи и привлекал к себе фашистских лётчиков. И они летели на его свет и бомбили завод и город, а город –

наугад, так как не видно было в темноте, но они фугаски сыпали, как картошку из мешка. Все зенитки были расположены около завода имени Войкова, и как только появлялись вражеские самолёты, начинали их обстреливать. Вой сирен разрезал тишину ночи, и все жители торопились в бомбоубежища. У нас оно было оборудовано в подвале, который шёл под всем домом, глубоко. Комсомольцы 9 – 10-классники дежурили на крышах своих домов и на чердаках, у кого более зоркое зрение, – на крыше, а на чердаках ребята со слабым зрением. Девчонки тоже рвались на крыши, но ребята сказали во дворе: «Мы будем сбрасывать с крыш фугаски, а вы будете тушить их в песке или в воде». Во дворах были приготовлены ящики с песком и чаны воды, точно такие и на чердаках.

Когда начинался вой сирены, комсомольцы поднимались на крыши и чердаки и прислушивались, когда падали фугаски, они бежали к ним и щипцами сбрасывали на землю, крича девчонкам: «Берегись!». А эти фугаски сыпались, как горох, только успевай сбрасывать, если не успеешь, то она проваливала крышу, падала на чердак, там другие ребята хватили её щипцами и в воду или песок, чтобы потухла. Вот чем занимались «дети войны», а потом, кто через год, а кто через два, шли на фронт, становясь солдатами этой безрассудной войны. Девчата от ребят не отставали: шли на ускоренные курсы медсестёр и работали в госпиталях и на фронте, на передовой.

Как только люди слышали вой сирены, они обязаны были со своей семьёй спускаться в подвал-бомбоубежище. Колька два раза ходил туда, но потом наотрез отказался, заявляя, что бомбы падают на крышу, а он спит на первом этаже, почти что в подвале. Набегается днём, и ему так хочется спать, что его, как говорится, и пушками не разбудишь. А мать, спустившись в бомбоубежище с внуком и дочерью Тamarой, сидела и прислушивалась, что творится на улице, и вздрагивала от сильного шума, переживала за сына, спящего дома. И мать не выдержала, через два дня собрала вещи, питание, попросила конюха с конюшнями,

расположенной поблизости от их дома, отвезти их в Булганакские каменоломни. В Аджимушкайские она не хотела ехать, уж очень плохие воспоминания о жизни в нём её преследовали. Вместе с Токаревыми поехали её подруга Астанина с сыном Вовкой. Прожили они там несколько дней, наблюдали, как над Керчью советские лётчики с фашистскими, как бомбы сбрасывала на Керчь фашистская нечисть. Но вот стало тихо, мать засобиралась домой, но заболела Тамара, простудила грудь, и у неё начался мастит. Как будто и не холодно было, они жгли костёр у входа в пещеру, но вот, всё же болезнь приключилась. Ребята и Астанина несли вещи, а мать внука и придерживала дочку, которая шла в полуобморочном состоянии. Дошли до деревни, мать постучалась в крайнюю избу, попросить водички всем попить, хозяйка, увидев большую Тамару и узнав, что с ней приключилось, вынесла отрубей, объяснила, как лечить мастит.

Вышли из деревни, прошли несколько метров по дороге, и им начали попадаться разбросанные вещи, коляски, телеги и мёртвые-убитые, они поняли, что это фашистские стервятники налетели на колонну людей-беженцев. Дети шли молча, сцепив зубы, а им хотелось кричать. Мальчишки вспомнили, как эти мерзавцы несколько дней назад бомбили пароход на рейде, и люди были бессильны что-то сделать. Проходя по дороге в город, Колька увидел лошадь. Он подошёл к ней осторожно, погладил и начал высматривать, как её запрячь в телегу. Он помогал на конюшне запрягать лошадей, но самостоятельно ему это делать пришлось впервые. Справился он с этим делом успешно. Положили на узлы с вещами Тамару – она была в бреду от высокой температуры, и поехали не спеша в город.

Керчь стояла пустынная, на улицах никого не было, словно народ вымер. Доехав до дому и выгрузив вещи, Колька помог Тамаре дойти до кровати и поехал на конюшню сдать лошадь конюхам. Но там никого не было. Они с Вовкой взяли сена, собрали овёс, просыпанный на полу и вернулись во двор. Лошадь поставили в дровянике у

Токаревых, посмотрели друг на друга, словно угадывая мысли друг друга, и помчались на бульвар – проведать и поприветствовать его. Они бульвар любили, часто бегали туда.

Бульвар переходил в городской пляж, и рядом стоял их дом. И что они увидели? Догорающий ресторан «Поплавок». Коля стоял, понурившись и вспоминал, как он, ещё с отцом и матерью ходили гулять на бульвар и обязательно заходили в этот ресторан, и ему покупали там мороженое или кофе с пирожным. И вот сейчас его нет, только головешки от него догорают. Пошли дальше и увидели «Ракушку» с пробитой крышей, там до войны выступали приезжающие артисты из других городов, да и это было всё не так давно! Танцплощадка – тоже обезображена. И они пошли понуро с бульвара. Вдруг они увидели: раненые сидят под деревом, у одного голова перевязана, у другого рука. Подбежали – спросить, может им водички принести, но увидели, что у них обоих горло перерезано, как у баранов. Колька крикнул: «Да что это такое? Кто это сделал? Видно, у нас есть немецкие шпионы!» Им стало страшно, и они выбежали с бульвара и услышали звук мотора приближающегося к их двору катера. Вот и командир бежит по двору, хочет взять с собой свою семью, а вдоль берега по пляжу бегут моряки, отстреливаясь от фашистов, увидели катер, запрыгнули в него и кричат: «Отчаливай!», матрос объясняет, что сейчас командир прибежит, но они не дали ему говорить: «Или отчаливай, или пристрелим», и он отчалил, да и немцы, вот они, и начали стрелять из автоматов, и катер ушёл в море, а выбежавший командир с ребёнком на руках, и стоящие с ним родственники увидели, что катер отошёл и по нему немцы поливают из автоматов, и, чтобы их не увидели немцы, командир юркнул во двор и домой. Колька с Вовкой тоже побежали домой.

Немцы в городе! Стало страшно и жутко. Пока немцы были в городе, командир катера отсиживался дома, когда вернулись советские войска, он пошёл в комендатуру объяснить, как он оказался в оккупированном городе, но его

никто слушать не стал, особисты сказали: «Ты дезертир!», – его расстреляли. Об этом говорили все люди во дворе и жалели и сына, и жену этого командира.

Колька принёс домой страшную весть: «Немцы в городе!». И начал рассказывать эпизод с катером. И восхищался немецкими автоматами, как они стреляют, не то, что наши винтовки, «Мне бы такой, – я бы всех немцев перестрелял!» мать его выслушала и сказала: «Посмотри мне в глаза! Из дома ни на шаг, даже во двор. Сиди и читай книги, вон их сколько много». Показав на этажерку: «Читай, от чтения больше ума прибавится, и пользы для души, чем бегать по улицам и искать пулю себе в лоб».

Колька хотел что-то возразить, но она так на него посмотрела, таким грозным взглядом, каким ещё никогда не смотрела. Он вздохнул и глянул на этажерку с книгами. Ослушаться нельзя!

Антово

Мищенко

КАТЕРЛЕЗСКИЙ МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА

Удивительный этот мир, каждое его мгновение непредсказуемо, и каждый уверенный шаг в нём – шаг в неизвестность, ибо ты не знаешь, что последует за ним. Ты можешь мечтать, строить планы на будущее, но жизнь неизменно внесёт свои коррективы, хочешь ты того или нет.словно ты участвуешь в какой-то игре с многочисленными испытаниями. Пройдёшь все испытания – получишь свою мечту. Но стоит ли твоя мечта всех этих тягот и лишений? Вопрос в том, о чём ты мечтал. Как ни странно, но у всех людей повторяется одна и та же беда: если мечта человека пребывает на уровне бытия, то, по прохождении всей череды испытаний на пути к заветной цели, реализованная мечта почему-то не даёт ожидаемого удовлетворения, более того, со временем она становится пустой и никчемной. А силы на неё потрачены, и лучшие годы ушли. И человек вновь впадает в уныние, а потом бросает все силы на достижение новой цели бытия. И такая пустая игра у него продолжается до самой смерти.

Но есть в жизни и другие мечты – и это духовные цели. Это не значит, что дорога к ним будет легка и комфортна. Скорее наоборот, всю жизнь сплошные кочки и ухабины, сплошные проверки и испытания на твоё желание достичь единственной заветной мечты – прийти к Богу как зрелое Существо. Путь труден. Но если сосредоточиться на внутреннем стержне веры, изо дня в день закалять его, то происходит чудо: преодоление трудностей

превращается в увлекательное приключение, неприятности – в знак предупреждения опасностей на жизненном пути, неожиданные встречи и события – в указатели верного движения. И словно по какому-то неведомому закону, у людей всеми мыслями стремящимися к духовному, повторяется одна и та же история: с честью и достоинством пройдя через годы своей жизни, пронеся сквозь них любовь к Богу, они обретают неведомую божественную силу, душевное удовлетворение и внутренний покой. Им не страшна Жизнь, им не страшна Смерть. Так как Жизнь для них – есть всего лишь временное пристанище для Души, а Смерть для них – это Врата в жизнь вечную, в мир Бога.

Человек может дать Богу только свою веру и искреннюю молитву. Больше он ничего Богу дать не может, так как всё что окружает человека – творенье божье. И Богу, кроме Любви и Веры, ничего от человека не нужно.

Проживая в городе Керчь с 1978 года, я неоднократно слышала о Катерлезском женском монастыре Святого Георгия Победоносца как о ранее существовавшем. И это всегда вызывало у меня сожаление. И вдруг в этом году 6 мая я увидела паломников, идущих с батюшкой и иконой Святого Георгия Победоносца в этот монастырь Крестным ходом. Без малейших колебаний я встала в их ряды. Так я первый раз попала в то место, где раньше находился большой и красивый монастырь. Он находился на окраине села Катерлесс, что на татарском языке означает «всадник на коне», в поле, на небольшой скалистой возвышенности. Стоя среди развалин некогда процветающего красивого монастыря, возле семиметрового креста, поставленного на месте алтаря церкви святого великомученика Георгия Победоносца, я почувствовала в душе непреодолимое желание донести до людей все сведения об этом монастыре, которые удастся разыскать.

Существует предание, которое повествует следующее.

В 1788 году один благочестивый пастух по фамилии Кацика, каждый день пас в поле своих овец. При этом он обычно каждое утро и каждый вечер поднимался на гору, где был некогда монастырь, чтобы помолиться Богу. Утром 23 апреля (6 мая по н. ст.), идя на гору, он увидел на камне молодого, красивого воина на белом коне. На следующий год, день в день, видение повторилось.

На третий год он пришел не один, а с другими людьми и они увидели то же самое. При этом, красивый юноша был теперь не верхом: белый конь стоял на камне рядом с ним. Видение исчезло, когда люди подошли совсем близко. С большим удивлением увидели они на камне глубокие отпечатки двух человеческих стоп и рядом отпечатки четырех копыт коня. Немного выше этого места, они нашли совершенно новую икону святого Георгия Победоносца. Сразу же обо всём этом было рассказано священнику Иоанна-Предтеченской церкви в Керчи.

Огласив это чудесное событие, священник, при большом скоплении народа, перенёс новоявленную икону в церковь святого Иоанна Предтечи, но она по Божьей воле перенеслась оттуда на место своего явления. То же самое повторилось и во второй раз. Тогда священник, собрав народ на месте явления чудотворной иконы и отслужив молебен с коленопреклонением, дал обет воздвигнуть со временем на этом месте храм. И поставить в этом храме данную икону навсегда, а до этого ежегодно, 23 апреля приносить икону эту в Катерлесс с крестным ходом, для совершения молебна с водосвятием. С того времени явленная икона святого Георгия Победоносца оставалась в керченской церкви Иоанна Предтечи до основания Катерлезской обители.

В 1852 году архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий посетил Керчь. Здесь, узнав от граждан о ежегодном крестном ходе 23 апреля с чудотворной иконою Георгия Победоносца на место её обретения, он захотел взглянуть на эту местность. Он отправился туда в сопровождении градоначальника князя З. С. Херхеулидзе и других почётных граждан. Это место архиепископу Иннокентию понравилось, он предложил построить на месте чудесного явления часовню и со временем обещал ходатайствовать перед высшим начальством об открытии здесь монастыря. В течение года на собранные деньги была устроена небольшая часовня при попечительстве почётных граждан Керчи Николая Джанбекова и Федора Созонова. Но во время Крымской войны в 1855 году, часовня была разорена и превращена неприятелем в конюшню.

После окончания войны архиепископ Иннокентий снова обратился с предложением к исправляющему должность градоначальника Антоновичу и почётным Керченским гражданам восстановить разорённую часовню, и устроить из неё храм во имя святого Георгия Победоносца, обещая ходатайствовать перед Святейшим Синодом об открытии на этом месте монастыря. На предложение Владыки согласился керченский купец В. Я. Гуцин, которому и был выслан план церкви. А в феврале 1857 года сюда был определён строителем казначей Балаклавского Георгиевского монастыря иеромонах Михаил. Они повели это дело так успешно, что 23 апреля того же года церковь была окончена и освящена. С 1857 года здесь начали совершаться Богослужения. Через два года на пожертвования керченского купца И. Е. Салатина недалеко от храма был выстроен небольшой одноэтажный каменный корпус. Здесь поместился иеромонах Михаил с небольшим числом братии. На пожертвования были построены все необходимые монастырские постройки. И в 1859 году был открыт Катерлезский мужской монастырь

В 1862 году здесь была построена колокольня и двухэтажный небольшой настоятельский дом. А несколько позже окончено устройство каменной ограды вокруг монастырской земли, которая составляла 21 десятину. В январе 1869 года архимандрит Михаил был переведён настоятелем в Бахчисарайский Успенский скит, а оттуда вскоре в Балаклавский Георгиевский монастырь, где и скончался в 1877 г. А в Катерлезскую Георгиевскую обитель был определён настоятелем иеромонах Пётр, духовник Таврического архиерейского дома. В 1871 году при нём был окончен двухэтажный каменный корпус с келиями для братии в верхнем этаже и с погребом в нижнем. А в 1872 году был сделан каменный сарай для склада дров и антрацита и переделаны номера гостиницы. В разное время выписаны были из Москвы хорошие парчовые серебряные облачения для соборного служения, приобретена икона Воскресения Христова очень хорошего письма на цинке. Иеромонах Пётр скончался в сане архимандрита 29 ноября 1888 года.

При игумене иеромонахе Филофее Катерлезская обитель продолжала далее благоустраиваться. К 1893 году окончательно

были устроены необходимые хозяйственные постройки, сделано всё необходимое для жизни братии. При монастыре имелась небольшая библиотека. В 1894г. здесь проживали: настоятель – игумен Филофей, 3 иеромонаха, 2 иеродиакона, 2 монаха и 16 послушников. В 1895г. были построены каменные въездные ворота с аркою и с небольшой келией для привратника, а также каменная стена по обе стороны этих ворот. 22 октября 1898г. на территории монастыря завершилось строительство ещё одной церкви в честь святых Антония и Феодосия Печерских.

В монастыре хранились частицы мощей святых угодников Божьих: апостола Андрея Первозванного, Анфима, Павла Патриарха, Косьмы бессребреника, великомученика и целителя Пантелеймона, мученика Христофора, мученика Хрисанфа, мученицы Фотинии. Здесь же находилась и обретенная в 1790г. чудотворная икона святого великомученика Георгия Победоносца.

Так к концу XIX столетия на месте чудесного явления святого Георгия и обретения его чудотворной иконы был полностью обустроен мужской монастырь. В котором монахи молились по сердечному желанию за всех людей не за какую-то награду, а из любви к людям. Поскольку монах за все свои деяния истинно ожидает награду только от Бога в том мире, а не здесь от людей. Истинная ценность для него в молитве искренней о душе своей и весь смысл монашества – это служить Богу и вымолить у него спасение для души своей.

20 марта 1900г. определением Святейшего Синода Катерлезская мужская обитель была обращена в женскую. Часть его обитателей составили монахини Крымского Топловского монастыря. Настоятельницей была назначена монахиня Московского Страстного монастыря Леонида с возведением её в сан игуменьи. В 1910году, в нём числилось 40 монахинь.

С незапамятных дней в Катерлезе отмечался день святого Георгия Победоносца, который приходился на 23 апреля (6 мая по н. ст.) Из Керчи сюда направлялся крестный ход и целый день гудели колокола. Храмовый праздник сопровождался трехдневной ярмаркой, на которую съезжались представители Черноморского казачьего войска, проживающие на Кубани, и купцы из Таврической губернии.

После революции в 1920г. насельницы монастыря были из него выселены и проживали в его подворье, при котором находилась керченская Свято-Введенская церковь. Она была построена в 1863 г. и находилась на Сенной площади. По свидетельству старожилов города, строительство храма финансировал родной дядя выдающейся советской певицы Клавдии Ивановны Шульженко – Георгий Иванович Шульженко. Церковь была полностью разрушена в 1960-х годах. При уничтожении храма бесследно исчезла уникальная библиотека православной литературы.

В феврале 1921 г. советская власть передала монастырские постройки под детскую колонию, а в июне 1922г. решением НКВД монастырь был ликвидирован. В 1924г. здания монастыря, включая храмы, полностью разобрали на стройматериалы. Когда стены были разобраны наполовину, по рассказам старожилов, они по ночам светились белым светом. У многих людей возникал вопрос, почему же тогда всемогущий Бог не остановил этих людей? Почему не вмешался? А причина в божьей любви к людям, поскольку Человеку, как венцу своих творений, Он дал право самостоятельного выбора в различных жизненных ситуациях. Суть кроется в людском выборе, выборе каждого человека перед ликом Господним. Причина творящегося вандализма была не в Боге, а в самих людях. Позже, на месте бывших монастырских угодий, предполагалось построить ипподром. Но начавшееся строительство так и не закончилось, поскольку на это дело не было божьего благословения.

14 октября 1991г. в праздник Покрова Пресвятой Богородицы на месте церкви святого великомученика Георгия Победоносца был установлен семиметровый крест. 17 января 1997 года Православной Церкви были переданы под мужской монастырь два недостроенных здания, предполагавшиеся для конюшен ипподрома. 7 января 2000 года в монастыре была отслужена первая после 80-летнего безмолвия Литургия. Сейчас возрождаемый монастырь снова является женским. Тяжёлые заботы, связанные со строительством святыни, легли на плечи его настоятельницы игуменьи Акилины.

Нужно быть тем, кем ты должен быть, чтобы засыпая, ты был спокоен, что совесть твоя чиста. Чтобы умирая, было не стыдно за свои мысли и поступки. И чтоб стоя даже перед Богом, как говорят христиане, на суде Божьем, тебе было что сказать. Чтобы твоя корзина с добрыми делами была полна, а с худыми делами была пуста. Вот что значит быть Человеком. И не просто внешне, но и внутренне. Навести порядок в своей голове. Не мечтать о пустом, глупом, дурном. Думать больше о Боге, думать о душе. Есть свободное время – использовать его с пользой для души, молиться, заниматься духовным. Ибо жизнь слишком коротка. И даётся она для того, чтобы человек доказал Богу, что он достоин звания Человек. Чтобы стать Человеком, нужно проложить свой собственный путь. Всё вышесказанное в полной мере относится к игуменье Акилине, это её образ жизни.

Игуменья Акилина, в миру Александра Егоровна Ляшко, росла и воспитывалась в крестьянской семье. Несмотря на то, что Церковь во времена её молодости переживала тяжёлые времена, будущая игуменья находила возможность посещать храм даже тогда. Александра Егоровна закончила Киевскую сельскохозяйственную академию, работала в колхозе. Воспитала троих детей. Четыре года, с 1943 по 1946гг. – старший матрос, флагманский кок и в конце службы командир БУ, она принимала участие в войне нашей страны с японскими милитаристами. Эта тихая и скромная женщина в процессе работы в плавсоставе побывала во многих портах отечества и мира. Участник боевых действий. На её глазах гибли наши суда и люди, её боевые товарищи. Но сложно прожитая жизнь её не сломала и не озлобила, а укрепила в мысли посвятить остаток жизни Богу. Да только не знала она, как истинно правильно молиться Богу, дабы быть услышанной Им. И стала тогда она обращаться к Нему своими простыми, искренними словами. И просить Его, чтобы он дал мудрого наставника и обучил бы её молитве истинной, приводящей к спасению души. И настолько сильно было это желание, настолько настойчиво она об этом думала и искренне просила у Бога не один месяц и не один год, что, в конечном счете, случилось следующее.

После передачи Православной Церкви в 1997 г. двух недостроенных зданий, появилось несколько доброхотов, которые постоянно трудились над возрождением обители святого Георгия Победоносца. Александра Егоровна частенько навещала к ним: приносила покушать. Много думала над судьбой этой обители и молилась, и искренне, с чистой верой в душе, просила Бога о её возрождении. Однажды она настолько прониклась прошением, что забыла и о погоде, и о времени, и о месте в котором находилась. На неё нахлынуло необыкновенное чувство близости Бога, близости самого родного и дорогого сердцу Существа, отчего на душе сделалось удивительно легко и хорошо. Настоящая любовь божья это нечто высшее, что не поддается описанию человеческим языком. Это именно то, от чего душа радостно трепещет, пребывая в неземном восторге. И теперь она знала, что ей надо делать.

9 июля 2000г. в день чествования иконы Пресвятой Богородицы Тихвинской, Александра Егоровна поехала к Митрополиту Симферопольскому и Крымскому Лазарю с болью за возрождающуюся святыню. Долго длилась их беседа, и по окончании Владыка благословил её заняться строительством монастыря. 18 сентября 2000 года, в день памяти святых праведных Захарии и Елисаветы, она приняла монашеский постриг с именем Акилина, что в переводе с греческого означает «орлица». Нарекая Александру Егоровну этим именем, Владыка, как вспоминает матушка, сказал: «Будешь летать долго и трудно, чтобы обитель построить». На то, что будет легко, матушка и не надеялась.

С тех пор прошло 12 лет. За это время в одноэтажном здании был устроен храм. Здесь же оборудовали помещение для того, чтобы там можно было хоть как то жить, то есть, имеются и трапезная, и кельи с тёплыми, деревянными полами, со шкафом, двумя кроватями, столом и полками с иконами. Посадили сад из семидесяти двух деревьев. Посажены цветы и имеется огород, на котором выращивается зелень и овощи. Всё это стало возможным после того, как пробурили скважину, и в монастыре появилась пресная вода. 16 марта 2006 года в жизни обители произошло радостное событие: над храмом в честь святого великомученика

Георгия Победоносца был возведён купол с крестом. Кроме того, были выложены стены трехэтажной гостиницы и накрыта крыша, а также хорошей крышей был накрыт сам храм и теперь в нём сухо. Игуменя Акилина хорошо понимает, какой благодатный и тяжёлый крест возлагается на неё. Ведь рук и средств катастрофически не хватает. Для того чтобы сделать крышу, матушка Акилина три года подряд, каждые выходные, ездила в Ялту и, стоя с ящичком для пожертвования у собора Александра Невского, просила милостыню. В монастырский двор провели газ, однако не пользуются им, так как нет котельной и нет денег, чтобы её построить. Монастырь отапливается дровами и углём. Послушниц, постоянно проживающих здесь, почти нет. Кроме самой игуменьи, здесь живёт одна монашка и паломники, которые приезжают со всей Украины и из России. Священником справляется служба, вечерами в субботу вычитываются каноны, а в воскресенье проводится литургия. Так много сделано за эти 12 лет благодаря её желанию возродить святое место, чтобы его божественный свет освещал человеческие души и не давал злу проникнуть в них. Однако столько ещё не решённых вопросов. Это ещё недостроенная гостиница, это недостроенный забор вокруг храма, это отсутствие котельной с газовым котлом и множество других не решённых дел. Но матушка не унывает, так как знает, что всё в жизни человеку даётся от Бога. Есть у неё заветная мечта – построить большой, красивый, отдельно стоящий храм «Живоносный источник Божьей Матери». И в фундамент его заложить подаренный ей камень с горы Афон. Но просто мечтать не в её характере, она уже несколько лет как приступила к постепенному исполнению своей мечты. Благодаря меценатам, о которых она постоянно молится, уже завезена часть стройматериалов. Но этого так мало для постройки храма, нужны денежные средства и рабочие руки.

Всё больше людей в Украине узнают о начале возрождения обители и стараются внести свою лепту в это святое дело. Привозят и дарят монастырю кто старинные богословские книги, кто старинные иконы – одухотворённые, способные ввести созерцателя данной иконы в особое состояние сознания, возбудить ощущение реальности присутствия Божественного и породить в

человеке духовный всплеск. Причём, всплеск такой силы, порожденный верой художника, будет стабильно сохраняться на протяжении тысячелетий. Особой гордостью игуменьи являются две иконы. На одной из них Господь стучащийся в дверь. Матушка об этой иконе говорит следующее: «Господь стучится в дверь. Господь стучится в душу каждого человека и говорит: «Если услышите меня, войду к вам и буду с вами вечерять». Это действительно одухотворенная икона с сильной энергетикой. Вторая икона – Праворучица Матерь Божья. По словам матушки – писал её Апостол Лука, третьей по счёту. Очень старинная икона. Также имеется привезённая с Кипра икона Лазаря, воскрешённого Господом после четырех дней захоронения. О святости этого монастыря, также говорит следующее: в 2007 году Господь на распятии «заплакал», появились соленые капельки по левой стороне.

Матушка Акилина свято верит, что монастырь святого великомученика Георгия Победоносца возродится и опять станет местом святым и почитаемым паломниками всего света, где они смогут в тишине и в уединении размышлять о своей жизни и молиться Богу, как это было раньше. Смогут заглянуть внутрь себя и понять, кто они и чего на самом деле хотят в этой жизни. Ибо кто с верой обращается, тому и воздается. Тем более, что камень, на котором в XVIII веке было явление святого великомученика Георгия Победоносца, сохранился до наших дней. После того, как монастырь был закрыт советской властью, камень несколько раз взрывали. Но часть его с одним копытцем так и осталась стоять неподвижно. И сейчас под камнем видны глубокие рытвины - следы взрывов. А в углублении от следа копыта и по сей день собирается, как и раньше, святая вода. Эта вода оказывала лечебное воздействие, от которого у людей быстрее заживали раны, проходили различные болезни, и больные люди быстрее восстанавливались. Целебное воздействие её особо усиливалось в день появления святого Георгия на камне, то есть 6 мая (по н. ст.)

Каждый вечер игуменья Акилина усердно молится Богу, зачастую провожая в молитве закат и встречая ранний рассвет, и просит Создателя помочь ей в исполнении ее мечты и дать ей силы

в её 86 лет, для дальнейшего служения благу, святому делу и помощи людям. Ибо кто с верой обращается, тому и воздастся.

УВАЖАЕМЫЕ КРЫМЧАНЕ!!!
ОБРАЩАЕМСЯ К ВАМ С ПРОСЬБОЙ ПОМОЧЬ ЖЕНСКОМУ
КАТЕРЛЕЗСКОМУ МОНАСТЫРЮ СВЯТОГО
ВЕЛИКОМУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА.
ВОЗРОЖДАЕМАЯ ОБИТЕЛЬ НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЕЖНЫХ
СРЕДСТВАХ И РАБОЧИХ РУКАХ. ОТЗОВИТЕСЬ СПОНСОРЫ,
СТРОИТЕЛИ И ПРОСТО ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ ПОСЛУЖИТЬ
БОГОУГОДНОМУ ДЕЛУ. Внесите свою ПОСИЛЬНУЮ ЛЕПТУ
В ВОЗРОЖДЕНИЕ СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ. ПОМОГИТЕ, И ГОСПОДЬ
НЕ ОСТАВИТ ВАС! ДА НЕ ОСКУДЕЕТ РУКА ДАЮЩЕГО!

98221, Ленинский район,

с. Войково, ул. Степная

Керченское отделение

КРФ АКБ Укрсоцбанк

МФО 324010

Идентификационный код 26171609

Т/С 26003500385691

В Керченском отделении

Мемориал Лиры Боспора

*Наум
Славин*

(1926 – 2012)

МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ ВАС, УЧИТЕЛЬ!

Литературная Керчь понесла тяжёлую утрату. После продолжительной болезни на 87 году жизни остановилось сердце члена СП СССР с 1974 года, члена союза РУБ писателей Крыма, члена НСПУ, инвалида ВОВ Наума Абрамовича Славина.

Из-под пера писателя, четверть века сочетавшего литературную работу с нелёгким трудом учителя-историка,

вышли книги: «Откровенный разговор» (1954г.), «Голуби в небе» (1960), «Мяч, капитан и команда» (1961), «Сашино лето» (1965) и др., которыми зачитывалось не одно поколение мальчишек и девчонок. Пришел 21 век, а многие из них, уже очень старенькие, с затёртыми обложками до сих пор несут вахту на полках библиотек.

Однако основная часть творчества Наума Славина связана с пережитой войной.

На фронт 18-летний Наум ушёл сразу же после окончания педучилища в Дагестане, куда был эвакуирован с семьёй. Служил в дивизионной разведке, прошёл путь от Белоруссии до Берлина. Был ранен. Награждён орденами и медалями.

Рассказы очевидцев, собственные воспоминания и переживания той поры легли в основу его книг «Мы – разведчики» (1973), «Сестра» (1981), «В разведке» (1987), «Моложе нас не было» (1985).

Плодотворно работал писатель также в жанре рассказа и очерка, отразивших кроме военной темы, любовь автора к Керчи, искреннюю симпатию к её жителям-труженикам: рыбакам, строителям, корабелям.

Но самым главным делом своей жизни Наум Абрамович считал вышедшую к 60-летию Великой Победы книгу «Эльтиген – взгляд сквозь десятилетия»

Потребовавшая многолетней работы с архивным материалом, она представляет из себя историко-публицистическое исследование одного из драматических событий нашей военной истории – Эльтигенского десанта 1943 года под Керчью.

В этом небольшом по историческим меркам военном эпизоде силой писательской мысли нашла отражение вся война с её действительными событиями и движущими их тайными пружинами, с её удачами и ошибками, с великим народным подвигом.

Работая над ним, Наум Славин, писатель, историк, фронтовик, старался быть беспристрастным, предельно честным и точным, выполняя свой долг перед потомками и перед товарищами по оружию.

Вообще же чувство долга, привитое в родительской семье, определило всю жизнь Наума Абрамовича. Оно проявляло себя и на фронте, и в мирной жизни, когда он, здоровый и не очень, помимо своей работы, брался за массу общественных дел: выполнял обязанности секретаря школьной парторганизации, руководил городским литобъединением, принимал активное участие в жизни религиозной общины Прогрессивного иудаизма, в работе совета ветеранов, выступал на многочисленных митингах, посвящённых событиям Великой Отечественной, читал лекции школьникам, много писал о тех, кто защищал Родину и о нелёгких послевоенных судьбах многих из них.

Он ушёл как жил, выполняя свой долг. Когда перед 9 мая ему позвонили из совета ветеранов и попросили написать статью к празднику, Наум Абрамович по своему обыкновению не отказал, хотя пальцы уже почти не могли держать ручку. Выручила старого солдата, написав под его диктовку, верная спутница,

ангел-хранитель Лидия Николаевна, с которой он рука об руку прошёл всю жизнь.

И уже была назначена дата похорон, а праздничные поздравления за подписью Наума Славина читали все оставшиеся в живых керченские фронтовики, весь его любимый город...

Не верится, что его никогда больше не будет с нами, человека, к которому можно было прийти за советом, деятельного, надёжного, принципиального, исполненного бесконечной душевной доброты.

О его скромности ещё долго будут ходить легенды. Я видела только одно групповое фото, на котором во всех своих орденах и медалях стоит в центре снимка. Как пояснила, улыбаясь, жена, его просто вытолкнули вперёд. В остальных же случаях он находил себе место где-нибудь с краю, поскольку считал дурным тоном выпячивать собственную персону.

Но более всего он поразил нас на своём последнем 85-летнем юбилее, который из-за ухудшающегося здоровья отмечал дома в нешироком кругу родных и знакомых.

В тот вечер, вежливо выслушав поздравительные речи, Наум Абрамович с трудом поднялся из-за стола и задумчиво сказал;

– Вот про меня говорят, что я – писатель. Но я думаю, что писатель – это тот, кто всё время пишет. А я написал не очень много. Я – учитель. Так будет правильнее.

Что ж, он и вправду был Учителем. И когда преподавал в школе, и когда вёл занятия городского литобъединения. Он был Учителем во всех своих книгах, во всей своей жизни.

Он и останется нашим Учителем. Ещё не раз, попав в критическую ситуацию, мы мысленно спросим его совета. Ещё не раз будем рассказывать о нём и гордиться, что были знакомы с этим замечательным человеком.

В моём домашнем архиве сохранился маленький рассказ Наума Славина. Никогда не работавший в таком жанре, он написал его мимоходом для городской газеты и за сколько-нибудь значимую для себя вещь не считал.

Но мне нравится перечитывать это произведение. Ну, казалось бы, небольшой эпизод из жизни пенсионеров, да картинка природы. Но за ними – душевная чуткость и тонкость автора, его мудрый взгляд на жизнь. И ещё в этом рассказе о верности и отступничестве, о благородстве и прощении. Стало быть – о вечном.

Елена Рабочая-Маринич

Наум

Славин

ПОЧТИ КАК У ЛЮДЕЙ

Мы привыкли очеловечивать «братьев наших меньших». Переносим на них свои особенности, приписываем настроения и переживания. Иным в ущерб, как хитрой себе на уме лисичке, упрямому глупому ослу. Иным в похвалу и одобрение: смелому соколу, доброму коню. Некоторых идеализируем, например, лебедя с его неукоснительной верностью избраннику, избраннице. Но вот история почти человеческая.

Мы встаём очень рано и идём на пляж. Там встречаемся со знакомыми: людьми, любящими море не только летнее, но и зимнее, всякое. Есть немногие моржи – мы относимся к ним с почтительным удивлением. Большинство из нас здесь делает зарядку, хоть на ветру, хоть под навесом, если роняется дождик. Женщины от души общаются, ведут разговоры: тоже своего рода зарядочка на целый день.

Первый вестник зимы – залётные лебеди на пляже. В ноябре появилась пара. Вот кем не налюбуетесь! Как оба величаво проплывают мимо птичьей мелкоты, нырков, чирков. Как царственно клонят головы – кормятся. Хлебную корку, брошенную с берега, подбирают неторопливо, не то, что нахальные чайки. И всё время неразлучно вдвоём.

На третье или четвёртое утро появилась новая пара. И тут мы почувствовали неблагополучие, какой-то разлад. Что-то потянуло нашего лебедя в чужую сторону третьим лишним. Начал он отдаляться от подруги. А она глянет искоса и ничего, не выказывает обиды.

Ещё через день вторая пара решила поискать лучшее место.

Ну, воистину это событие – взлёт лебедей. Размахи крыльев, плеск, разбег по воде. Лапы пружинят и поджимаются как шасси идущего в небо самолёта. Наш лебедь тоже вдруг вспомнил, что умеет летать, поднялся и тяжело помахал вслед. А она осталась. И так нам грустно, тоскливо сделалось от его отступничества и её одиночества. Пора бы по домам, а ждём, не уходим. Вернулся-таки непутёвый. Не прилетел – тихо приплыл и остановился в отдалении. Она, конечно, заметила, но не подала виду, сохранила сдержанность. Мы могли только догадываться, что творится в душе у неё, у него. Внешне же как будто ничего и не происходило. Как в чеховской пьесе: люди пьют чай, обмениваются незначущими репликами, а в это время решается их судьба...

Наконец она как будто сделала первый шаг, и он ожил, прибавил ходу на сближение.

Я сказал «почти как у людей». Не совсем так. Без скандалов, выяснения отношений – тихо, благородно воссоединилась пара.

ГЛАВА VI ИСХОД

(из книги «Эльтиген. Взгляд сквозь десятилетия»)

Что заставляет человека идти на смерть, нести тяжкие труды, претерпевать лишения и муки? Из нашего времени переоценок и скепсиса, из более чем полувекового далека взглядимся в этих людей.

Они родились перед революцией или в первые советские годы. По их семьям, судьбам прошли разруха, тиф, голод – бедствия гражданской войны, безработица двадцатых годов, раскулачивание тридцатых. Они знали деревенскую скудость или городскую тесноту, бараки Магнитки, хлебные карточки, очереди за ситцем, мылом, керосином. Если не из отчего дома, то из соседних увозили ночные «воронки» безвестно. Да и сейчас среди них штрафники, коим дарована льгота смыть своей кровью действительную или мнимую вину. Те из них, кого тогда называли «нацменами»,

вкраплены в малознакомую им русскую, украинскую среду. В чём же сила этих людей, каковы побуждения, движущие жизненные мотивы и стимулы, источники стойкости?

Несомненно важна кадровая закуска у старослужащих, у моряков сверх того спайка, выработанная корабельной службой. Дисциплина во фронтовых условиях – это круговая порука надёжности. Может быть, страх переступить устав, понести наказание? Верно, есть дивизионный прокурор и трибунал, есть особый отдел. Дальше окопов не пошлют, ниже рядового не разжалуют? Не скажите, бывало, и расстреливали. Имеются скудные данные о заградотряде на «Огненной земле» – подразделении 95-го пограничного полка. Но что он значит там, где потеряло смысл понятие безопасного тыла, где раненые предпочитают передовую траншею землянке медсанбата?

Учтём также устоявшиеся требования воинской морали, личностную самооценку, товарищескую похвалу или осуждение, для штрафников – весомость оправдания, для молодёжи – жажду славы и наград, служебного успеха. В непосредственной близости смерти последнее, правда, блекнет. Очень существенный поведенческий мотив, особенно на завершающем этапе: не попасть во вражеские руки, избежать плена. Что ещё: действенность партийной политической пропаганды? В эльтигенской блокадной чрезвычайной ситуации, вообще на передовой, теряют вес многие затверженные формулы. К тому же нельзя сбрасывать со счёта постоянное давление вражеского радио, провокационных листовок.

Выходим к важнейшему фактору: чувство Родины, ненависть к захватчикам, фашистский наглый нахрап, смерть и унижения близких, земляков, соотечественников, которых ещё продолжают уничтожать, насиловать, грабить, угонять на чужбину и страдания которых ещё не отмщены. И, однако, не всё это объясняет. В сложном спектре чувств, настроений воюющего народа проступает особый фон: свет революции, советской нови.

В день победы вещает с телеэкрана комментатор – категоричный, самоуверенный, надменно-ироничный. «Патриотизм вне политики: церкви разрушали, а народ всё

равно поднялся против иноземцев... Наверное, красные проиграли бы войну, если б не удивительная стойкость народа». Народу льстят, перед ним расшаркиваются, как будто вчера не называли бессмысленным совком в руках большевистской власти.

А фашисты пусть ограниченно, по своему разумению всё-таки поняли, во что ткнулись лбом, в чём, в частности, объяснение эльтигенского феномена. Из немецкого документа: «Стойкость командиров всех степеней и поведение в бою рядовых даже в очень трудном для них положении, плохом снабжении значительно выросли. Наша пропаганда даже в момент критического положения совершенно на них не действовала. Большевистская идеология является их убеждениями и укрепляется дальше особенно после больших успехов, достигнутых Красной Армией в этом году» (Литвин, Смирнов, с. 49 – 50). Будто в Бресте, под Москвой и в Сталинграде, в первый, самый тяжкий период войны не те же убеждения двигали нами.

Столкнулись не только две соперничающие державы: идёт борьба абсолютных противоположностей, не способных вместе существовать на планете. Я имею в виду германский фашизм и умонастроения многонационального народа Советского Союза. В 1812 году Багратион на Бородинском поле кричал «браво!» наступающим французам. Фельдмаршал Кутузов считал достаточным изгнания неприятеля из пределов России – в Великой Отечественной войне XX века такое рыцарство и такая позиция не встретили бы понимания.

Люди, о которых идёт речь, осознавали себя свободными, как ни парадоксально это представлялось бы ныне. Они были сыны революции, её наследники и в этой войне – освободители человечества, носители самой высокой благородной его идеи. Вера эта была жива, а вера горам движет. Миллионные глубинные массы считали революцию своим кровным делом. Народ защищал страну, родную землю, но и социализм, советскую власть. Отрицать это неверно, неисторично.

*Александр
Бойченко-
Керенский*

(1928 - 2012)

НЕОКОНЧЕННОЕ ПИСЬМО

Второй месяц продолжают уличные бои в Будапеште. Люди устали – буквально валяются с ног. Фашисты цепляются за каждый дом, даже камень. Стрельба начинается с рассветом и продолжается до сумерек, а иногда и ночью.

После ночного боя, утром позвонил командир корпуса и приказал:

– Наступление прекратить – перейти к обороне. Не дать гитлеровцам вырваться из города...

Взвод сержанта Кошкина определили в резерв и приказали занять двухэтажный дом.

Сержант обошёл с сапёрами всё помещение – мин не оказалось. Наблюдательный пункт устроили в угловой комнате, из которой просматривалось несколько улиц.

– Всё как на ладони, – усмехнулся Кошкин. – Пускай сунутся...

Только проговорил это, как из-за угла выползли два танка, а за ними пехота. Над городом стоял такой грохот, что не слышали гула танковых моторов.

– Надо ж такое, – буркнул сержант. – Как говорят, «накаркал»...

Танки продвигались медленно, словно ощупывали дорогу, а стволы орудий ворочались туда-сюда, словно принохивались к пропахшему порохом воздуху. Так казалось. На самом деле, они выискивали, куда бы плюнуть осколочным снарядом.

Пулемёт установили в одном из окон. С таким расчётом, чтобы можно было стрелять во все стороны. Пулемётчик заправлял ленту и ворчал:

– Вот тебе и резерв... Вот и отдохнули... – дальше пошли слова, которые вспоминали немецкую мать со всем её поколением.

За гулом уличных боёв не слышали, откуда выстрелило противотанковое ружьё. Одна из машин загорелась и зачдила едким чёрным дымом, который столбом поднимался между полуразрушенными домами. Вторая поспешила задним ходом укрыться за углом, оставив пехоту без прикрытия. Солдаты тут же залегли среди развалин. Завязался бой, который продолжался весь световой день.

Стрельба начала стихать, когда стало смеркаться. Сержант смахнул со лба пот рукавом полушубка и облегчённо вздохнул:

– Угомонились, наконец.

В этот момент прибегают солдат и докладывает:

– Товарищ командир, обнаружили бункер! Ребята уже обживают...

– Какой ещё бункер? – перебил его сержант.

– Такого и у фюрера нет. Весь в коврах...

– Ты что, видел, какой у фюрера, знаток?

– Никак нет!

– Ладно, веди!

Они спустились в подвальное помещение. За массивной дверью слышались непонятные звуки. Дверь открылась со скрипом. За ней оказалась большая комната без окон, но с коврами на стенах и полу, диванами и пианино. За ним сидел солдат в ватнике и долбил, словно гвоздём, указательным пальцем по клавишам. У него получался «чижик-пыжик».

– Мда-а-а! – хмыкнул сержант. – Отставить пыжика! Кто умеет играть на этом инструменте?

Поднялся пожилой пулемётчик и заиграл. Помещение наполнилось чарующими мелодиями. Под их звуки запели солдаты и сержант...

Утром, когда устанавливали во дворе пулемёт, разорвалась вражеская мина. Пулемётчик упал на утрамбованный снег. Тут же под ним образовалось розовое кровавое пятно. Когда его подняли – он оказался мёртвым. У него из нагрудного кармана выглядывал

уголок белой бумаги. Это оказалось неоконченное письмо. Его решили прочитать:

«... Аннушка, послал тебе два письма, но ответа не получил. Ничего удивительного. Война! Они могли затеряться, попасть под бомбёжку. Обо мне не беспокойся. Живу, здравствую...» – отец прервался, глянул на убитого, вздохнул и продолжал: «... Мне даже не верится, что с тобой не виделись два с половиной года. Кажется, только вчера расстались. Иногда день кажется месяцем – столько наваливается событий. А иногда посмотришь на часы, в ужас приходишь – день на исходе.

Противоречие ощущений и переживаний. Меня всегда увлекала в философии проблема пространства и времени. Вечность и мгновения сливаются. Помнишь, родная, я приводил слова известного писателя, где он устами одного космического чудака говорил: «... бесконечность – такая штука, у которой нет конца ни в одном конце, ни в другом...».

Правда, остроумно? Часто в бою возникают события, у которых нет начала и нет конца. И тогда эти события кажутся действительно бесконечными. Ощущаешь, как годы плывут мимо тебя. Но наряду с этими событиями возникают множество других, которые имеют и начало, и конец. Следовательно, ощущаешь и переживаешь всё ясно в пространстве и во времени. Эти противоречия сбивают с толку, и кажется, что всё происходит одновременно: и очень давно, и несколько мгновений назад. К примеру. Я только что играл на пианино. Солдаты пели: «Степь да степь», «Землянку», «Огонёк» и другие песни...

Всё, дорогая. Сержант посылает на дежурство. Завтра закончу...»

Когда прочитали письмо вслух, один из солдат вздохнул:

– А он ведь до войны работал в консерватории преподавателем. Жалко...

– Дай письмо! – перебил его сержант. – Я допишу и вышлю жене с нашими соболезнованиями.

Все согласились с командиром. В это время фашисты пошли в атаку. Бой разгорался с новой силой. Сержант занял место у пулемёта и дал очередь по гитлеровцам...

Н а т а л ь я

Т р у ш к о в а

(1940 - 2012)

МАТУШКА

Колокольный звон плыл над монастырем, приглашая к утренней службе. На территории монастыря два храма, голубой и розовый, гостиница, где жили приезжие, церковная лавка и небольшие домики, разбросанные неподалеку друг от друга. Там видимо обитали монашки.

Летом монастырь утопал в зелени, за его оградой начинался лес. Чтобы подойти к монастырю, надо долго идти по крутой дороге в гору. Перед входом в монастырь площадка для машин. Летом здесь много туристических автобусов. Сейчас холодная весна, машин немного. Славился монастырь святыми источниками, их исцеляющее действие испытали многие люди. Особенно славилась вода трех святителей. Была построена закрытая купель. В нее по трубам подавалась вода из трех святых источников. В помещении круглый бассейн, в него спускались две лесенки, по кругу стояли скамейки, на стене – вешалки, на полу – деревянные настилы, сквозь них голубела плитка. Холодно. Вода покрылась льдом. Монахиня шваброй разбивала лёд, расталкивая его кусочки, готовила ледяную ванну для желающих совершить омовение. Сейчас их немного. Паломники жили в гостинице, там за небольшую плату можно переночевать и поесть в монастырской столовой, находящейся неподалеку.

В трапезной стояли длинные столы, посетители спокойно и молча присаживались, благообразно крестились и приступали к еде.

На столах стояли кастрюли, в них дымился борщ, наливай, сколько хочешь. В салатницах аппетитно краснел винегрет, румяные булочки скромно лежали на тарелках рядом с компотом, налитым в чашки. Пища простая. Пост. Колокольный звон все плыл над монастырем. По заснеженным тропинкам к храму шли монахини, послушницы и паломники. Подойдя к дверям, крестились, обметали веником снег с обуви и входили. А немного погодя появилась группа мужчин, все высокие, плечистые. Истово крестясь, они входили в церковь. Это рабочие – строители, православная бригада. Территория монастыря обустроивалась. Мужчины помолвившись, уходили работать, а всем остальным стоять на молитве с пять часов утра до девяти и вечером с пяти часов до девяти. Пост требовал усиленной духовной работы.

Утром в церкви стоял уютный полумрак, теплились свечи, священник читал молитвы. Они сопровождалась пением хора. Регент нежным голосом, тихонько, несколькими тактами указывал на тональность мелодии. Ангельские голоса хористок вводили в тихий мир любви и гармонии. Недалеко от левой стороны стояла молодая монахиня. Под широким черным балахоном не угадать очертания фигуры, но неизъяснимое изящество сквозило сквозь недоступность широкого черного платья. На голове молодой женщины шапочка, и уже на ней черная накидка с прорезью для лица. Это знак отличия. Обращаться к ней надо со словом матушка. Как я узнала позднее, звали монахиню матушка Анастасия.

У каждой монахини своё послушание, скажем так, своя работа. Матушка Анастасия отвечала за швейную мастерскую, распределяла, кому, чем заниматься. Потом сама садилась за швейную машинку. И шить, и вышивать научилась с детства. Как давно это было! Еще в прошлой жизни. . .

Тоненькая, как былиночка, кареглазая Рита жила с бабушкой и сестрой. Бабушка шила, обшивала всю семью. Когда внуки подросли, стала учить их рукоделию. Платья девочек были украшены такими вышивками, что богатые модницы в классе просто от зависти изводились. Ольга над этим смеялась, а Рита даже голову наклоняла под завистливыми взглядами девочек.

– Не гнись, Рита! – воинственно говорила Оля, – Мы чужого не брали.

Синие задорные глаза её воинственно сверкали. Ольга занималась в секции каратэ, дралась при любом случае, спокойно носила боевые синяки. И, поводя полными плечами, подводила итог: «Сестренка, деремся за жизнь!».

Рита со страхом и жалостью следила за подвигами Ольги. Пряталась за неё от всех бед, которыми щедро одаривала их жизнь.

Родители девочек погибли в автокатастрофе. Бабушка как могла, воспитывала их, заботилась и беззаветно любила. Она горой стояла за Ольгу, кто бы ей ни жаловался на дорогую драчунью. Бабушка отвечала жалобщикам так: «Оля никого без дела не обидит. Полез – получил!» А робкую Риту бабушка нежно прижимала к себе и сетовала: «Птаха ты моя безответная! Как тебе тяжело жить будет...»

Рита закрывала глаза, представляла себе их дом. Лето. В коридоре застучали каблочки, раздался знакомый голос: – Рита, это я, Нина. В комнату впорхнула маленькая, кудрявая девушка. Она обняла Риту и счастливо выдохнула:

– Я в техникум поступила! Поздравь!

– Молодец, Ниноля! Пошли чай пить, я пирог испекла.

Девушки вошли в просторную кухню, солнце заливало её тёплым светом. Рита налила в чашку чай из трав, отрезала кусок пирога с вишнями.

– Кушай, Ниноля.

– А ты куда собралась? – Нина успевала уплетать пирог и задавать вопросы.

– Я в швейное училище пойду. Нравиться шить.

– Слушай, Рита, я твою Олю с таким мальчиком видела.

Класс!

– А мне она ни чего не говорила.

– Значит не показывает, боится!

– Оля ни чего не боится!

– Может быть. Ну, я побежала, звони!

Нина вновь застучала каблочками по веранде. И нет её. Рита вышла во двор, села на скамеечку и задумалась. Оля действительно в последнее время стала поздно возвращаться. Бабушка как-то сказала Рите: «Наша Оля замуж быстро выскочит». Рита и не сомневалась. У нее самой мальчика не было, конечно бы хотелось,

но Рита не горевала. Многие заглядывались на кареглазую, изящную девушку, но её застенчивость была такой не модной. Послышался смех Оли. Рита увидела её и высокого худенького парня. Они шли обнявшись. Рита их встретила.

– Ритуля, мы расписались. Поздравь меня.

Оля смеялась радостно и торжествуя. А Рита и Олин муж смотрели друг на друга потрясенно. Они были похожи, как близнецы.

– Боже! – выдохнул Олег, и Рита утонула в свете его глаз. Ольга решительно встала между ними и резко сказала: – Я знала, что так будет. Я знала, что он твой, а не мой. Я всё это знала и потому не показывала.

Они слушали и не слышали Олю. Пришло мгновенное понимание душевного родства. Они стояли друг против друга, не отводя взгляда и забыв обо всем, в том числе и об Ольге. Крупная, плотная, сильная Ольга в ярко зеленом сарафане, полная жизненных сил и задора, сразу поняла, как близки эти два хрупких человека так ей дорогих.

– Ну, Рита, знакомься, это мой Олег.

Пришла бабушка. Оля повернулась к ней.

– Бабуля, это мой муж. Это Олег.

Бабушка быстро взглянула на Риту, Олега и Олю, не обнаружив радости и почувствовала великое смятение детей.

– А ну-ка сядем и поговорим, – властно сказала бабушка. Молодые молча сели. – Так, не похороны! Рита, давай пирог с вишнями. Ставь чай.

Рита бесшумно скользнула на кухню, и Олег проводил её таким взглядом, в котором сквозило отчаяние, словно боялся, что она исчезнет навсегда.

– Так, – сказала бабушка, видя, как Олег сдерживает слезы: – Давайте-ка попьем чайку и поговорим.

Сели пить чай, бабушка ласково смотрела на внучек и обратилась к Олегу:

– За маму я им. Выросли девочки мои, вот Олечка не спросив разрешения, замуж вышла.

Насмешница Оля блеснула белоснежной улыбкой и, отбросив в сторону то, что сейчас незримо произошло, ответила:

– Да, не спросила я у тебя, бабуля, разрешения, прости, – и бесстрашно добавила, – Ты видишь, как они похожи?

– Вижу.

– И только теперь я поняла, почему я потянулась к Олегу, он напоминал мне Риту.

Все молчали. Пили чай с пирогом. А потом стали обсуждать, как жить дальше. Дом не маленький, места всем хватало. Решили жить вместе. Олег работал учителем рисования в школе, подрабатывал, где мог: рекламы оформлял, быстро писал портреты карандашом. Деньги небольшие, но были. Оля устроилась продавцом в лавку, бабушка получала пенсию, Рита училась в швейном училище, стипендию ей давали. Все складывалось ладно и мирно в их дружной семье, если бы не одно «но». Не мог Олег спокойно видеть Риту. Стоило ей появиться, смотрел, не отрывая взгляда, позабыв обо всем. Он смотрел на нее спокойно и задумчиво, словно видел что-то необычное и прекрасное. Это было и тихое почитание, и изумление, и радость, что можно любоваться вот так, издали. Рита опускала глаза и старалась стать совсем незаметной. Ольга страдала, начинала шутить, смеяться, чтобы привлечь к себе внимание Олега. Он не замечал ее страданий, терпеливо ждал, когда можно будет смотреть на Риту и молчать.

Рита вечерами забиралась в свою комнату и плакала. «За что?» – тихонько спрашивала она себя. Вконец измучившись, она решила поговорить с бабушкой. В уютной бабушкиной комнате горела лампада, в углу висела икона, на столе стояла швейная машинка, лежали лоскутки. Бабушка что-то мастерила.

– А, Рита, заходи, моя хорошая.

Рита вошла и присела на маленькую скамейку, стоящую у ног бабушки.

– Бабушка, что делать? Ты же видишь, что происходит.

– Вижу.

– Мне надо уехать.

– Куда ты поедешь, девочка моя дорогая?

– Не знаю.

В дверях бабушкиной комнаты стоял Олег. Дверь была открыта и поэтому он не постучал. Зашел, не ожидая приглашения, сел и продолжил разговор: – Бабушка, если Рита уедет, я все брошу

и поеду за ней. И буду искать, пока не найду. Я ничего не могу с собой поделать. Но я буду жить с Ольгой, если Риту можно будет видеть ежедневно. Мне ничего от нее не надо. Мы – не современные люди, словно случайно выпавшие в этот жестокий век, где все просто между молодыми людьми. Рита, решай, я сказал правду. Самое печальное, что Оля не хочет меня бросить, – Олег наклонил голову и вышел.

Рита беззвучно плакала.

– Что же делать, бабушка?

Бабушка обняла её:

– Не знаю, что делать. Оля твоя единственная опора и защита в жизни. И ты её не предашь.

Рита обреченно кивнула головой:

– Конечно.

Печальным стало Ольгино замужество. Бабушка заболела, ослабела, жизнь уходила из неё. Рита любую свободную минуту проводила у её постели. И однажды пришла к бабушке успокоенная, с просветленным лицом, низко наклонилась, поцеловала старушку и той показалось, что пахнуло на неё степными солнечными цветами.

– Бабушка, я, кажется, нашла выход. Я уйду в монастырь.

Старушка ойкнула, усадила Риту рядом на постель и горько сказала:

– А как же детки, ты так хотела деток?

Рита немного отстраненно ответила:

– Значит, не для меня эта радость. Олег будет жить с Олей.

Искать меня будет бесполезно.

Недолго после этой новости прожила бабушка. Вскоре её похоронили, и Рита постриглась в монахини. Потрясенный Олег просил у неё прощения, обещал не мешать ей жить, но было уже поздно. Каждый из них вымучивал свою сердечную муку.

Прошли годы. У Оли родилось двое детей. Девочку кареглазую, тоненькую, назвали Ритой.

А её тетя уже несколько лет жила в монастыре. Рита привыкла к суровой монашеской жизни. В страстных молитвах глушила любовь к Олегу. И мучило её непреходящее чувство вины перед Ольгой.

А Олег уже десять лет каждый месяц в одно и то же число гнал свою старенькую машину к монастырю, чтобы рано утром, в

пять часов, в сумерках стоять у порога храма перед утренней службой и ждать, когда появится Рита. И когда она подходила к дверям храма, он склонялся перед ней и взволновано шептал:

– Благословите, матушка Анастасия.

И каждый раз Рита вздрагивала, успевала увидеть свет любящих глаз Олега. Усилием воли, подавляя желание заплакать, благословляла и словно отрывалась от солнечного счастья, чтобы вернуться в ровную благодатную успокоенность.

Олег уносил в душе боль и праздник. Он видел Риту, и радость встречи наполняла его сердце благодарностью за светлое чувство неумирающей любви.

Кругом гремел, орал, хрипел, звенел мобильниками XXI век. Продажность, расчет, деловые отношения, ранний секс, легкие внебрачные связи – всё имело место и захватывало все больше и больше людских душ.

Но стояли монастыри, которые не пустуют, и сейчас никто никого не принуждает в них идти. И молятся там люди, отрешившиеся от сиюминутных радостей. И едут в те обители люди светские, деловые, расчетливые. Едут, чтобы прикоснуться к нетленному свету, высокой любви к Богу. Чтобы хоть на минуту отдохнуть, забыть о корысти и окунуться в океан безграничного покоя и всепрощения.

Любовь к Богу, в неё переплавили многие женские души несостоявшуюся любовь к мужчинам, к детям. Вплетается женская боль в свет высокого бесстрастного покоя, наполняя пространство красотой и бескорыстием, в котором очищаются более слабые люди, падкие на простые земные радости.

Кто же они – эти молодые хорошенькие женщины двадцать первого века в черных монашеских одеяниях?

Каждая из них прячет свою историю и на вопрос: «Давно ли Вы здесь?» отказывается отвечать, как и на все другие вопросы.

Я слышала, как вечером щебечут юные монашки, болтая о всякой чепухе, и весело смеются шуткам друг друга. На минутку мне показалось, что это обычные девушки – так они радовались жизни. И их выбор для меня остался тайной. Как они решились оставить все многообразие жизни?! Конечно, они увидели его в духовной жизни. Одна молодая украинка мне сказала: «Сюда приходят те, у кого тѣхнуло сердце», – и она положила ладонь на грудь, словно там хранилась эта тайна.

* * *

Осень шуршала сухими ломкими листьями, клубилась по утрам серыми туманами. Вспыхивала среди дня тёплыми лучами солнца, а ночами холодила злым ветром. В этом царстве-полуцарстве остатков лета и наступающей холодной поры брезжило и грезилось грустное ожидание перемен.

Но перемены неперемённы, и они тревожат и зовут в новую полосу испытаний. И в них, предосенних, засвечивается новая сторона души, казалось бы, уснувшей навеки.

Рождается, как росток, надежда и, как семя из сухого стручка, падает на землю, чтоб весной прорасти.

Грусть и радость осенней поры, их уносят с собой караваны птиц, иногда роняя на землю, и они светятся лужицами дождя с плавающими в них облаками.

Осень, разноликая, то тёплая, то холодная, в полумаске неожиданностей, радуется красками леса и печалит наступающей зимой. И в её непостоянстве – вечное очарование...

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ТРУШКОВОЙ

ОТЛЕТЕЛА ДУША...

Памяти Натальи Трушковой

Может Ангела Божия мало о жизни просила,
 Может тихой молитвы её он не смог услышать...
 Отлетела душа в безвозвратные, дальние сине
 Безмятежную птицей, вспорхнувшей со строчки стиха...

Отлетела легко... Ни о чём не скорбя, не жалея,
 Не закончив строки и оставив открытой тетрадь, –
 Может там, среди звёздных просторов, ей будет теплее,
 Ей отныне крылом по небесной лазури писать...

Людмила Храмова

Наталья

Беланова

(1962 - 2003)

Беланова Наталья Ивановна родилась в с. Укромном Симферопольского района в Крыму. Окончила местную среднюю школу, швейное училище, много лет работала на швейной фабрике г. Симферополя. Стихи писала с детства, в школе писала сочинения в стихах. Любила, и все её чувства слагались строчками стихов. Публиковалась в газете «Крымская правда», в других изданиях Симферополя.

НЕ ДАВАЙТЕ ЛЮБВИ ОСТЫТЬ

Нет ничего прекраснее любви!
 Влюбляясь, всё на свете забываем.
 Живём и дышим именем одним
 В округе ничего не замечаем.
 Из клятв, что были сказаны любя,
 Сбывается чуть меньше половины.
 И кто в чём виноват, не знаем мы тогда,
 Когда любовь ломается незримо.
 Всё рушится и тает на глазах.
 И эту пыль уносит молча ветер.
 Сердца не отражаются в глазах,
 Как будто их случайно кто-то вытер.
 И больше уже нечему гореть,
 Чтоб обогреть остывшую нечаянно
 Любовь... Ей просто дали умереть,
 Не разгадав её простые тайны.
 Чтоб по ночам нас не терзала боль,
 Замёрзшего душой – согреть старайтесь.
 Разлука тяжелее, чем любовь.
 Боясь её, уж лучше не влюбляйтесь.

НЕНУЖНОЕ ПРИЗНАНИЕ

«Не уходи, прошу, не уходи!»
 Хотела я услышать, убегая.
 Но фонари, что гасли позади
 Тебя за лёгкой дымкою скрывали.

Остались грусть и нежность позади.
 В ночной троллейбус резко боль ворвалась.
 Хотелось слышать мне: «Не уходи!»,
 Но все слова в ночной тиши остались.

Не ты, а ветер целовал лицо.
 Не ты, а ночь сорвёт с меня одежды.
 И не в твоё я загляну лицо,
 С тобой не поделюсь своей надеждой.

Да, я не та, которою была
 Ещё тогда, в минуты первой встречи.
 Я многое б сегодня отдала,
 Чтоб ты всё так же взял меня за плечи.

Присутствием своим не потревожу зря.
 И многого ещё не понимая,
 Я буду очень-очень, ждать тебя!
 О том, что не придёшь ты, твёрдо зная.

ПОМНЮ

Всё случилось, быть может, зря,
 Но мне не в чем тебя винить.
 Нашей встречи второй ждала
 Не сумев о первой забыть.
 Незаметно промчался день,
 Летний вечер, густая тьма.
 Будто сказочная карусель
 Этот вечер кружил меня.

Было всё: сырой запах воды,
 И огни из окон домов.
 И тепло от твоей руки,
 Увлекавшее, даже без слов.
 Было всё: поцелуев дождь,
 Жажда нежности, сила рук...
 Было то, что бросает в дрожь,
 Пробуждает в душе испуг.
 Но вдруг, если в твоей душе
 Для меня не найдётся огня,
 Этот вечер забыть сумей,
 И с ним вместе забудь меня.

СОВЕТ

Не разбрасывай по пустякам
 Драгоценный огонь души.
 Если женщина просит тепла,
 Ты её же теплом дыши.
 Если женщина нежность ждёт,
 С нею нежность свою раздели.
 И когда за окном рассветёт,
 Ты её от себя не гони.
 Посмотри на неё не любя,
 Нежных слов не сумей найти.
 И она оставит тебя,
 Вдруг уйдёт с твоего пути.
 Сила женщины только в том,
 Что свою она спрячет боль.
 И, бессильная, от неё
 Вдруг, забудет её с тобой.

МОЯ ДОРОГА

Не спеша перешагнув порог,
 Ты в дверном проёме молча замер.
 За порогом тысячи дорог,
 Но свою мы выбираем сами.

Что нас ждёт? Ошибок миллион.
 Каждая, по-своему, жестока.
 С самых давних, стелется времён
 Уготованная нам дорога.
 По дороге, ускользящей от взора,
 Кто-то шёл. Но это было раньше...
 Как бы мне сейчас шагнув с порога.
 Жизнь свою пройти, чуть-чуть иначе.
 Не прошу, чтоб не было ухабин.
 Не хочу, чтобы стелилась гладко.
 Пусть всего в пути моём хватает,
 Пусть, порою мне не будет сладко.
 Борясь с судьбой, перешагну преграды.
 Борясь с собой, прямым путём пройду.
 Чтоб тот, кто жизнь мою потом продолжит
 Из тысяч тропок выбрал лишь мою.

ОТКРОВЕНИЕ

Я не солгу, когда сказать сумею,
 Что я ждала, и что как прежде жду!
 Что я надежду на любовь лелею,
 Как огонёк, от бури берегу.

Я не солгу, когда сказать посмею,
 Что каждый день тобою лишь живу!
 Что ночи днём сменяются быстрее,
 Когда в стихах с тобой заговорю.

Я не прошу надеть притворства маску,
 Ведь айсберг среди льдов не растопить...
 Когда б любить могли мы также просто,
 Как иногда умеем не любить.

Фалалей

Поникаровский

(1932 – 2011)

Фалалей Николаевич Поникаровский родился в 1932 г. в с. Опарино Северо-Двинского края (позднее - Кировская обл.). Окончил с отличием Горьковское речное училище и Горьковский инженерно - строительный институт, служил на Балтийском флоте, строил жилые дома на Кузбассе. С 1959 г. жил в Крыму, работал в Симферопольском и Керченском отделениях НИИ «Гипроград», в «Керчьметаллургстрое», в ЗАО «Аттик-строй». Автор технологического решения строительства монументов «Герои Аджиумукская» (пилонов) и эльтигенского «Паруса». На заслуженном отдыхе начал писать мемуары. В 2011 году жизнь Фалалаева Николаевича оборвалась...

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ВРЕМЕНИ

22 июня 1941 года. Занятия в школе уже закончились, картошка уже посажена. Других дел не много, можно поиграть с друзьями «в попа», «в чижа», «в чикало-бегало» или «в лунки». Или побегать на речку.

Возле моего дома появился Васька и крикнул:

– Фалька, пошли бегать!

Не играть, не гулять, не прогуливаться, и именно: бегать. Так называлось любое мероприятие, в котором собиралось больше двух пацанов.

Я выбежал на нашу широкую неасфальтированную улицу, заросшую травой, и присоединился к ребятам, игравшим в чижа. Увлёкшись игрой, мы не сразу поняли, о чём кричит появившийся на улице Шурка: «Война! Война!»

Бросив игру, мы разбежались по домам к чёрным тарелкам радиорепродукторов. Когда я зашёл в дом, по радио передавали речь Вячеслава Михайловича Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз.

Райцентр Опарино, в котором жила наша семья, это одноэтажный деревянный посёлок с населением около пяти тысяч человек, основным занятием которых была работа на

предприятия лесозаготовительного комплекса. Отец работал главным бухгалтером Опаринского леспромхоза, так что перед войной мы – родители, двое детей и дед – жили неплохо. Мать занималась домашним хозяйством, это корова, поросёнок, куры и огород.

Посёлок наш находился в глубоком тылу, и война сначала казалась далёкой и неощутимой. Но скоро её тёмное грозное крыло накрыло и наш край. В первую очередь в магазинах исчезли продукты и соль. Вскоре были введены карточки на хлеб и другие продукты. Нормы хлеба: рабочему – 600 граммов, служащему – 500, иждивенцу – 300.

В первый же месяц войны появились в посёлке раненые. Все административные здания, школы, больница были отданы под госпитали. А учились мы всю войну в бараках, бывших детских садах и в других избах в две смены. Сначала прибывали раненые с разными ранениями, но вскоре была введена специализация, и в наш посёлок стали привозить фронтовиков только с ранениями ног. Ребята навещали раненых, подружились с ними, и каждый хорошо знал своего подопечного. Наша опека заключалась в доставке овощей с поселковых огородов, которые мы поочерёдно подвергали набегам. Раненые отдаривались папиросами «Дели – 100 штук», которые мы не курили, а продавали на вокзале по 300 рублей (не очень большая прибыль, если учесть, что буханка хлеба стоила 400 руб.)

С началом войны в кинозале районного клуба стали демонстрировать «боевые киносборники», которые мы никак не могли не посмотреть. Поскольку родители денег нам не давали, ребята залезали через форточку в туалет, а выйдя в фойе, пытались проскочить в зрительный зал. Но на страже у двери стоял двухметровый дядя Миша и, взяв пацана за шиворот, давал ему пинка под зад.

Правда, так продолжалось недолго. У меня подшефным был дядя Ваня, которому было чуть больше 18 лет и у которого была всего одна нога. Зато на одном костыле он прыгал, как Сильвер из «Острова сокровищ». Однажды дядя Ваня пригласил меня в кино. Билетов раненые не брали, а

при подходе к двери дядя Миша потребовал их предъявить, на что мой Ваня ответил:

– Сейчас получишь, тыловая крыса! – и огрел контролёра вдоль спины своим костылём. На шум подбежали другие раненые и ещё добавили. С тех пор мы ходили в кино без билетов, каждый со своим подопечным.

С начала учебного года в школе стали давать на большой перемене по куску хлеба: сперва 150 г, потом 100 г, но скоро и эти скромные пайки прекратились. Помню, пока нас таким образом подкармливали, я делал деревянные пистолетики и менял их на хлеб (не все ведь были одинаково голодные).

1942 год. Мы увидели в кино наступление наших под Москвой и то, что оставили после себя

фашисты. Все с особенной силой почувствовали ненависть к врагу, который не скрывал своих целей: истребить наш народ. Наша железнодорожная станция находилась между Кировом и Котласом. Через неё на север шли эшелоны с госпитальными вагонами и порожняком, а обратно – с воркутинским углём и лесом. Но всю войну паровозы ходили только на дровах, заготовка которых и загрузка в тендеры паровозов была возложена на население. По графику, помимо основной своей работы, люди заготавливали и загружали дрова. Ни одного куса воркутинского коксующегося угля не было брошено в топку: всё для фронта! Лесозаготовка в те времена велась в непосредственной близости от посёлка (8 – 10 км), и поэтому вывозка осуществлялась по дорогам-ледянкам тракторными саними с помощью тракторов ЧТЗ-80. Но и трактора работали на газе из газогенераторов (по две штуки на трактор), куда загружались берёзовые чурки. Автомобили тоже были газогенераторные, так что трактористу или шофёру приходилось спешить на работу за 2 часа до смены, чтобы разогреть мотор. Несмотря на все трудности военного времени, люди верили Сталину: «Враг будет разбит! Победа будет за нами». Женщины стали провожать мужчин на фронт, горевать и получать «похоронки».

Ребята убежали на фронт, но по малолетству большинство из них добиралось только до областного центра, где их вылавливали и возвращали. Кто был постарше, всё-таки добирался до фронта. Так, наш Юра Гладков в 17 лет убежал на фронт, в 18 лет стал Героем Советского Союза и погиб смертью храбрых.

Зимой 1942 года, после наступления наших войск под Москвой, на соседней железнодорожной станции Вазюк была развёрнута свалка трофейного оружия, которая занимала обширную площадь и где были оружие и военная техника обеих воюющих сторон. Мне было уже 10 лет, и я с другими ребятами по выходным стал ездить на эту свалку. Ездили на попутных товарняках, выпрыгивая из поезда на ходу. После курского сражения стало «экспонатов» гораздо больше. Поначалу на свалке было всё: от дамского пистолета до «тигра». Мы стреляли из всего, что стреляет, и взрывали всё, что взрывается. Занятие, надо сказать, весьма опасное, и не только для пацанов: однажды на свалке выстрелили из «Мосинской» винтовки, и в посёлке был убит человек. Приходилось только удивляться дерзости ребят.

Вот мы обнаружили в яме, окружённой колючей проволокой, две авиабомбы диаметром полметра и длиной 3 метра. Каково же было наше удивление через неделю, когда мы обнаружили, что головные части бомб сняты, а взрывчатка разбросана по дну ямы.

В другой раз, заглянув в люк немецкого танка «пантера», мы увидели мёртвого танкиста с пистолетом «парабеллум» на поясе. Через несколько дней заглянув туда же, несмотря на зловоние, увидели, что пистолета уже нет – наверняка работа наших пацанов.

Привозили мы со свалки штыки, кинжалы, пистолеты, но мало что оставалось у ребят: агенты НКВД были и среди пацанов. Владельцев трофеев вызывали в Управление НКВД и отбирали всё. К тем, кто пытался скрыть находку, применялись суровые меры, которым никто не мог противостоять.

Военные годы были для нашей семьи, да и для большинства семей, голодными. Мучительное чувство голода не покидало меня в течение всех военных лет.

Особенно зимой. Летом была трава: осот, лебеда, крапива, подорожник, хвощи, ягоды, грибы. Зимой хлебные карточки кончались за неделю до конца месяца. Тогда я временами забивался в щель между стеной и печкой и отковыривал печную глину, жевал её, пытаясь заглушить голод. Все мысли в такие времена обращались только к еде. Труднее всех пришлось маме, которая всеми силами пыталась накормить семью. За время войны она много раз ходила в деревню с саночками, иногда за 50 км, и отвезла туда все хоть чего-то стоящие вещи, привозя полмешка муки или картошки.

В конце 1947 года отменили карточки на хлеб, но это ещё не решило проблему. Хлеб после отмены карточек продавали только в одном магазине, очередь в который занимали с вечера, а с открытием магазина все бросались к дверям, и начиналась давка, в которой побеждал сильнейший. Покупателей с хлебом (2 буханки в руки) выпускали через другие двери. Мы с Васькой иногда забирались перед открытием магазина на крышу и вместе со снегом скатывались на головы толпы. Были случаи, когда маленьких детей задавливали в этой давке насмерть. Постепенно ситуация с хлебом улучшалась, голод для нас закончился. Но впервые я стал нормально питаться (по флотской норме) только с сентября 1948 года, когда поступил в Горьковское речное училище. Голодное детство, конечно, сказалось и на моём физическом развитии: мне было 16 лет, когда я поступал в Речное, а ростом я был 148 сантиметров и весом 45 килограммов. Правда, за 2 года училища я заметно вырос и весил уже 65 кг. Занимался в секции спортивной гимнастики. Утром строем из казармы шли поротно 5 км в училище, вечером из училища в казарму – с песнями 5 км. И так 4 года.

На всю жизнь я остался благодарен советской власти, которая спасла меня от голодного существования, вырастила, выкормила и выучила. Позднее я закончил Горьковский инженерно-строительный институт, где учился на повышенную стипендию как отличник (600 руб.) и на заработок на погрузке в порту «Стрелка».

НОЧНАЯ ПЕРЕПРАВА

Весна 1945 года. Начало апреля. Мне 13 лет, другу Володе – 15. Я уже ходил на охоту со своей одноствольной «переломкой» двадцать восьмого калибра. Но что это за ружьё – из него только мух стрелять!

А у отца была тульская двустволка шестнадцатого калибра – настоящее ружьё. Только он мне его не доверял.

И вот отец уехал в командировку, мачеха – в гости к дочери, и я остался на хозяйстве один. Бегу к Володьке, сообщаю ситуацию, и мы решаем отправиться на тетеревиное токовище. Двумя гвоздями открыли замок со звоном на кованом сундуке и вытащили двустволку.

Чтобы не проспать и попасть на токовище до рассвета (идти надо было 10 км), вышли в 11 часов вечера. Мороз крепчал, и это было нам на руку, так как крепчал и наст, по которому предстояло идти. Отправились мы по трассе узкоколейки, пролегавшей через лес до поляны, на которой мы неделей раньше построили шалаш возле следов крови и перьев. Косачи (у самцов хвост раздвоен на косицы) дерутся на токовище остервенело, чтобы покорить своих тетёрок.

Идём мы по лесу, и за каждым кустом чудится нам волк или медведь-шатун. Ночь темна, лес угрюм. Мы, конечно, в душе боимся, но виду не показываем. Правы те, кто считает, что не боятся только дураки и дебилы, настоящие мужики преодолевают страх. Мы с другом преодолевали: я – сжимая в руке трофейный немецкий штык, а Володька – с ружьём наперевес.

Наст был крепкий, и где-то в половине третьего ночи путь нам преградил лог, по-весеннему разлившийся в ширину метров на 15 – 20. Ночной мороз покрыл поток тонким льдом (сантиметра 2 толщиной). Мы посоветовались и решили переправляться. Натаскали жердей, но только до середины потока. Опасаясь опоздать на токовище, я, как более лёгкий, с благословения Володи пошёл первым. Жерди быстро закончились, и я мелкими шажками пошёл по льду, но совсем недалеко: ноги провалились, я споткнулся и упал, как ледокол, проломив лёд и с головой погрузившись в ледяную воду!

Всё тело обожгло, но об этом я уже не думал и не ощущал, потому что сильное течение потащило меня под лёд. Спас меня Володя, который, не теряя ни секунды, лёг на жерди, подал мне одну из них, и как только я ухватился, стал тащить меня к берегу. Так я на буксире и проломил лёд до самого берега. Выскочив на берег, мы схватили топоры и принялись рубить сухостой. Воду из сапог я вылил, лёжа на спине, задрав ноги. Пока рубили и таскали деревья, я даже немного согрелся. Развели костёр, как говорится, до неба, и я под его жаркими лучами разделся донага и стал сушить одежду. Через час одежда была относительно сухой.

А нам не терпелось к восходу попасть на токовище. Не смотря на мороз градусов 15, мы поспешно двинулись по сплошному бурелому в сторону верховий потока в надежде найти место для переправы. Примерно через километр нашли дерево, упавшее через поток. И благополучно перебрались на другой берег.

Но когда мы добрались до нашего шалаша, было уже поздно: рассвело, и косачи всю дрались возле него. Попытки незаметно подкрасться на расстояние выстрела успехом не увенчались, косачи разлетелись. В общем, охота не удалась.

У меня очень мёрзли ноги. Присев на пенёк, я стал пытаться разуться. Оказалось, что портянки в носках сапог примёрзли, еле их вытащил. Выжав и перевернув портянки, переобулся. Солнце поднималось всё выше, стало тепло, наст растаял, так что обратные 10 километров пришлось идти по колено в снежной каше, начерпав полные сапоги. Дома, едва раздевшись, я упал в постель и заснул мертвецким сном. Так закончилась наша неудачная охота.

Я не простудился, не заболел и был рад, что всё обошлось без последствий. Но, как оказалось, рано обрадовался: в июне меня прихватил сильнейший фурункулёз, раны от которого остались на всю жизнь. И остался опыт выживания.

Наша гостиная

Ольга

Белева

Сосновый Бор, Россия

родилась в Норильске в 1948 году. Керчь – родина отца, город, куда её родители переехали в 1958 году, где она выросла, закончила школу, куда всегда спешила на каникулы во время учёбы в Ленинградском Технологическом Институте им. Ленсовета, куда постоянно приезжает и сейчас, живя в г. Сосновый Бор Ленинградской области. Её стихи – это искренние слова о любви к жизни, к природе, о жизненных целях и ценностях, о гармонии взаимоотношений, о любви, создавшей этот мир, которая делает человека чище, лучше, уносит покой, но дарит радость и счастье...

КАК РАНО...

Б.Ахмадулиной

Как рано, красавица Белла, отчаянно рано! –
 Ещё бы пожить и ещё бы писать о любви –
 Высоко, изысканно, мудро, порою пространно,
 Но так увлекая в воздушные сети свои!

Ещё б завораживать голосом тихим, гортанным,
 Ещё подарить бы любимым свою благодать,
 Ещё бы воспеть всё, что дорого, мило, желанно,
 Ещё б хоть немного земного блаженства узнать!

Всего жизнь отмеряла: славы, любви и печали,
 И жаркой, сияющей радости творческих лет,
 Сорочьих завистников злых вороватые стаи,
 И лучших друзей, меж которых непреданных – нет.

Пусть счастлив твой путь будет там, высоко в поднебесье,
 Среди баловней Бога – любимых поэтов Земли,
 И в наши сердца яркой радугой падают песни,
 Что в горнее в душах когда-то легко поднялись...

ПУСТЬ!

Пусть в сердце твоём, вечно юная, празднует радость,
 И счастье моё да пребудет с твоим навсегда!..
 Ты веришь в судьбу? – Не зови равнодушную старость,
 И жизнь принимай как тогда, в молодые года.

Ты веришь в любовь? – Пусть же вера тебя не покинет,
 И спутницей будет, закат превращая в рассвет,
 И чувства, на струнах душевных играя, не стынут,
 И струны трепещут от чувств, наполняя сюжет!

ВЕЧЕР

Падает вечер шалью на плечи
 В ярких созвездьях ли, в каплях дождя –
 Тот, что зовётся вечером встречи
 Робкой надежды с верой в себя...

Кружит нас вечер, празднуя встречу
 Зрелого августа и сентября,
 Вечер, повенчанный ласковой речью
 С тихой радостью бытия.

Листьям – кружиться, вечеру – длиться,
 Вечности дань отдавая свою!..
 ...Знаю, что ночью опять станет сниться,
 Будто и вправду тебя я люблю.

ВСЁ ПЕРЕЖИТО...

Всё пережито, сказано,
 И незачем встречаться:
 Нам – «сверху» – не приказано
 В обидах распинаться.

Но, открестясь старательно
 От встреч, что больно ранят,
 На расстанях сознательно
 Мы оставляем память.

Разведены прощанием,
 Осветлены прощением,
 Живём воспоминанием
 И бредим возвращением.

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Семьдесят лет. Стариковская память
 Цепко листает: как будто вчера
 Бал выпускной, фотоснимок на память...
 Двадцать второе, четыре утра.
 Грудь в орденах, а на сердце потери
 В жуткой обыденности войны,
 Нынче их слёзы бессильные мерят,
 Скорбью пожизненной награждены.
 Юность, четыре весны отслужившая
 В залитых кровью военных краях,
 Вражью орду силой духа громившая,
 Пекло познавшая, смерть победившая,
 Мне, моим сверстникам жизнь подарившая,
 Низкий поклон тебе в память о днях,
 В камне и бронзе застывших в веках.

МОЛИТВА

Прорубь крестна, осиянная
 Рождественской звездой!
 Залечи на сердце рану,
     душу светлую омой!
 Влей желаний изначальных
 жизни, творчества, любви!
 Утоли мои печали,
 Сила Божья,
     утоли!

В дань Великому Крещенью,
 Господи ты мой!
 В прорубь
     смутный лик сомненья
 с глаз потухших смой!
 Крылья, смеженные долей,
 разверни, раскинь!
 Дай же сил, Господь, и воли –
 верить, жить, любить!
                                 Аминь.

ПЕРЕД ИКОНОЙ

Так бывало уже не раз
 Там, где свечи горят вокруг...
 Снова манит меня мираж –
 Дальний взмах несомкнутых рук.

Верно, знаешь: желанней нет
 Твоих серых приветных глаз,
 И молюсь, чтоб их добрый свет
 Путеводным стал в звёздный час.

Улыбнись сквозь эфирный плен
 Только краешком милых губ –
 И, поднявшись едва с колен,
 Я достать до тебя смогу.

СЛЕПИТ СНЕЖНОЙ ПЕЛЕНОЙ...

Слепит снежной пеленой
 Зимнее ненастье,
 За завесой снеговой
 Скрыло торный путь.

Наши руки сжаты так,
 Что гудит в запястье,
 Предрассветный полумрак
 Сдавливает грудь.

Страшно, но не потому,
 Что шальная вьюга
 Насыляет эту тьму,
 С ног сбивая нас, –

Страшно уступить зиме,
 Потерять друг друга,
 Потерять тебя во сне
 И на этот раз.

Нам сейчас пройти вдвоём
 Шага три осталось –
 Там, за круговертью, дом
 И огонь в печи.

Только б рук не отпустить! –
 Чтоб опять казалось:
 Неразлучными нам быть
 И в глухой ночи.

ТЫ МЕНЯ ОСУЖДАТЬ НЕ СТАНЕШЬ...

Ты меня осуждать не станешь
 И поймёшь, как никто другой.
 Только больше уже не ранишь,
 Потому, что отплакан мной.

Перечитаны все страницы,
 И захлопнута та тетрадь,
 Где влюблённые наши лица
 Друг на друга меж строк глядят.

Гиацинт, напоённый свежим
 Ароматом любви былой... –
 Как узорчат, изыскан, нежен
 Тот подарок вчерашний твой!..

В СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК ПОКРОВА...

В светлый праздник Покрова,
 Матерь Божья, все слова,
 все, Заступница, – тебе,
 Дево Богородице!
 Помяни в молитве денной,
 защити покой ночной,
 Покрывалом неистленным –
 нас, грешащих и смиренных,
 от беды, напастей бранных –
 в доброте Твоей – укрой!

ВДОХНОВЕНИЕ

Отстранённостью от быта,
 отрешённостью от мира,
 одиночеством – укрыта
 поэтическая лира.
 Но через вселенский хор,
 сквозь житейские препоны
 распознать хочу знакомый,
 властный струнный перебор
 и судьбу благословить
 за счастливые мгновенья
 прикосаний к откровенью
 вечных струн, чтобы сложить
 вынянченный сокровенно,
 свой мотив, послушен, тих,
 где, сердечный, непременно
 торжествует новый стих.

Я ЗАБЫЛА...

Я забыла, прости, забыла,
 Как безбожно тебя любила,
 Как меня твоё сердце грело,
 Что держала так неумело,
 Чтоб спасти... Только не смогла:

Бог подал тебе два крыла!
 ... Не со мною всё будто было.
 Я на ощупь тебя забыла,
 Всё забылось. Подруга – память
 Наотрез не желает ранить,
 Боль утихшую теребя.
 Мне не трудно уже без тебя.
 Мне из прошлого – лёгкий ветер –
 Твоей нежности прикосновение,
 Когда маются в призрачном свете
 Соловьиные ночи весенние.

О ТЕБЕ...

О тебе – в полуулыбке,
 о тебе – в горячем сне,
 о тебе – щемящей скрипкой...
 мысли спутались во мне.
 Недосказанные все,
 в горле трепетно дрожат,
 но в невольном поцелуе
 затаились – и молчат...

КАК ВОДИТСЯ...

Как водится, расстанемся друзьями.
 Минувшего не станем ворошить –
 Оно и так останется за нами,
 Но вместе нам его не воскресить.

Нам просто не придумать новых версий,
 А прежние закончились давно,
 И от твоих сомнительных известий
 Мне веет грустью старого кино.

Твоя ли осторожность виновата?
 Моя ль горячность снова не права?
 Ты – прошлым жив, я – будущим богата,
 А посередине – только трин-трава.

ПОД СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Жемчуговою россыпью тающих слёз,
 монотонно стекающих с веток хрустальных,
 новогодний, в гирляндах мерцающих звёзд,
 умывается Невский проспект театрально,
 в серебристые ночи, в канун Рождества
 окружает нас обворожительной сказкой
 об исполненных снах, добрых узах родства,
 о счастливых глазах за изысканной маской.
 ...Но, красиво грустя о скользящих годах,
 о свиданьях, в которых он не повторится,
 снова зрителей манит – и в искристый прах
 рассыпается грусть на восторженных лицах.

*Татьяна
Кувшиновская*

Санкт-Петербург, Россия

Кувшиновская Татьяна Аркадьевна родилась в Ленинграде 26 ноября 1939 года (Житель Блокадного Ленинграда). По образованию – инженер электросвязи. Пишет стихи со школьных лет. Публиковалась в газетах: «Литературный Петербург», «Политехник», и др.; в альманахах: «День Русской Поэзии», «Остров» и др.; в журналах «Аврора», «Невский альманах»; в коллективных поэтических сборниках; в Антологии современной петербургской поэзии «Поэтический Форум»; дипломант конкурсов «Заветная лира», «Красуйся град Петров...». Пишет заметки и статьи обзорно-критического характера.

ЦИКЛ СТИХОВ «СРЕДИЗЕМНОЕ-БАЛТИЙСКОЕ»

Н. Хармац и Е. Абезгаузу посвящается

* * *

Так похожа на лавину
Быстрота скользящих дней
Во вторую половину
Жизни...

Краски победней,
Впечатлений свежих мало –
Надо бы тянуться дням,
Но летят они в провалы
По разбросанным камням.

Нет, лавина – безрассудство
И кипение страстей...
Мне на миг бы окунуться
В омут юных скоростей!

* * *

Рейс «Эль Аль» – «Дорога к Богу»...
За границей в первый раз.
У меня вещей немного,
«Фэйс-контроль» и – в добрый час!

Дружбы свет в груди таится,
Для любимых берегу,
Чтобы в юность возвратиться
На заморском берегу.

Бренны наши оболочки,
Им седьмой десяток, но
Рифма оживляет строчки,
Краской дышит полотно,

От сердечного участия
К небу тянется лоза,
И не только при ненастье
Увлажняются глаза...

Впечатлений двухнедельных
Хватит на остаток лет.
От душевных неподдельных
Слов на сердце теплый след.

Отгостила, слёзы прячу,
Чемодан едва тяну...
И в душе багаж богаче –
Подарили мне Страну.

* * *

Тамариска зелень пыльная
Вдоль израильской реки,
Устье, рыбою обильное,
Упирается в пески.

До простора моря синего
 Сажень сорок недобег,
 Ждёт река сезона зимнего,
 Ждёт дождей из века в век.

С давним другом в дни осенние
 Через долгих сорок лет
 Вспоминаем с оживлением
 Мончетундры лунный свет,

След лыжни, поход байдарочный...
 Память цепкая жива:
 Сундучок ты мой подарочный –
 Чувства, помыслы, слова...

И далёкое, и близкое –
 Сказка, музыка, роман...
 Средиземное, Балтийское –
 Суть один меридиан.

ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Отвлеклась моя подруга...
 Что внучок её твердит
 Не пойму, нужна услуга
 Переводчика с иврит.

И последний шоколада
 Уминаючи кусок,
 Говорю Наташе: «Надо
 Поддержать наш диалог!»

А подруженька хохочет,
 Я – краснее кумача,
 Оказалось, мальчик хочет
 То, что съела сгоряча.

Я в Святой Земле шесть суток,
 Но резон уже возник,
 Чтоб не стать объектом шуток,
 Изучить святой язык.

* * *

Брожу в лугах за Лугою,
 Шуру сухими травами.
 Неделя как с подругою
 Поутру в море плавали.

Прозрачность Средиземную
 Напомнит небо к вечеру.
 Природою целебною
 Моя тоска излечена.

Поездка заграничная,
 Как платьице с иголки,
 А память педантичная
 Перетасует полочки,

На ближнюю пристроится,
 Чтоб стать подмогой лучшею,
 Когда работа спорится,
 Когда беседа к случаю.

«VANITY OF VANITIES...»

Уезжала – суетилась...
 За отрог горы Кармель
 Я душою зацепилась,
 Словно якорем за мель.

По ночам душа витает
 По-над берегом морским...
 Осень радовала маем
 Вопреки часам мирским.

увы, не та, давно не та...
 В твоём краю весна в разгаре,
 там Изабелла и Мускат
 цветут и осенью подарят
 тобой любимый виноград.
 Твой суховей к нам ненароком
 не залетит, а наш мороз
 не тронет, походя, жестоко
 цветущих виноградных лоз.
 У нас снега поют в апреле,
 а в мае в сумрачном лесу,
 в ложбинах, замети метели
 услышат первую грозу.
 Отшелушит чешуйки почек
 восточный ветер верховой,
 лета кукушка напорочит –
 Кукуй кукушечка с лихвой!
 Не рядом наши палестины,
 не ближний для поездов свет,
 но для кручины нет причины –
 разлуку скрасит Интернет.

04 апр.

* * *

Ровно тридцать лет назад,
 в январе, в Твой День Рождения,
 вы свершили «невозврат» –
 в новый мир переселенье.
 Вам понятней и видней
 в мелочах и сути главной,
 чем измерить, кроме дней,
 жизнь в Земле Обетованной.
 Дочки, внуки, дом и сад –
 плод земной достойной жизни,
 а духовный Вертоград
 от взрастившей нас Отчизны.
 Если мачехой крутой

мать сюрпризы подносила,
 значит, на Руси Святой
 верх брала «нечиста сила».
 Откреститься от неё
 даже праведнику трудно:
 иль живи, пока живёшь,
 или пьянствуй беспробудно.
 Если выбрал третий путь –
 «чемодан – вокзал – граница»,
 прошипят: «Не обессудь!
 Родина лишь в снах приснится»!
 Время новое пришло,
 Русь зовёт сынов до дому.
 Но не мне одной знакомо –
 «Где нас нет, там хорошо...»

04.01.2007.

Константин

Свириденко

(Ушелец)

с. Сылва Свердловской обл. Россия

ДЕРЕВО – ПОБЕДИТЕЛЬ

Это моя нога. В красном башмаке, зашнурованном длинными сверхпрочными шнурками. На таком шнурке можно повеситься. Да что там! Запросто можно буксировать персональный катер! Башмак наступает на переплетающиеся, отвратительного вида корни, толстыми иссиня-фиолетовыми змеями ускользающие в красную почву. Ноге хорошо, мягко. Очень удобный башмак. Сухой, уютный. Ноги не устают. По любой поверхности, как по мягкому ковру! Башмак исчезает из поля зрения куда-то вниз и назад, на смену ему появляется другой, точно такой же, брат-близнец. Зеркальное отражение.

Я иду. Я уже давно иду пешком. Топаю красными башмаками по такой же красной поверхности Венеры-3. «Тум-тум». Змеящиеся корни под ногами. «Тум-тум». Пригорок, на котором полностью отсутствует всяческая растительность. Чистый песок. Одинокий бархан. Такая мини-Сахара. Мини-Гоби.

Вверх-вниз, и вновь гобелен нетронутых джунглей скрывает меня ниточками-лианами, шерстинками-деревьями. Я – моль?

«Тум-тум». Шагаю ровно и прямо, иногда прорезаю себе путь лазером. «Тум-тум». Это в голове. Кровь кипит на непомерной жаре, и, наверное, оттого так глухо стучит в висках в такт движению красных башмаков. Какой идиот придумал красить обувь искателей в такой раздражающий цвет? Чтобы легче было найти, когда копыта отбросишь? Так ведь здесь вся планета красная! Я иду. Я ищу.

Хватаю воздух потрескавшимися губами. Как хорошо было бы в скафандре, так нет! На Венере-3 можно дышать. На Венере-3 есть жизнь. Вот только есть эту жизнь нельзя! Не тот метаболизм...

Толку-то с такой жизни. Зато не нужна никакой стерилизации-дезактивации. «Тум-тум». Топай себе по красноватой поверхности, режь просеку в цветных джунглях – ни один вирус тебя не потревожит! Чужой ты для них. Все равно, что дерево, даже хуже. «Тум-тум». Красный ботинок оставляет красный след на красном песке. «Тум-тум». Красный правый след. «Тум-тум». Красный левый. Я ищу. Не в первый раз, но теперь-то точно найду! Иначе, какого рожна бы я сюда пёрся? Среди всех этих бескрайних джунглей, для разнообразия пересыпанных, словно горохом, крохотными песчаными пустошами, среди всего этого обилия форм растительности: (говорят, больше, чем на Земле!), мне нужен только один представитель. Один, но самый редкий! Я ищу Деревопобедитель! Катер-челнок с доставившего нас корабля пах чем-то острым, словно до этого в нём перевозили пряности. Чеснок? Может быть, так оно и было... Хорошо, что не навоз. Угрюмый помощник капитана, спокойный, как удав: «Выгружайтесь!» Правильно, контрактники есть контрактники. Искатели. Никто и не ждал никаких почестей, но все-таки...

Как будто не для Земли это все... Вообще-то, можно было бы и осесть на родной планете, вот только – скука... После того, как несколько лет был отщепенцем, все не так.

Там, в уютном мирке, серые люди с серыми мечтами и заботами... Кто сказал, что Земля – зелёная? Она уже даже не голубая! Просто серая!

То ли дело – Венера-3! Яркая, красная планета! Только небо – как на Земле... Даже облака такие же. Как они смотрели в это небо, когда катер, разгрузившись, взмыл вверх, оставляя за собой в раскаленном воздухе ещё более раскалённый инверсионный след. Ушёл челнок, унёс свой запах чеснока.

Через некоторое время разбрелись и они, искатели. Поодиночке. Кого бояться на пустой планете? Разошлись в разные стороны, взяв с собой только самое необходимое. Попискивает одинокий радиомаяк места посадки в наушниках: «Пип-пип». «Пип-пип» – ещё через двадцать секунд. Можно выйти на его частоте и

записать на автоответчик своё послание, но это только в экстренном случае. Например, сломал ногу. Или когда нашёл. Когда прямо перед твоими глазами расцветает Дерево-победитель. Тогда ты можешь считать себя миллионером, не думать ни о чём. За тобой прилетят, тебя отвезут на самые фешенебельные курорты, поселят в лучших отелях.

А пока – ищи. Иди по красному песку, прорубайся сквозь разноцветную паутину джунглей. «Тум-тум». Ножками. Шаг за шагом. Одна человеческая сила. Это потом, когда найдёшь – откуда только возьмётся техника! Понавезут – всего! Но искать нужно пешком. Потому что быстро оживает Дерево-победитель, всего несколько часов цветёт и вновь превращается в неприметный коричневый обрубок, каких миллионы в этих джунглях. Не различишь с воздуха. Да что там – с воздуха! Только на ощупь, положив руку на ствол, можно почувствовать, что шершавая и с виду мертвая древесина – живая. Мягкая, как губка, пульсирует и выгалькивает твою руку, пытаясь принять привычную форму. Дерево-победитель нельзя сломать. Его можно скрутить как угодно, завязать в гордиев узел – оно восстановит свою форму. Потому что оно – Дерево-победитель. Потому что оно – живое. И ещё – оно умеет петь, когда цветёт. Но не за красоту, не за невероятную жизненную стойкость ценят люди Дерево-победитель, нет. Эту особенную силу дарит дереву почва, та земля, та порода, на которой оно только и может расти. Такая же красноватая, такая же слегка радиоактивная, как всё на этой планете.

Но – особенная! Почва из-под корней Дерева-победителя в сотни раз ускоряет обмен веществ у человека, мгновенно заживляя любые раны. Разбившемуся в авиакатастрофе пилоту восстановили жизнеспособность через пятнадцать минут после клинической смерти, в антисанитарнейших условиях, просто прокачивая через тело искусственную кровь с настойкой торфяника Дерева-победителя. Человек полноценно восстановился через час после аварии! Через три часа он смог сесть за штурвал самолета! И до сих пор летает! Чудодейственный субстрат спас не одну сотню человеческих жизней, пока не был замечен еще один немаловажный аспект: спасённые люди не старели. И не умирали.

Вот тогда-то безумно взлетели цены на красный торфяник Венеры-3. Когда бессмертие можно купить – за него не торгуются. Только не всем оно достаётся, даже если карман позволяет – не так часто встречается Дерево-победитель, и нигде больше не растёт – сколько ни пытались пересадить. Видимо, правда, дело в торфянике, а не в самом дереве. Но указать эту драгоценную почву может только оно, только само дерево. И я ищу его, меряю своими шагами чужую, жаркую, красную планету – «Тум-тум».

Скоро ночь, светило уже не так палит, скрываясь за верхушками джунглей. Нужно остановиться, развесить гамак повыше, мало ли что говорят о безопасности местной фауны – бережёного Бог бережет! Отдохнуть, выпянуть уставшие за день ноги, расшнуровав красные башмаки. Вот кстати и опушка леса перед очередным песчаным барханчиком.

Я снимаю многотонный рюкзак, бросаю его на траву. Так хочется присесть, да нельзя – потом будет слишком трудно вставать. Достая гамак – всего сто пятьдесят граммов веса, а какое удобство! Ещё через пару минут я уже раскачиваюсь между двумя деревьями и потягиваю приятный сок из самоохлаждающегося пакета. Красота!

Ночь падает на джунгли со скоростью сбитого истребителя, высвечивая на таком обманчиво знакомом небе такие незнакомые созвездия. Вот это жизнь! Вот это свобода! Один... Только вот, устал я сильно... Нужно расшнуровать ботинки, чтобы отдохнули ноги... Расшнуровать... Солнце греет щеку, ласково и уютно. Потягиваюсь, просыпаясь. Красные башмаки скатываются по гамаку к пояснице, внося дискомфорт в мои ощущения. Чёрт бы их побрал! Я заметил за собой – стал очень редко потягиваться – это всё стресс.

Обуваюсь, разминая затёкшие ноги. Воздух дрожит, нагреваясь над песчаной пустошью. Где-то далеко позади треснул сучок. Вскрываю и в мгновение ока сворачиваю гамак – я не лох! Зверей здесь нет, значит, кто-то идёт за мной, кто-то вычислил, что я не первый раз на этой планете. Кто-то знает, что у меня больше шансов найти Дерево-победитель. Так... Ну, сейчас он нападать не будет – нет смысла. Но и дать ему понять, что я знаю о его существовании – вовсе ни к чему. Потеряю фактор внезапности. Что делать? Идти. Чувствовать затылком чужое дыхание в

полукилометре сзади. Думать за себя и за него. Один ли он? Может быть, просто пересеклись дороги? Так почему он не ушёл? Ясно ведь, в таких походах лучше быть одному – какой смысл делиться с кем-то? А вот прихватить чужое – это просто. Вот вам и смысл.

Я иду. Вошёл в темп, переставляю красные башмаки с завидной автоматичностью, срезаю лианы перед собой. Ему легче – он идёт по проторенному пути. Уверенно идёт, но не приближается. Пересекаю бессчётный барханчик, за ним растительность пореже. Вот тут то мы и посмотрим!

Резко увеличиваю скорость, бегу, подныривая под лианы, стараясь шуметь в меру спокойно. Он меня не должен видеть! Вскрабкиваюсь на пригорок, быстрее! Взлетаю на какое-то дерево, смотрю назад.

По моим следам, из просеки, прорубленной в густых кустах, выходят двое. Так. Теперь всё понятно. Светило бьет им в глаза – это вам не земное солнце, не прикроешься ладошкой! Ого! У них боевые лазеры! И как только протащили... Весело...

Скатываюсь с гостеприимного дерева, подхватываю рюкзак и бегу вниз, по редколесью. Вся надежда только на скорость да на былой опыт. Эти ребята не попросят поделиться, когда я найду Дерево-победитель. Они будут стрелять сразу. Причём, кто-то из них – и в напарника тоже. Вот влип!

Иду быстрым шагом, стараюсь не шуметь – может быть, собьются со следа. Где там! Вон, один уже появился на пригорке, маскируется в тени дерева. Если бы я сам на этом дереве не сидел – ни за что бы не заметил. Опытный, сволочь. А я, в этом редколесье, у них – как на ладошке. Не оглядываться, не спешить. Так. Иду спокойно, словно и не знаю об их существовании. Только сердце бухает после недавней пробежки, но им то его не слышно!

Иду. «Гум-гум». Меряю красными башмаками красную планету. Кровавый, между прочим, цвет... Поворачиваю в неглубокую ложбинку, вниз. О, дьявольщина! Как не вовремя!

Дерево, за которое я ухватился рукой, сжалось под пальцами, как упругая губка, запульсировало, словно живое. Дерево-победитель!

Только бы не разбудить его, только бы не начало петь – тогда все!

Отдергиваю руку, как от огня, спешу вниз, по ложбине. Отвести их подальше, отвести! Быстрее! Ещё быстрее! «Тум-тум! Тум-тум-тум!»

Надо мной нависает невысокая каменистая осыпь, изгибается, маскируя меня. Так, надо чуть пошуметь, чтобы они слышали. И навверх. Как можно быстрее! И назад. Пригнувшись, почти попластунски! Так. Вот и приличный камешек. Дышу тяжело, нужно успокоиться. Так. «Я спокоен, я абсолютно спокоен...» Да какая тут, к дьяволу, медитация! Выглянуть из-за камня, совсем чуть-чуть.

Да вот они, оба! Так, вроде бы прошли Дерево-победитель. Не заметили, слава Богу! Ну, а теперь... нет, ребята, я стрелять ещё не научился! Плохо, мой универсальный лазер не снабжён оптикой, ну ладно... А может..? Может они вовсе ничего и не замыслили? Пусть пройдут? Ах ты бя..!

Крохотный камешек выскальзывает из-под моего локтя, шурша, катится вниз. Что-то шипит, и бульжник у моего лица плавится и трескается от жара лазерного луча. Заметили! Ну, получайте! Я жму на гашетку, и заднего бандита наискось перерезает фиолетовая ниточка моего лазера. Ни крови, ни стопа, ни крика... Другой ныряет в какую-то расщелину и успевает превратить песок и мелкие камешки в метре от моего укрытия в неглубокое кипящее озеро.

Брызги расплавленного стекла осыпают меня. Больно и жарко. Чёрт, так просто! Так буднично – ты стреляешь, в тебя стреляют. Скучно и спокойно. Ни ему тебя, ни тебе его не достать. Как же выкурить этого придурка?

А если..? Он ведь, практически, подо мной! Ну, ва-банк? Группируюсь, пробуя раскатать камень. Вроде бы, получается! Еще чуть-чуть, и он скатится вниз, круша всё на своем пути. Прямо на моего противника. Но я... Сам-то я тоже останусь без защиты!

Серебряный звон наполняет жаркий, потревоженный лазерными вспышками воздух. Это – от перенапряжения? Огромный бульжник, скрипнув, вдруг резко вырывается из моих рук и скачет туда, вниз, на затаившегося бандита.

Я падаю, успевая схватить лазер. Из кустов, укрывающих расщелину, не дожидаясь падения камня, взматывается что-то черное... Два лазерных луча перекрещиваются в воздухе и всё затихает. Я

попал – ясно вижу лежащий на осыпи труп со срезанной половиной головы. Тихий, хрустальный звон нарастает.

В двадцати шагах от меня Дерево-победитель дрожит распутившимися крохотными листочками. Они растут на глазах, одевая сухой корявый ствол нежно-зелёным покрывалом. Звук усиливается, цвет листьев становится насыщенней. Внезапно, где-то в центре шарообразной кроны вспыхивают четыре багровых искорки, растут. Это уже цветы. Четыре огромных, багрово-жёлтых цветка словно светятся изнутри, потом тускнут, полностью исчезают в бирюзово-зелёной листве. Через несколько секунд они расцветают снова.

Звук, создаваемый дрожащей листвой, становится гимном. Я пытаюсь встать, но падаю на пятую точку, оторопело глядя на красный башмак с отрезанной голенью ноги. Моей ноги. Он тоже, оказывается, попал! Всё буднично и просто.

Бросаю ненужный лазер, и, стараясь не смотреть на трупы, ползу к Дереву-победителю с красным башмаком в руках. Лазерный луч режет без крови. И без боли.

Достаю нож и начинаю срезать с обрубка тонкий слой плоти. Резать по живой ноге будет больно, но нужно.

Я жую землю из-под корней, мне смешно. Мне безумно больно и очень смешно. Только бы не сойти с ума. Надо мной поёт Дерево-победитель.

Может быть, разбить рацию?

Светлана

Севрюкова

Москва, Россия

ОНИ КАК МЫ

Теплеет. И чуть-чуть короче ночь.
 Не тает снег, но вздрогнули деревья,
 Предчувствуя капель, цветенье, дождь,
 Объятя ветра и прикосновенья
 Невидимых, но ласковых лучей...
 Они как мы... Которым скоро сорок...
 Воскреснут, не задумавшись зачем,
 Зашелестят про небо и про море.
 Заговорят друг с другом о былом,
 Расскажут сны, желанья загадают
 И зеленью заполнят окоём,
 Как будто ничего еще не знают
 Про летний зной и осени обряд,
 Сулящий боль и долгие печали.
 Они как мы, судьбу благодарят,
 За всё, что им дано начать сначала.

КОРАБЛИК

Нет, не надо стихов. Я сложу этот лист поперёк,
 Заверну уголки, подогну осторожно края.
 Получился кораблик, готовый уплыть на восток
 По гольфстриму рождённого
 мартовским утром ручья.

Ждёт попутного ветра.. Немного растерян, но рад:
 Впереди - буревестники, реки, моря, острова, –
 Настоящая жизнь, что не может вместиться в тетрадь.
 Удивительный мир, не играющий с нами в слова...

ПРИБЛИЖЕНИЕ

Неторопливо, неизбежно
 Ты приближаешься ко мне,
 Как будто парусник мятежный
 К случайно найденной земле.

Ни шорох волн, ни крики чаек
 (знакомых нот привычный звук)
 На этот раз не предвещают, –
 Ни единенья, ни разлук.

Ни бурной радости, ни горя.
 К чему угадывать судьбу?
 Пусть за меня решает море
 Кого я здесь годами жду...

Пусть за тебя решает берег,
 Кому ты верность обещал.
 Не позовёт и не отвергнет
 Никем не занятый причал.

ПИСЬМО ГАМЛЕТУ

Надоело дышать на ладан!
 К чёрту траурные шелка!
 Не берут в монастырь – и ладно!
 Выйду замуж за дурака,

Наступающего на грабли
 Ватным валенком и лаптём.
 Всё путём у нас будет, Гамлет.
 Обязательно: всё путём.

Как положено, – в белом платье,
 С вечной клятвой у алтаря...
 Сорок тысяч коварных братьев
 Пусть помолятся за меня,

Называя пропащей стервой,
 Сорок тысяч сдуревшей раз...
 Всё путём, сорок-тысяч-первый.
 Он не парится, сколько вас.

И плевать, что дурак – не пара
 Той, которая принца ждёт.
 Он не сдаст меня санитарам,
 Не задушит и не убьёт.

И не станет терять столетья
 На твои «be or not to be»,
 Простодушно ища бессмертье
 В безрассудной своей любви.

ЕРЕСЬ

И всё-таки – май. И всё-таки
 Мои тридцать восемь – мелочи,
 И три твоих брака – глупости,
 И счастье, конечно, не
 В деньгах. И дожди мне нравятся.
 И с пьяным тобой мне весело,
 Что всё еще она вертится
 Юлою в кромешной мгле.
 Священная инквизиция
 Опять на меня ругается.
 И я притворяюсь умницей,
 И я восклицаю «нет»!
 И всё ж таки она крутится...
 И всё таки она вертится...
 Вокруг абсолютной истины,
 Похожей на пьяный бред...

И В РАДОСТИ, И В ГОРЕ

Усни, и пусть тебе приснится море,
Целующее робкие следы.
И в радости, и в горе... Слышишь? В горе...
У моря не убавится воды.

Рассудок трезв, а сердце – безрассудно, –
Бездушный век его не упростил.
И в радости, и в горе... Это трудно...
Надеюсь, что у моря хватит сил.

Оно сильнее, чем мы, всего лишь люди,
Не знающие сами, что творим.
И в радости, и в горе – не забудет,
Что в детстве ты назвал его своим.

МОЛИТВА

Что окрылит, а что стреножит
Мерно вершащего бранный путь?
Если Ты слышишь меня, мой Боже,
Ты со мной рядом в дороге будь.

Силы найдутся на крест и посох,
Горькую чашу допью до дна,
Если шепнут мне однажды звёзды,
Что в одиночестве – не одна.

«Дай мне...» Да нет, ничего не надо
Той, что взяла Твой блаженный дар.
Главное – вера: со мною рядом
Ты или тот, кто Тобой мне дан.

Знать бы, с огнём ли всю жизнь играю,
Или храню Твой заветный свет...
Я Тебе, Господи, доверяюсь,
Там, где обратной дороги нет.

КУРЯЩАЯ ЖЕНЩИНА

Случайный миг, как строчку песни,
Хочу запомнить навсегда:
Дорога хваткою железной
Брала за горло поезда.

Толпился люд на полустанке.
А на мосту... А надо всем!..
Простая женщина стояла.
Курила. Может быть, «LM»...

Ладонь к губам, и, простодушно,
Ладонь от губ... Прощальный взгляд.
Как будто поцелуй воздушный
Вослед составам всем подряд...

А рядом люди шли, с вещами,
И вряд ли кто-то замечал
Как эти жесты превращали
Вокзал в тоскующий причал...

Елена

Шаталова

Россия

Родилась в 1983 г. в ст. Петропавловская Краснодарского края. «Стихи для меня, как воздух которым я дышу, и спасательный круг, который не даёт утонуть в одиночестве и отчаянье» – пишет на своей странице на сайте stih.ru молодая поэтесса, инвалид первой группы.

БЕРЕЗОВАЯ РУСЬ

Берёзовая Русь, берёзовые слёзы,
Златые купола вырастают в небеса.
В душе одни стихи, в ней места нет для прозы,
И ступни холодит жемчужная роса.

Берёзовая Русь в рассветах и закатах,
Как светлый, чистый храм, в котором я молюсь,
Чтоб огонёк горел в родных сердцах – лампадах,
Чей свет навечно потерять боюсь.

Боюсь, молюсь и знаю – понимаешь,
Когда, своими кронами шумя,
Меня за плечи нежно обнимаешь,
А я в слезах, как малое дитя.

СНЕЖИНКИ

Когда кружат снежинки над землёй,
Мне кажется, что ангелы летают,
Неся с небес нам радость и покой,
К их чистоте стремиться побуждают.

Да только мы, своим теплом в руках,
Их, ненароком, вечно убиваем.
Не слыша шёпот и не видя страх,
В простую воду просто превращаем.

Вот и сегодня вновь они кружат,
Ложась на миг в ладони незнакомых,
А мой кулак в кармане с силой сжат,
Чтобы спасти хоть несколько из многих.

Лев

Голубинский

г. Керчь

КАРЛИКОВАЯ ПЕКИНЕСКА

Белочкой зовут собачку.
Хвост пушистый, малый вес.
В зиму не ложится в спячку,
Карликовый пекинес.

Мы щенка продать хотели.
В выходные – на базар.
Насморк! Слёзы две недели.
Кто такой возьмёт товар?

Как лечить такую крошку?
Как лекарства ей давать?
Подлечили понемножку.
Вновь готовы продавать.

В выходной, как по заказу, –
Хвост поджат и жалкий вид.
Слёзы появились сразу.
Как от холода дрожит.

Покупатели смотрели,
Пожурили нас слегка.
Мы же люди, а не звери.
Надо вылечить щенка.

В понедельник, после сна.
 У неё здоровый вид.
 Весела и озорна.
 К выходным – опять хандрит.

Три, без малого, недели
 Продавалась та плутовка.
 Но, продать мы не сумели,
 Всех обманывала ловко.

Так закончилась борьба.
 Приз, конечно у неё.
 С ней расстаться, не судьба.
 Полюбили мы её.

ОСЕНЬ НА ИСХОДЕ

Осень на исходе. С гор холодный,
 Ветер дул, скрывая лужи льдом.
 Снег покрыл вершину, склон весь горный.
 Листья жёлтые лежат кругом.

Пали листья с кроны-шевелюры.
 На земле они лежат ковром.
 Бомбой падают плоды маклюры,
 Прокатившись по ковру ядром.

Обнажились грозди винограда.
 Ранее закрытые листвой.
 Как укор мне, или, как награда.
 За мой труд ухода за лозой.

Крик услышал сверху непривычный. –
 Надо мною, птиц летел косяк.
 Вдаль над морем, к югу, в путь обычный,
 Белых журавлей ведёт вожак.

И опять, как лето на морском просторе:
 Море ласково шуршит волной.
 Только жёлтый лист у кромки моря
 Осени вернёт нас золотой.

ПРЕКРАСНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Любовь промчалась, лишь меня коснувшись.
 Взгляд ласковый её пронзил меня.
 Я вслед смотрел, с надеждой, что, вернувшись,
 Навек со мной, останется она.

Она спешила, чтоб помочь больному.
 Ему любовь, в тот миг была нужна.
 Ревнив я был, к сопернику такому,
 Что с ним любовь, тогда была нежна.

Любовь нас выбирает, по-иному.
 Напрасно ждал, что выберет меня.
 Судьба опять отправила к другому.
 Её, возможно, недостоин я.

Любовь, казалось мне, явилась снова.
 На небе вспыхнув, яркою звездой.
 Судьба вмешалась, обошлась сурово.
 Звезда сгорела, пролетев стрелой.

Года прошли, осталось лишь сомнение.
 Терзающее душу вновь и вновь.
 А было ли прекрасное мгновение
 Когда меня, коснулась вдруг любовь?

ПРО, КРЫМ, ЧЁРНОЕ МОРЕ И БОСПОР

Давно о Чёрном море ностальгия,
 Чтоб выход в океанский был простор.
 Тогда сражалась с Турцией Россия.
 За Крымский полуостров и Босфор.

Разгромлен был в боях турецкий флот,
 Господство в Чёрном море потерял.
 Империи Османской кончен гнёт.
 Российский флот, для всех оплотом стал.

Есть Кючук-Кайнарджийский договор.
 Он Турцией подписан был с Россией.
 Для Турции он стал, как приговор.
 Оплатой за Османское насилие.

Закончилась, военная стезя.
 Окончен территориальный спор.
 Российской стала Крымская земля.
 Свободным стал проход через Босфор.

Татар чтоб Крымских не уничтожать,
 Хан Крымский присягнул Екатерине
 России верноподданными стать.
 Служить ей, защищать её отныне.

Россия обустривала Крым.
 Артек, Алушта, Ялта навсегда,
 Как здравницы, мы в памяти храним.
 Промышленные помним города.

Россия кровью защищала Крым.
 Керчь, Севастополь – символы твердыни.
 Хрущёв, – лишь росчерком пера одним,
 Российский Крым забрал для Украины.

Подписан группой, «тайный» договор...
 Советского Союза нет отныне.
 Народы не спросив, какой позор! –
 Наш Крым оставил Ельцин Украине.

И, чтоб не взбунтовался весь народ,
К приватизации всех будто б приобщили.
Сертификатами заткнули рот.
А ценное всё сами растащили.

Российский часто спрашивал народ.
За что же Ельцин Крым сдал Украине.
Не нравится и Крыму тот исход.
Когда наш Крым, с Россией разлучили.

В Ульяновске, на митинге, потом
(Видать, опять болела голова)
Он кукарекал: «Мы, наш Крым вернём!»
Есть «тайный» договор. К чему слова?

Сергей

Тимчук

г. Керчь

Тимчук Сергей Викторович родился в 1971 году в г. Уссурийске Приморского края в семье военнослужащего. Детство и юность прошли в Багеровском авиагородке. Отслужив срочную службу, продолжил военную традицию семьи – 21 год посвятил Вооружённым Силам. В настоящее время военный пенсионер (с 2010 г.) и служитель Храма Рождества Пресвятой Богородицы.

* * *

Рождественское чудо! Мрак в ночи
Вдруг озарился Вифлиаемским светом.
Всё во Вселенной замерло, молчит,
На главные вопросы ждёт ответа.

Уж к новой жизни приготовлен путь,
Уже по миру понеслась молва.
На старую дорогу не свернуть,
Пришла Эпоха – после Рождества.

На свет звезды зовущей ты спеши,
В нём скрыта мудрость Нового Завета.
Младенец в яслях – часть твоей души,
Твой Новый Путь, твоя дорога к свету.

* * *

Влюблённость и любовь нельзя поставить близко,
Хоть обе зажигают нам сердца.
Влюблённость ярко вспыхнет и погаснет быстро,
А свет любви сияет без конца.

* * *

Грех, – это битва против всех
 С ним трудно сладить одному
 Ведь даже самый малый грех
 Влечёт уверенно ко дну.

* * *

Избави, Бог, от тех тревог,
 Что душу вдруг лишают мира.
 Стань мне Звездой, чтоб я не смог
 Прожить бездарно, вкось и криво.
 Хватило б мужества начать
 Свой скорбный петь крестоношенья,
 Хватило б мудрости понять,
 Что без Креста мне нет спасенья.

* * *

В минуты редкие прозренья,
 Душой взирая на Христа,
 Мы просим искренне прощенья
 За то, что в жизни – суета.
 Что не хватает нам терпенья –
 Себя винить нам невдомёк,
 Что вместо яркого свеченья
 В душе чуть тлеет огонёк.

Очнись от сна, венец творенья,
 В тебе вопросов всех ответ.
 Отбрось гордыню и сомненья,
 Зажги в душе надежды свет.
 Забудь навеки прегрешенья,
 Очистись пламенем поста.
 Настало время измененья.
 Достоин будь любви Христа!

Любовь

Мищенко

г. Керчь

ВНУКИ

Что может быть дороже и милее
Тепла ручонок маленьких, ласкающих лицо!
Как сразу жизнь становится светлее,
Любовь и нежность замыкаются в кольцо!

А чистота невинных детских глазок,
Открытых, любящих и верящих в добро,
И в чудо-правду, и любовь из сказок,
И в Рябу-курочку, клюющую зерно.

И вера детская, что ты – всех лучше, –
Обязывает веру их не потерять.
Спасибо Господи за внуков, внучек,
И за возможность и любить их и ласкать!

ДРУГ

С детства нам с тобой знакомо слово друг,
С детства верных мы друзей имеем,
И при дружбе с детства замечаешь вдруг, –
Как же мы с тобой, дружок, взрослеем.

Годы пролетят, – у каждого семья,
 Дети, внуки и забот хватает,
 Только дружба прежняя жива.
 Друга верный друг не забывает.

Осень жизни человеческой пришла,
 И болячки телу докучают,
 Только мысль, что дружба с нами жизнь прошла,
 Благодарностью нам души согревает.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Что женщине любой для счастья надо?
 Совсем немного, в то же время – целый мир,
 И чтоб вихрь чувств пронесся, как торнадо,
 И чтоб надёжно защищен был её тыл.

Чтобы семья была и муж, и дети,
 И небо синее над головой, и дом
 Чтоб радость в нём жила и пелись песни,
 И смех и шутки чтоб звучали в нём.

Чтоб океаном в нём любовь разлита,
 А голод, нищета – дорогу б не нашли,
 Чтоб тихая звучала в нём молитва,
 И красоту б Земли, все вместе, мы спасли!

НОВЫЙ ГОД

Вот и снова на пороге Новый Год,
 Загадаю тайное желанье.
 Моё чувство ожидания растёт,
 Моё чувство ожиданья...

Который год подряд прошу у Бога:
 Коль в этот мир я женщиной пришла,
 То дай мне счастья женского немного,
 Чтобы любила и любимую была.

И чтоб душа моя от счастья пела,
 И чтоб счастливым был мой каждый миг,
 И чтоб глаза от радости блестели,
 И от любви и день и ночь светился лик!

СПАСИБО БОГУ

Простор вокруг, душа поёт и хочется любить,
 Всему и всем, кто рядом есть, любовь свою дарить.
 Спасибо Богу, что я есть, что в этот мир пришла,
 Что красотой и добротой душа моя полна.
 Спасибо Богу за людей, что в жизнь мою вошли,
 Открыли красоту Земли и океан любви!

ЗОВ ПРИРОДЫ

Когда за плечами десятки годов
 И старость стоит у порога, -
 Устал я от шума больших городов
 И в степь меня манит дорога.

Там дышится сладко и сердце поет
 И ветер мне грудь обдувает,
 Какую же радость господь нам дает,
 Душа от восторга пылает.

И хочется жить, и любить, и творить,
 И гимн красоте воспевая,
 Цветы и деревья вокруг посадить
 Красою простор дополняя!

ЧЕЛОВЕК

Как ёмко в жизни это слово – «Человек»!
 Как много в нём заключено значений...
 И можно жизнь свою прожить, прожить свой век
 И не иметь об этом представлений.

Когда любимую иль друга ты предал
 Иль защитить их было просто лень,
 На краю пропасти злым словом вниз толкал –
 То грош тебе цена в базарный день!

Хоть на короткий миг останови свой бег!
 Задумайся над тем как ты живёшь!
 И коль пришёл на Землю ты как Человек, –
 Стань лучшим украшением её.

Ты посмотри: вокруг такая красота,
 Насколько мир вокруг тебя хорош!
 Он создан для любви, для радости, добра!
 Ведь это рай, и ты в раю живёшь!

И нет вокруг тебя врагов, одни друзья,
 И жизнь твоя скользит теченьем рек,
 И если жизнь тебе Создателем дана –
 То проживи её как человек!

Ольга

Вичаренко

г. Керчь

ЛУННАЯ ТРОПА

Стекала лунная соната
За нотой нота с пальцев рук,
Дарила щедро, чем богата,
И всё внимало ей вокруг.

А полнолуныя ожидали
Вокруг дремавшие кроты,
Ежата слушать выбегали,
Виднелись крошечки хвосты.

Стеснялся филин громко ухать,
Лучились блёстки светлячков,
На пень уселась мышь-старуха
Внимать мелодии веков.

Умелые скользили руки,
Исчезла грусти пелена...
Душа впитала эти звуки,
Но вновь рождала их луна.

Табак душистый с маттиолой
Раскрыли дружно лепестки,
Эфирный запах невесомо
Плыл ароматом вдоль реки.

Едва заметное движенье
 Прохладных и прозрачных струй
 Имело явно отношенье
 К звучанью гармоничных струн.

НЕ ХОЧУ

Я не хочу быть как у всех!
 Меня судьба ведёт иначе...
 Пути нет к цели без помех,
 Обход нигде не обозначен.

У каждого своя стезя,
 И нет учителя с указкой:
 Туда нельзя, сюда нельзя,
 Но есть конец счастливый в сказке.

Я не хочу, чтоб как назло...
 Меня судьба ведёт иначе.
 Пусть говорят: «Ей повезло!»
 Со мной удача, это значит.

Я не хочу, чтоб как всегда.
 Меня судьба ведёт иначе –
 Воспитывает иногда:
 Не огорчаюсь и не плачу.

Я не хочу, чтоб как на грех,
 И курам на смех не желаю,
 И подхалимский слушать смех, –
 Пусть лишний раз я повторяю.

Я не хочу печаль чужую
 Нести, как собственность свою,
 По силам помощь окажу я,
 А вот притворства не люблю.

КАРТОШКА

Усталостью легли на плечи годы,
 Виски блестят серебряным шитьём.
 Идёт, я помню, мама с огорода
 С картошкой в переднике своём.

Не позабыть картошки из крапивы,
 Заболтанной яичным порошком.
 Все четверо росли и были живы,
 До холодов ходили босиком.

Зима из нас вытягивала жилы,
 Весна кормила ранней черемшой,
 Но летом ждать едва хватало силы
 Сиреневых цветочков над ботвой.

Но вот уже картошка зацветает,
 Под кустиками роем клубеньки,
 Заботливо землёю прикрываем
 От солнца корневые узелки.

Спешим назад протоптанной дорожкой,
 Несём варить в убогое жильё.
 Как бережно с ладошки на ладошку
 Катали мы горячую её!

В багровых зорях догорали дали,
 Не понимали многого тогда,
 По сводкам с фронта города считали,
 А по цветкам картофеля года.

СЧАСТЬЕ

Счастье есть! Оно не за горами,
 Не за суетливыми делами,
 Не обременённое обузой,
 Не за клеветы тошнотным грузом.

Что казалось безнадежно сложным,
 К счастью счастьем одолеть возможно,
 Счастья мало или счастья много –
 Сердце не сжимается тревогой.

Счастью нет границы, нет предела,
 Принимаем каждой клеткой тела:
 Птенчиком в ладошке уместится,
 В поднебесье улетает птицей.

Сущностью всей счастье сотворяют,
 Никогда оно не исчезает,
 Ценит счастье доброту и ласку –
 Не притворство, доброхота маску.

Счастье любит, счастье созидает,
 Всё в природе умиротворяет.
 Кто не верит, тот не получает,
 Здесь уже не случай управляет.

Счастье – песнь души, её звучанье,
 Счастье – это духа состоянье,
 Счастье – это разума блистанье,
 Счастье – это жизни ликование!

ПРИТОК

Родник, тугими струями рождённый,
 Несвязно начал быстро лепетать,
 Спешит, лучом восхода освещённый,
 Мерцать, моргать, светиться и журчать.

Стать маленькой речушкой без названья,
 Малиновки услышать голосок,
 Влюблённые приходят на свиданья –
 Для встреч есть переброшенный мосток.

Река неотделима от истока –
 За каждой струйкой следует струя,
 Сливаясь вместе в радостном потоке,
 Раскованно и солнечно смеясь.

И вот уже даровано название,
 И даже стали лодки проплывать,
 У всех река приобрела признание,
 Да, жаль, притоком стали называть.

СЧАСТЛИВЫЙ

Счастливым – восхищённый Человек,
 Преобразован каждой клеткой тела.
 Короток, иль долог его век –
 Душа над обстоятельством взлетела!

Счастливым не обязан никому
 И никому он ничего не должен.
 Наполненным быть счастьем самому –
 Неожидаемый успех возможен!

Счастливым быть – не значит быть крутым,
 Особенным и даже знаменитым,
 В кругах определённых быть святым.
 Счастливым не всегда бывает сытым.

Любви пространство в силах сотворить,
 На выпад злобы он не отвечает,
 Он двери может каждому открыть.
 Счастливым всех улыбкою встречает.

Счастливым быть – любовью одарить,
 Счастливым быть – не значит быть беспечным,
 Счастливым быть – уметь благодарить,
 Счастливым быть – во всём быть человеческим.

Марина

Мамуло

г. Керчь

Мамуль (Овчинникова) Марина Александровна родилась в Керчи. Училась в школе № 25. Окончила Одесский техникуме лёгкой промышленности по специальности технолог швейного производства, работала на Керченской швейной фабрике художником-модельером. Сейчас – Председатель Городского общества инвалидов г. Керчи. Стихи пишет с юных лет, считает, что «вдохновение - это жизнь!». Публиковалась в альманахе «Лира Боспора» выпуски 10, 11

* * *

Мы с тобой — не такие, как все,
Ограничены наши возможности:
Не пройдем босиком по росе,
Да и просто ходить — уже сложности.

Часто выйти из дома — нет сил.
Я сажусь за свое рукоделие.
Ты скамейку весь день мастерил.
Никогда не гнетет нас безделие.

А друзья мои пишут стихи
И картины — ну просто шедевры!
Вечера наши долги, тихи.
Дома мы... бережем свои нервы:

Не всегда нам готовы помочь,
Не всегда нам хватает внимания.
От закрытой двери — идем прочь,
Не дождавшись порой понимания.

Мы с тобой — не такие, как все,
 Потому, что намного мудрее.
 Мы не спросим: какие грехи
 Приковали ребенка к постели.

А скажите же, кто и когда
 Вынес нам приговор — одиночество?
 Радость жизни у нас не отнять!
 И еще не отнять наше творчество!

Мы с тобою — такие как все,
 И нам тоже бывает обидно.
 Нам доступность нужна лишь к сердцам
 Тех, которые — не инвалиды.

Мы с тобою — такие, как все!
 Мы умеем любить и смеяться!
 Силы есть вышивать, песни петь,
 Нет лишь сил в пустоту распыляться.

А полет наших чувств — невесом,
 И для творчества нету преграды.
 И бежит наша жизнь колесом.
 Как и вы, каждой встрече мы рады!

*Юмор, сатира,
пародии*

*Леонид
Панин*

*Сентябрь. Тепло и дни короче...
Виолетта Руденко*

* * *

Сентябрь. Тепло. И дни короче
И ты меня уже не хочешь,
Как было раннею весной.
В твоей душе живет другой,
Какой-то призрак неизвестный,
И покорив твой мир телесный,
Хохочет громко надо мной.
Увы! Сентябрь я ненавижу,
Но не могу тебя забыть –
Для сохранения престижа
Хочу скорее отвалить.
Тебя другому оставляю,
А сам, куда-нибудь, налево...
Я не король, но понимаю,
Что ты не «просто королева»!
Гнездо Дворянское пустое...

Какой пассаж, какая жалость,
 Что ты сейчас, а не весною
 Хмырю какому-то досталась.
 Чтоб не терзало душу лихо,
 Я соберу тихонько вещи...
 Глядишь, и новую чувиху
 На стороне найду похлеще.
 Сентябрь, тепло. Весна «не катит»,
 И ты не «просто королева».
 Я ухожу к подруге Кате,
 А ни куда-нибудь налево!

*Пусть соседи судачат,
 Улыбаясь в лицо,
 Мой возлюбленный мачо
 Подарил мне кольцо...
 Лариса Алексеева*

1 КОЛЬЦО

Помолившись на удачу,
 Я шагнула под венец,
 И кольцо родному мачо
 Я надела, наконец!

Блещет чудо золотое
 И сияет как алмаз –
 Я колечко дорогое
 Подобрала в самый раз!

И соседки не судачат,
 Улыбаясь мне в лицо,
 Видя, как на теле мачо,
 Блещет гладкое кольцо.

Тут везенье и удача,
 Тут и факты налицо,
 И надетое в придачу,
 Наконец, моё кольцо!

2 ЯЙЦО

Все соседи судачат,
 Зубоскаля в лицо, –
 Мой возлюбленный мачо
 Показал мне яйцо.
 А потом из пакета
 Он другое достал.
 И застенчиво это
 Мне яйцо показал,

Вновь соседи судачат
 И регочут в лицо,
 Оказалось, что мачо
 Вынул третье яйцо!
 Я, как статуя стала,
 Изменившись в лице,
 Когда правду узнала
 О четвёртом яйце.

И едва не упала
 Опрокинувшись ниц,
 Когда вдруг увидала
 Натюрморт из яиц.
 На лицо незаметно
 Накатилась слеза,
 И малиновым цветом
 Резануло глаза,

Видно он эти яйца
 Опускал в кипяток
 И в тепле повалиться
 Оставлял на чуток.
 А соседки судачат,
 Обнажив зуб оскал,
 Для чего яйца мачо
 В кипяток опускал?

Ведь такое на свете
 Невозможно стерпеть,
 И на ребусы эти
 Ты нам, девка, ответь!
 «Он ко мне пообщаться,
 Вечерком заходил
 И пасхальные яйца
 Мачо мне приносил...»

*Но в этой жизни лишь Наташи
 Во мне мужчину пробуждают...
 Анатолий Белоцерковский*

* * *

Хоть Фатима на свете краше,
 Как мне упорно утверждают,
 Я пробуждаюсь от Наташек,
 Которых жизнь мне поставляет.

Я пробуждаюсь как мужчина
 И возбуждаюсь то и дело...
 Тому виной одна причина –
 Когда Наташи вижу тело.

К чему мне Ира, Оля, Даша,
 Которых жизнь мне предлагает?
 Во мне теперь одна Наташа
 Давно мужчину пробуждает.

От Фатимы, что в жизни краше,
 И что на свете всех милее,
 Уйду, пожалуй, я к Наташе,
 Причем, как можно поскорее!

*Он (Сент-Джон):
Стихи читать нам недосуг.
Прошу Вас в койку, добрый друг.*

*Она (Джен Эйр):
После какой немыслимой попойки,
За чьи невозвращенные кредиты
Должны мы, сэр, вернуться в этой койке,
Как будто нас кусают паразиты?
«Современный диалог в стиле
Шарлотты Бронте».
Светлана Бурова.*

ДИАЛОГ

Она (Джен Эйр):
Нам, прежде чем стихи читать,
Сначала надо переспать.

Он (Сент-Джон):
Я трезв, как стёклышко, мой друг,
Как будто не было попойки
И спать мне с Вами недосуг
На этой жалкой, узкой койке!
А чтобы с Вами лечь в кровать,
В обычном качестве супруга,
Придётся, милая, позвать
Мне своего на помощь друга.
Который Вам прочтёт стихи
В постели, лёжа между нами,
Простит все займы и грехи
И «оторвется» по программе.

Она (Джейн Эйр):
Вы мой желаете ответ
Сейчас услышать в продолженье?
Нет, нет, мой друг, конечно нет!
Я не согласна, к сожаленью!
Ведь Вы мне вовсе не супруг,
Стихи читать Вы не умели,
Так, проведите свой досуг

Один со мной в моей постели.
 Ведь мне сейчас важнее тот,
 Кто после дружеской попойки
 Мне не стихи свои прочтет,
 А будет спать со мною в койке.

Он (Сент-Джон):
 Мне надо Вас освободить
 И от долгов и от кредитов,
 И дихлофосом потравить
 В постели всяких паразитов!
 Иначе выпьют Вашу кровь
 К утру постельные поганки
 И будет некому стихов
 Читать в кровати гувернантке.

Она (Джейн Эйр):
 Я повторяю Вам опять,
 О чем запомнить попросила,
 Что не стихи сюда читать
 Вас гувернантка пригласила.
 И прежде, чем стихи читать
 Вернувшись с дружеской попойки,
 Сначала надо переспать
 Тебе со мной в скрипучей койке!!!

*Не надо вешать ярлыки
 На тех, кто с помощью руки!
 Евгений Хаит.*

* * *

Не надо вешать ярлыки
 На тех, кто с помощью руки!
 Не надо бы судить за это
 И тех, кто с помощью предмета.

...Почему ж эти птицы на север летят...
 ...Где разреженный воздух смертелен и чист...
 ...Где не верят святым. Где пророков казнят...
 ...В гордом блеске сухих опаленных глазниц....
 Виолетта Баши (Литпричал)

.....
 Дохлые птицы по небу летят
 Блистая пустыми глазницами
 И паэтессу притом матерят:
 – Сука, что сделала с птицами!
 Как нам, безглазым, теперь отыскать
 Этот загон с кобылицами?
 Выклевать дуре глаза и нассать,
 Чтобы блестела глазницами
 Vik Starr. (Литпричал.)

* * *

Птицы дохлые взлетели
 И по небу полетели.
 Блещут стаи дохлых птиц
 Чернотой пустых глазниц.

Эта сука-поэтесса
 Вот уже в который раз
 В тишине родного леса
 Птиц оставила без глаз.

Над полями и морями
 Дохлый птичий путь пролёт.
 Птицы кроют матюками
 Суку вдоль и поперёк.

Как теперь безглазым птицам
 Счастье в небе отыскать
 И в загоны к кобылицам
 Птичьей стаею летать?

И, по небу пролетая,
 Из бездонной пустоты
 Мочат птицы дохлой стаей
 Поэтессу с высоты.

*Фонарь мой сизый – это украшеньё,
Пусть светит тускло он, зато для всех вокруг,
Он дарит радость, всем без исключенья,
Поскольку формой он походит на каблук.*

*С недавних пор горит фонарь алмазом,
Меня прославил он, как Путина слеза,
Всё потому, что он горит под моим глазом,
Как светоч доблести – геройская звезда!
Сивилла (Надежда Камзулина). (Литпричал)*

ФОНАРЬ

У меня звезда под глазом,
Как фонарь горит алмазом –
Это я недавно вдруг
Напоролся на каблук.

Слез горячих не скрывая,
Путин, плача и рыдая,
Изо всех последних сил
Прямо в глаз мне зазвездил!

Как я долго ждал момента –
Получить от президента
Каблуком, хотя бы раз,
Дорогой подарок в глаз!

И теперь я, как алмазом,
Освещаю сизым глазом,
В виде доблестных услуг,
Километров сто вокруг.

*Под тенью нестарого граба,
 Укрывшись накидкой ветвей,
 Я спал, и мне снилась баба,
 И что-то я делал на ней.
 Красивая свежая стерва!
 Прости нас, господь, за грехи.
 Я с нею залечивал нервы,
 Она мне читала стихи.
 Баба муза. Николай Тюрин. (Литпричал)*

МУЖИК И БАБА

Под тенью граба, в тишине
 Лежала баба на спине,
 И как удав на баобабе
 Дремал мужик на этой бабе.

Под грабом сон ему приснился,
 Как он на бабе очутился,
 И как в тени, среди ветвей,
 Он что-то делать стал на ней.

Лежа в объятьях свежей стервы,
 Он бабе действовал на нервы,
 Когда читал свои стихи
 Про первородные грехи.

А в тишине, под тенью граба
 Лишь об одном мечтала баба,
 Чтобы мужик, взамен стихов,
 С ней сделал множество грехов!

*Сошью сегодня сарафанчик себе лёгонький...
 Светлана Соколова 4. Стихи.ру*

* * *

Я сарафан себе пошила –
 Такой зеленый, малюпусенький,
 А для комплекта я решила,
 Из лоскуточков сделать трусики.

Пришью на трусиках кружавчики,
Полупрозрачные расстёжечки,
Чтобы и девочки и мальчики,
Балдели от моей одёжочки.

*Владимир
Славин*

Родился в Керчи в 1961 году. В 1978 году поступил в Московский историко-архивный институт, с тех пор живет в Москве. Работает в сфере, бесконечно далекой от литературы. Случалось, публиковал стихи в интернете под ник-неймами Aquarius и Водолей. На бумаге и под собственным именем публикуется впервые.

* * *

Этот город стоит над проливом
между двух невеликих морей,
обустроен довольно красиво,
вечерами здесь много огней.

Проживают здесь разные люди,
тысяч их где-то сто пятьдесят,
суеты и волнений не любят,
никуда не бегут, не спешат.

Берегут убежденья свои, и
за пролив обращают свой взор,
так как преданно любят Россию,
хоть она их не видит в упор.

Обожают родную природу,
каждый третий - художник и бард,
игнорируют веянья моды
и без усталости что-то творят.

Ну а тот, кто не бард, не художник,
 значит, он непременно поэт:
 по-другому здесь жить невозможно,
 здесь нетворческих личностей нет.

В чем тут дело - я, право, не знаю,
 тут секрет, сколько версий ни строй.
 Может быть, атмосфера такая?
 Может, климат какой-то чудной?

Есть догадка, ее я не скрою:
 им себя, видно, нечем занять:
 Городок пребывает в застое.
 Скучно, если кругом тишь да гладь.

Проживая вдали от событий,
 в мыслях праздно уносятся ввысь.
 Им сноровки прибавить и прыти,
 вдруг бы делом они занялись?

* * *

Уж я не знаю как другие,
 однако сам я, например,
 испытываю ностальгию
 по временам СССР.

Листая старые страницы,
 я неизменно восхищен:
 как радостно сияют лица
 с газетных снимков тех времен!

(Хоть и теперь мы видим часто
 счастливых, радостных людей,
 но в основном – в рекламе пасты
 и мыла Dove, или Camay.)

В те времена всё было вкусным,
 что понимаем мы вполне,
 когда теперь с гадливым чувством
 едим набор каких-то Е..

Звучали искренние песни
 о том, что Ленин – молодой,
 о том, что жить не хочет честно
 лишь кто-то.. кое-где.. порой..

Мир не казался злым и грубым
 и были помыслы чисты!
 К тому же я имел все зубы,
 а ныне вместо них – мосты.

46-й размер в ту пору
 был у любимых брюк моих,
 теперь они - живым укором,
 когда в шкафу увижу их.

Благодаря советской власти
 я строен был: хотелось есть!
 Различных поводов для счастья
 уж не упомнить и не счесть.

Стреляли женщины глазами...
 Им безразличен я теперь.
 Как не грустить, судите сами,
 о временах СССР?

* * *

*К развернувшейся на форуме дискуссии
о губительных для природы и человечества
последствиях научно-технического прогресса*

Представил я себе картину:
сидит в кокошнике жена,
в избе светец, на нем лучина,
чтоб мрак рассеять, зажжена.

В руках жены веретено
(допустим, что она прядет)
и, знамо дело, как в кино
народным голосом поет:

«Ой, да понад реченькой
взошла зорька ясная-
я-я-я...»
или что-нибудь не менее ужасное.

Вот я. Небрит, в глазах кручина,
в лаптях вхожу в избу с мороза,
распространяю дух овчины,
а также свежего навоза.

Снег отряхнувши с зипуна,
в тоске сажусь я у окна.

Ко мне тотчас сбежались дети,
хотят развеселить отца:
мол, тятя, тятя, наши сети
вновь притащили мертвеца.

Шуршат за печкой тараканы,
кипят в горшке пустые щи.
А как же кофе с круассаном?
Его ты здесь и не ищи.

Сейчас сбежать бы в интернет,
 где вы на форуме все вместе.
 Но интернета еще нет,
 и будет он лет через 200.

Зеваю, лезу на полати,
 ведь завтра с курами вставати.

Забыл сказать, что туалета
 в избушках не было тогда.
 И как же вам картина эта?
 По мне, так в сущности беда.

Нет, счастлив всякий человек,
 что нынче 21-й век.

* * *

Из интернет-поэзии:

*«...Ты прощай мне, пожалуйста, многое:
 Я ведь женщина, и очень уставшая.
 Шла к тебе трудною дорогою,
 Принесла любовь запоздавшую...»*

Эх, печальная эта история.
 Если женщина в изнеможении,
 Подлечиться бы ей в санатории,
 Чтоб в себя прийти более-менее.
 Душ Шарко, терренкур, ванны хвойные,
 По утрам кормят манною кашею, –
 Станет вся из себя довольная,
 Рассосется любовь запоздавшая.
 Станет бодрой, спортивной женщина,
 Телом крепкая и здоровая,
 А пристанет кто - даст затрещину:
 К мужикам надо быть суровее.

* * *

Из новостной ленты (2010):

Керчане смогут признаваться друг другу в любви на «скамейке влюбленных»

Городские кузнецы сделали подарок всем влюбленным и установили в центре города скамейку, где желающие могли бы назначить романтическое свидание.

Осень выдалась нынче на диво...
 Повстречались погожим деньком
 Ваня Сидоров, сварщик с «Залива»,
 И Василий Петрович, старпом.

Были рады приятели встрече,
 Чтобы вспомнить минувшие дни,
 На свободной скамье в центре Керчи
 Расстелили газету они.

Под тараньку и светлое пиво
 Говорили о том и о сём
 Ваня Сидоров, сварщик с «Залива»,
 И Василий Петрович, старпом.

Но уселись приятели сдуру
 На скамейку для тех, кто влюблён,
 Оттого с нехорошим прищуром
 Наблюдали их с разных сторон.

Клевета, словно черная птица,
 Опустилась на наших друзей,
 По Керчи разнесли «очевидцы»:
 А такой-то – ну как его... – гей!»

Пострадали в глазах коллектива
 И подруг своих верных притом
 Ваня Сидоров, сварщик с «Залива»,
 И Василий Петрович, старпом.

Вот и всё. Разукрасить мне нечем
 Невеселую повесть свою.
 А мораль? Ты смотри в центре Керчи
 На какую садишься скамью.

МАКРОФОТОГРАФИЯ

(следуя традиции капитана Лебядкина и Н.Олейникова)

Таракан глядит с портрета.
 Вид его рождает чувства,
 Понимаем мы, что это –
 Настоящее искусство.
 Смотрит он с немым укором,
 К нам протягивая лапки,
 Сердцем чувствуя, что скоро
 Примет смерть свою от тапка.
 После съемки для портрета
 Он помчится прочь из кухни,
 Но в районе туалета
 Мир в глазах его потухнет.
 Попадет он в переделку,
 Угодит под тапок меткий...
 Не залезть ему в тарелку –
 Там, где вкусные объедки,
 Не догнать ему под мойкой
 Быстроногую милашку,
 И не будут шмыгать бойко
 Его детки-таракашки...
 Все закончится.. Но все же
 Он оставит след на свете –
 На себя вполне похожий
 Жить продолжит на портрете.

* * *

Мне часто снится странный сон:
 Вот я умылся, съел чего-то,
 Иду, в заботы погружен,
 К метро, чтоб ехать на работу.

А дальше – полчаса пути..
 Их не скостить, хотя б отчасти.
 И раньше срока не сойти:
 Во сне мы над собой не властны.

Но вот и офис. «Всем привет!»
 Пью чай, сижу у монитора,
 Ищу пропавший документ.
 И разговоры, разговоры...

Затем мне снится путь домой:
 Опять тягучий и нескорый.
 Приехал. Ужин всей семьей.
 И вновь сижу у монитора.

...Будильник просверлил мозги,
 Выдергивая из дремоты.
 Еще за окнами ни зги.
 Я умываюсь, ем чего-то...

* * *

Очищая свой письменный стол
 (Подвиг редкий, вы знаете сами),
 Позабытую книжку нашел
 С телефонами и адресами.

Стал листать... И другие дела
 Как-то сами собой отступили,
 Будто прежняя жизнь ожила
 Под гипнозом имён и фамилий.

В пухлой книжке – десятки людей,
 С кем по разному поводу знаясь,
 Продвигался я жизнью своей
 Параллельно и пересекаясь.

...С этим парнем служить довелось,
 Вместе с ним я ходил в самоволку.
 Он в нефтянке теперь. Крупный босс.
 Позвонить? Может, вспомнит. А толку?

...Эта дружба сгорела дотла,
 До сих пор меня за душу тянет.
 Нас политика врозь развела:
 Я – за Ельцина, он – за парламент.

Тот разбился, а этот сидит:
 Крайним сделали в денежной ссоре.
 Умный парень, совсем не бандит,
 Наши семьи сдружились на море.

Я пытался искать, я звонил.
 Нет, как будто бесследно пропали.
 Это было давно, до мобил,
 А квартиру, наверно, продали.

...Эта пара кочует давно,
 Начинали как беженцы в Штаты,
 Как-то был из Парижа звонок.
 Пусть придёт к вам удача, ребята!..

Всё. Достаточно. В ящик стола
 Книжка убрана. Вдруг пригодится?
 Словно вдаль от меня отошла
 Лиц, событий и встреч вереница.

Остаётся принять: я и сам
Существую по адресным книжкам —
Позабытым, отправленным в хлам.
Это грустно...
А в общем, не слишком.

Аюдмила

Журавова

ИНТЕРНЕТ-МАЧО

День рожденья! И с утра –
Праздник у Артема...
Все «друзья» – по всем «Мирам»
У Артема – «Дома».

Он слегка от счастья пьян –
Горы апельсинов...
Всем сказал: «В Иннете Я
Нынче, самый «Сильный».

Как-никак под пятьдесят!
Двадцать – в Интернете,
Тут «висят» мои «друзья»,
Тут «родились» дети.

Виртуальных жён одних
Где-то... сорок восемь...
Все довольные они –
Ничего не просят...

Так... общаюсь... «для души»...
Всех люблю – по «списку»...
Каждой «свеженькой лапши»
«Вешаю» без риску...

Не понравилась – сотру,
Только двину «мышкой» –
И глядишь, опять к утру
Новенькая «Фишка»...

Ну, про всех я не скажу –
 Надя, Вера, Тома –
 К каждой просто «захожу»
 И у каждой – дома...

Все красивые... на вид...
 Что же еще надо?
 Без упреков, без обид
 Шлют мне все «награды»...

И от этой, и от той –
 Тысячи «сердечек»...
 Как весёлый и «Крутой»
 Всеми я отмечен...

У меня шикарный Блог
 Только для «элитных»...
 В «Мейле» я и Царь, и Бог –
 Сами посмотрите...

Я не пью и не курю,
 Настоящий Мачо...
 Я и фото всем дарю
 Вот – на фоне «тачки»...

Ну, конечно же, моя!!
 У кого такая?!!
 И от зависти «друзья»
 В «Мейле» вымирают...

А глаза... А мудрый лоб...
 Тоже всем на зависть...
 (Если бы не «Фото-шоп» –
 Был бы я красавец?..)

Ну, а так – Я... ничего...
 И «Тату» на теле,
 И поклонниц «хоровод» –
 Сами же хотели...

«Кончил третий институт» –
 Впечатляю лихо...
 Видят все, как я расту –
 «Ташутся» «друзьяхи»...

Ну, хамил... Ну, есть изъян...
 Кто ж меня отыщет –
 У меня уже в «друзьях»
 Двадцать восемь тысяч...

Даже строгий Вова Бег
 И Пригожин тоже, –
 Если что не «до кумек...»
 Сразу же поможет...

Мы почти что кумовья
 Тут с Серовым Сашей...
 А «элитные друзья»
 Не потерпят «Лажи»...

.....

Жил себе, как в марте кот,
 По разряду – «Первый»...
 Надо же – под Новый год
 Отыскалась стерва...

И всего-то я три дня
 Пролежал в запое...
 Ну и «сделала» меня
 Эта стерва – Зоя...

Ну, хамил я ей, друзья –
 «Вышел» – извиниться...
 Там, где был «красавец – Я» –
 Чистая... страница...

Чудом «дубу я не дал» –
 Знает друг – Сан Саныч...
 Всё, что 20 лет писал –
 Всё... исчезло... за ночь...

Вот такие у меня
 Нынче Именины...
 Мне не пишут, не звонят –
 Я гуляю с сыном...

SMS-ки – ни одной...
 Всеми я покинут...
 Всем привет – иду с женой
 На колхозный рынок...

Василий

Нестеренко

«ЛИРЕ БОСПОРА»

«Лира Боспора» – палитра истории –
Керченских авторов письменна.
Перлы друзей по ранжиру заборному
В книжках задорных гудят. Но струна

Барда отпадного вряд ли порадует.
Статусы падают! Бардик, уймись!
В мире достаточно пафоса стадного.
Место под солнцем в тенёчке займи.

В мире нетленном помеченный рейтингом
Песенки будешь слагать для друзей,
Втюхивать их по сетевому маркетингу
И на халяву кормиться везде.

ПРИПЕВ Но этот дружеский мирок
Тебе воздаст свою оценку;
Где ты не гений и не бог,
А просто Вася Нестеренко.

«Лира Боспора» – весёлые сборы,
Патоки тонны, любви и вина.
Но на заборах всемирной истории
Керченских авторов есть имена.

Алексей

Вдовенко

БОМЖ

Я – бомж, живу в подвале,
 Мой счёт равен нулю.
 Меня давно «послали»,
 Но я вас всех люблю.

Люблю вас за окурки,
 За призрачный уют,
 Ещё за то, что в «дурку»
 Покуда не сдают.

Просить мне неприятно –
 Общение не то,
 Но могут дать бесплатно
 Старинное пальто.

Со мной так сложно миру –
 Я вечно есть хочу.
 Однако, за квартиру
 Я ЖЭКу не плачу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Запорожец В. А.
Бурова С. А.
Володин В. С.

ПРОЗА

Рабочая-Маринич Е. Ю.
Кучмина И. Л.
Москатов А. Ю.
Дмитрюкова Г. Н.
Бухарбаева А. И.
Ищук Т. В.
Нестеренко В. М.
Цигельман Б. А.

ПОЭЗИЯ

Алексеева Л. П.
Лось В. М.
Коношенко С. А.
Десятова Л. С.
Артёмин К. А.
Храмкова Л. В.
Собко Е.
Щербина Е. В.
Пак Е. В.
Дадой З. С.
Коваль В. Ф.

МНОГОГРАННИКИ

Вдовенко А. Н.
Левченко Т. В.

Васильев-Пальм Б. А.
Молодцов С. В.
Молодцова М. В.
Бондаренко Е. В.
Руденко В. Е.
Синеглазова А. А.

Синеглазов А. В.
 Чудновский М. Е.
 Чудновская А. М.
 Дерий Ф. П.

ЛИРА МОЛОДАЯ

Ромазанова Е. В.
 Седова И.
 Крыжановская О. С.
 Мазилев К. В.
 Сахно Е. С.
 Чаплин А. Ю.

ПОЭЗИЯ БАРДОВ

Шапран О. Д.
 Смашная В. П.

ЛИРА БОСПОРА ДЕТЯМ

Вдовенко А. Н.
 Чудновская А. М.
 Левченко Т. В.
 Коваль В. Ф.
 Полуянова Р. П.
 Тарасенко А. Ф.

КРАЕВЕДЕНИЕ, ПУБЛИЦИСТИКА

Дудаков В. А.
 Чудновский М. Е.
 Токарева А. П.
 Тищенко Л. Д.

МЕМОРИАЛ ЛИРЫ БОСПОРА

«Мі будем помнитъ вас, учитель» (Е. Рабочая-Маринич)
 Славин Н. А.
 А.Бойченко-Керченский А. И.
 Трушкова Н. С.
 «Отлетела душа» (Л. Храмкова)
 Беланова Н. И.
 Поникаровский Ф. Н.

НАША ГОСТИНАЯ

Беляева О. М.
 Кувшиновская Т. А.
 Свириденко К.
 Севрикова С. В.
 Шаталова Е. А.
 Голубинский Л. К.
 Тимчук С. В.
 Тищенко Л. Д.
 Сичкаренко О. Л.
 Мамуль М. А.

ЮМОР, ПАРОДИИ

Панин Л. Т.
 Славин В. Н.
 Храмова Л. В.
 Нестеренко В. М.
 Вдовенко А. Н.

Літературно-художнє видання

ЛИРА БОСПОРА
Альманах
Выпуск XII

(російською та українською мовою)

Відповідальний за випуск Ю. Я Іваніченко
 Редактор А. Н. Вдовенко
 Упорядник Т. В. Левченко
 Комп'ютерний набір Т. В. Левченко

Підписано до друку 20.11.12 г. Формат 60x84 1/16.
 Гарнітура Petersburg. Обсяг 23,5 ум.арк. Наклад 300 прим.
 Друк офсетний+електрографічний. Папір офсетний. ВАТ
 «Сімферопольська міська друкарня» (СМТ) 95000 Сімферополь, вул.
 Горького, 8. Свідоцтво ДК № 2359 від. 02.12.2005 р.